

50-летию

Великой
Победы
посвящается

50-летию
Великой
Победы
посвящается

МЫ КАПЛИНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

ХРОНИКА
ДОКУМЕНТЫ
ВОСПОМИНАНИЯ

Тверь 1995

Общественная редколлегия:

Г. М. Зайцев - председатель

Н. К. Бойдина

А. П. Голубев

В. И. Терещатов

К. И. Тяпина

Составитель и литературный редактор А. Е. Смирнов

© Художник С. В. Даниленко

Мы, калининские партизаны... : Хроника, воспоминания,
документы.- Тверское областное книжно-журнальное
издательство, 1995.- 336 с.

ISBN 5-85457-048-3

© Обл. совет ветеранов
калининских партизан, 1995
Тверское областное книжно-журнальное
издательство, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Составной частью вооруженной борьбы советского народа против фашистских захватчиков на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны, важным фактором достижения победы над фашистской Германией и ее союзниками было партизанское движение.

Борьба советских людей в тылу врага стала ярким проявлением патриотизма, неукротимой воли к победе. Это выдающийся подвиг народа, волнующая глава истории Великой Отечественной войны. Свои убедительные страницы оставили в летописи партизанского движения народные мстители Калининской области, не жалевшие жизни своих, отстаивая свободу и справедливость.

За полвека, минувшие со Дня Победы 9 Мая 1945 года, увидело свет немало монографий, книг воспоминаний, художественных произведений, публицистических сборников о народной войне в тылу врага. Десятки названий работ самого разного характера насчитывает библиография о калининских партизанах. В этом списке такие книги, как "Подвиги народных мстителей", "Народная война в тылу врага", "Дневник и письма Ины Константиновой", "Наша Чайка", работы И. С. Борисова, Н. М. Вараксова, В. П. Заболотнова, Н. И. Макарова, В. И. Марго, В. И. Терещатова и других авторов. Верным летописцем подвига калининских партизан был журналист Н. В. Мосолов. Все эти книги - бесценные свидетельства партизанской и подпольной борьбы, всенародного сопротивления врагу.

И тем не менее о многом еще не рассказано. В истории войны на оккупированной фашистами земле немало "белых пятен". Восполнить эти пробелы в самой малой малости и призван предлагаемый читателю сборник "Калининский партизан", предпринятый по инициативе совета ветеранов калининских партизан.

Представляя его, общественная редколлегия должна предварить книгу некоторыми замечаниями и соображениями.

Сборник замыслился как рассказ партизан и о партизанах. Таким он и получился. Работа над книгой шла не один год, и практически все материалы, оказавшиеся в распоряжении общественной редколлегии нашли в ней место. Это воспоминания непосредственных участников партизанского движения на Калининской земле (в довоенных границах области, в районах действия калининских партизанских бригад и Калининского партизанского корпуса).

Сборник предваряет выборка сообщений из сводок Советского Информбюро о боевых действиях калининских партизан, публикуемая с такой полнотой впервые. Она дает представление о

масштабах партизанской войны, боевых действиях, хотя и требует к себе внимательного и критического отношения. Завершают же книгу материалы "круглого стола" активных участников партизанского движения, в которых предпринимается попытка осмыслить некоторые проблемы сопротивления народных масс ненавистному врагу теоретически, философски, нравственно.

Общественная редколлегия относится к своему труду взыскательно и хорошо представляет не только достоинства, но и недостатки сборника. В нем, к сожалению, отсутствуют, например, воспоминания участников первых партизанских отрядов и подпольных организаций, созданных партийными комитетами или стихийно во фронтовых районах в начальный период войны. В книге представлены не все калининские партизанские бригады, особенно те, которые формировались на территории нынешних Псковской и Новгородской областей. Вполне справедливым может быть упрек и в том, что сборник не охватывает всех районов Тверской области, где живут ныне калининские партизаны. Увы, редколлегия просто не располагала их материалами. Думается, эти недостатки вполне устранимы, если издание подобных сборников будет продолжено, но при целом ряде условий, которые вряд ли зависят от совета ветеранов калининских партизан.

При работе над книгой нам пришлось испытать немалое сопротивление двух условных "противников".

Во-первых, это - время. Оно неукротимо, неотвратимо и безжалостно. Уже в ходе составления этого сборника ушли из жизни его инициаторы, авторы и составители В. И. Терещатов, Г. М. Зайцев и другие. Наша искренняя благодарность им за хлопоты и заботы. Они оставили добрую память о себе, которая материализовалась и в страницах этой книги. Но тем, кто намерен еще оставить свои воспоминания, надо спешить.

Во-вторых, это средства. Сложностей организационно-финансового, хозяйственного порядка возникало более чем достаточно. Система государственного книгоиздания, которая с благосклонностью относилась к партизанской литературе, рухнула. И если бы не огромная помощь главы администрации Тверской области В. А. Суслова и работников его аппарата, областного книжно-журнального издательства, рукопись этой книги нашла бы место себе, в лучшем случае, на архивной полке, а не воплотилась в сборник, вышедший ко Дню Победы.

Но книга - вот она, перед вами. Это наш подарок всем калининским партизанам к Великому Пятидесятилетию, подарок всем жителям Тверской земли, всем наследникам нашей славы и чести.

Общественная редколлегия

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

ИЗ СВОДОК СОВИНФОРМБЮРО

---

25 июня 1941 года, на четвертый день войны, советские люди получили возможность познакомиться с первой оперативной сводкой Совинформбюро. С того дня сообщения о положении на фронтах, работе тыла, партизанском движении, о героической борьбе Советской Армии и советского народа ежедневно приходили к миллионам читателей и слушателей.

Сводки Совинформбюро публиковались в газетах, расходились миллионными тиражами листовок, распространялись за рубежом. Их слушали по радио в окопах и блиндажах, принимали в партизанских землянках, переписывали от руки и передавали из рук в руки, от села к селу, от дома к дому. Без преувеличения, в годы войны это была самая желанная, самая долгожданная информация.

Сегодня можно услышать разные комментарии к тем сводкам, но в любом случае относиться к ним следует с тем же трепетом, с тем же уважением, как и в годы Великой Отечественной войны.

В публикуемой подборке - все информации, содержащиеся в сводках Совинформбюро и прямо относящиеся к партизанскому движению на территории Калининской области в ее границах 1941 года.

1941

Вечернее сообщение 11 сентября

В захваченных гитлеровской армией западных районах Калининской области изо дня в день усиливается партизанское движение. Отряды, действующие вокруг Невеля, за последние три недели совершили свыше 80 налетов на фашистские войска, транспорты, склады, коммуникации и аэродромы. В результате этих налетов убито и ранено более 750 немецких солдат, офицеров и чиновников. Партизаны уничтожили 24 вражеских танка, 9 бронемашин, 13 орудий, 52 грузовых и 7 легковых автомашин, 44 мотоцикла, 217 велосипедов, более 1 000

винтовок и 140 автоматов. Отряды сожгли 4 фашистских склада боеприпасов, 21 автоцистерну с горючим, 8 продовольственных обозов и 3 склада зимнего обмундирования, недавно привезенного немцами из Норвегии. Кроме того, партизаны уничтожили на аэродромах 4 фашистских бомбардировщика и 2 штурмовика.

Образцы исключительного героизма проявляют бойцы партизанского отряда под командованием почтового работника тов. Е. 3 сентября вечером партизаны узнали, что из Подберезья по направлению к Дунаеву пошла рота немецкой пехоты. Партизаны подошли к Дунаеву и открыли огонь по фашистским войскам, находившимся в Дунаеве. Началась интенсивная перестрелка. Фашисты двинули против партизан три стрелковых взвода. В это время со стороны Подберезья подошла немецкая рота. Тогда партизаны прекратили огонь и скрылись. Не разобравшись в обстановке, оба немецких отряда начали перестрелку из пулеметов и винтовок. Пока фашисты узнали друг друга, было убито более 30 немецких солдат и офицеров.

Отряд под командованием зоотехника тов. Ж. совершил смелый налет на Усвятово. Перебив до 80 фашистских солдат, партизаны взорвали мост через реку М. Смота, 3 склада с боеприпасами и продовольствием и уничтожили 6 грузовых автомашин. Захватив много оружия, партизаны оставили село.

Бойцы партизанского отряда бухгалтера МТС тов. П. на большом отрезке дороги около Губаны насыпали острые обрезки железа и гвозди. Двигавшийся по дороге отряд немецких мотоциклистов остановился из-за того, что не меньше, чем у 20 мотоциклов, были проколоты шины. Когда фашисты занялись сменой покрышек, партизаны напали на них. Перебив 25 немецких солдат, партизаны захватили мотоциклы и скрылись.

Вечернее сообщение 16 сентября

С первых дней вторжения немецко-фашистских полчищ на территорию западной части Калининской области тысячи рабочих, колхозников, учителей, агрономов, советских служащих ушли в партизанские отряды. В Великолукском районе партизанский отряд председателя сельсовета тов. Б. сжег в

тылу у немцев 7 мостов, которые были прежде восстановлены немецкими саперами. Действующий в этом же районе партизанский отряд, организованный председателем сельсовета тов. П., напал на группу немецких солдат, грабивших крестьян деревни Голубеево. Партизаны убили и ранили 79 фашистских солдат и 5 офицеров, уничтожили 3 автомашины, захватили 2 противотанковых орудия, 144 снаряда, 35 винтовок, 10 пистолетов, 7 фотоаппаратов, 50 комплектов немецкого обмундирования и важные документы. В этом бою исключительное мужество и отвагу проявили партизаны Василий А., Михаил Т., Иван П. и Афанасий В. Они первыми пошли в атаку на противника, уничтожили оружейную прислугу и захватили орудия. Разведчики партизанского отряда тов. Ш. узнали, что немецкие солдаты забрали скот у крестьян деревни Боковая Каменского сельсовета. Партизаны устроили засаду и уничтожили немецких солдат, а скот отвели в лес. В деревне Антоново отряд уничтожил немецкий пост и захватил ручной пулемет и 2 автомата. За последние 20 дней отряд уничтожил 88 фашистов, порвал в тылу противника 92 телефонно-телеграфных провода, захватил 30 подвод с артиллерийскими снарядами и продовольствием и 10 автомашин.

Утреннее сообщение 15 октября

Группа бойцов из партизанского отряда тов. Ж., оперирующая в захваченных немцами районах Калининской области, после очередной разведки возвращалась в штаб. В деревне М. крестьяне сообщили разведчикам о том, что 20 фашистских солдат разграбили соседнюю деревню и сейчас двигаются по шоссе на дорогу в свою часть. Выбрав удобную позицию неподалеку от дороги, партизаны устроили засаду. Вскоре показался конный обоз с награбленным крестьянским имуществом и продовольствием. Как только фашисты достигли расположения засады, в грабителей полетели гранаты. 10 немцев было убито на месте, остальные разбежались, оставив на дороге награбленное добро.

Несколько дней спустя партизаны выследили группу немцев, приехавшую на мельницу. Пока несколько солдат грузили на автомашину колхозную муку, остальные немцы пошли на плотину глушить рыбу. Партизаны подкрались к плотине и в

упор расстреляли фашистов. Уничтожив автомашину и немцев, оставшихся в мельнице, партизаны скрылись. Ни один из 15 фашистов не ушел от метких партизанских пуль.

Вечернее сообщение 16 октября

Во всех районах и областях нашей страны, захваченных немецко-фашистскими бандами, все шире разгорается народная партизанская борьба с гитлеровскими войсками. Партизаны уничтожают подразделения фашистских войск, совершают налеты на немецкие штабы, взрывают мосты и переправы, сжигают немецкие склады с боеприпасами, продовольствием и горючим, рвут телеграфную и телефонную связь. Только за последнее время в районах Смоленской, Калининской и Орловской областей, занятых немцами, партизаны убили более 1 000 фашистских солдат, уничтожили около 300 мотоциклистов, сожгли свыше 200 автомашин с боеприпасами, взорвали десятки мостов и переправ, уничтожили много вражеских складов.

Партизанский отряд под командованием тов. Алексея, действующий в районах Калининской области, в октябре месяца уничтожил 55 гитлеровских солдат и офицеров, разгромил штаб немецкого полка, захватив при этом важные документы, и взорвал два склада с боеприпасами.

Вечернее сообщение 19 октября

Во всех районах Калининской области, захваченных немцами, активно действуют партизанские отряды. Их число растет с каждым днем. Десятки и сотни рабочих и служащих предприятий и учреждений, сотни колхозников идут в партизанские отряды и, не щадя своей жизни, дерутся с фашистскими захватчиками. 12 октября партизанский отряд под командованием тов. Ш. напал на немецкую автоколонну, подвозившую к фронту горючее и боеприпасы и уничтожил 10 автомашин из 25. В завязавшейся перестрелке было убито и ранено до 30 фашистских солдат, сопровождавших автоколонну.

Только за первую половину октября партизаны отряда тов. Щ. уничтожили более 20 немецких автомашин с горючим и

боеприпасами. Пленные немецкие солдаты говорят, что партизаны серьезно затрудняют связь фронта с базами снабжения. "На каждой дороге,- говорит пленный немецкий солдат Пауль Вебер,- нас ждет засада, из-за каждого куста и бугорка жди партизанской пули. Недавно из-за столкновения с партизанским отрядом мы на 20 часов опоздали подвезти к фронту горючее, в результате чего 11 танков, оставшихся без горючего, были уничтожены русскими войсками".

Вечернее сообщение 23 октября

Из оккупированных немцами районов Калининской и Смоленской областей поступили сообщения об исключительно смелых действиях трех партизанских отрядов. Командир партизанского отряда тов. И. получил донесение о том, что на одной из станций высадилась крупная немецкая часть. Подтянув все свои группы к станции, тов. И. ночью напал на немецкий лагерь. Налет был совершенно неожиданным для немцев. Фашистские солдаты в панике закрывались по станционным путям. Бойцы отряда прекрасно использовали ночные условия боя. Гранатами и штыками партизаны убили до 300 немецких солдат и офицеров. Остальные фашисты разбежались.

Удачное нападение на крупный транспорт противника совершил партизанский отряд под командованием тов. П. Бойцы отряда подбили 2 фашистских танка, сожгли 6 грузовых автомашин с боеприпасами и убили 24 немецких солдата и офицера. Отряд под командованием тов. Д. в боях с немцами захватил 2 противотанковых орудия и 160 снарядов к ним, уничтожил больше 100 вражеских солдат и офицеров и 6 автомашин с военным снаряжением.

Утреннее сообщение 27 октября

С каждым днем растут ряды советских партизан, отважно действующих в тылу немецко-фашистских войск. В группе районов Калининской области оперирует несколько отрядов, имеющих между собой постоянную связь. В начале октября объединенные силы партизан нанесли немцам серьезный удар. Дело происходило так. По заранее разработанному плану отдельные небольшие группы партизан произвели в различных

местах демонстративные нападения на коммуникации и гарнизоны фашистов. Немецкие власти были вынуждены направить из села Н. к местам выступлений партизан отряды солдат, оставив лишь небольшую охрану военных складов и ремонтной мастерской танков и автомашин. В это время основные силы патриотов напали на село Н. В упорном бою был уничтожен 41 немецкий солдат и офицер. Партизаны подорвали 17 находящихся в ремонте танков и 45 автомашин, сожгли склады боеприпасов, горючего и военного снаряжения.

Обозленные фашисты бросили крупную часть против партизан. Заманив врага в болото, партизаны устроили на дороге засаду и подвергли немцев сильному обстрелу из пулеметов и автоматов. Не имея возможности развернуть свои силы для наступления, фашисты стали в беспорядке отходить. На дороге осталось около 60 убитых немецких солдат и офицер, 7 сгоревших автомашин, 3 пулемета, 50 винтовок и другое снаряжение.

Вечернее сообщение 12 ноября

Беспощадно истребляют живую силу и вооружение немецких войск партизанские отряды Калининской области. Партизаны активно помогают Красной Армии громить врага. 2 ноября партизанский отряд под руководством тов. И. в течение ночи взорвал два моста на дороге, по которой направлялись к фронту резервы противника. В ожидании переправы на берегу реки С. скопилось большое количество немецких автомашин и повозок. Партизаны сообщили об этом командиру одной из частей Красной Армии. К переправе были посланы летчики штурмовой авиации. На головы фашистов посыпались бомбы и свинцовый ливень из пулеметов. Немецкие солдаты бросились бежать и наткнулись на засаду партизан. Совместными действиями летчиков и партизан был разгромлен немецкий батальон. В руки партизан попало много различного оружия. Партизанский отряд, где командиром начальник цеха текстильной фабрики тов. К., минировал дорогу, по которой противник перебрасывал к фронту боеприпасы и горючее. В течение дня на минах взорвались 3 вражеских грузовика со снарядами и 4 автоцистерны. Немцы вынуждены были организовать перевозку снарядов и горючего окружным путем.

Отряд тов. К. за 1, 2 и 3 ноября уничтожил 12 немецких грузовых автомашин с различным военным снаряжением, 8 цистерн с горючим и больше 100 немецких солдат и офицеров.

Утреннее сообщение 19 ноября

Героически борются с фашистскими захватчиками партизаны Калининской области. Многочисленные партизанские отряды препятствуют продвижению резервов немцев к Калининскому участку фронта. Отряд, возглавляемый директором Энского завода тов. Б., совершил смелое нападение на колонну грузовиков с боеприпасами и автоцистерн с горючим. Партизаны связками гранат подорвали броневик, сопровождавший колонну. В завязавшемся бою с охраной отважные патриоты перебили 25 немецких солдат. Многие загоревшиеся от гранат и бутылок с зажигательной смесью немецкие грузовики с боеприпасами взорвались. Загорелись цистерны. Часть немецких солдат пыталась бежать, но по дороге наткнулась на засаду другого партизанского отряда и была полностью уничтожена. Лихой налет на немецкую роту солдат совершил конный отряд партизан. Забросав противника гранатами и вызвав панику, партизаны истребили 55 немцев.

Вечернее сообщение 24 ноября

На всем протяжении фронта в тылу у противника усиливаются действия партизанских отрядов. На Калининском направлении фронта за последние дни партизанские отряды взорвали 8 автомашин противника с боеприпасами и вооружением, уничтожили 3 танка, 2 бронемшины, 15 конных повозок, взвод немецких солдат и одну радиостанцию...

Вечернее сообщение 4 декабря

Партизанские отряды, действующие в оккупированных немцами районах Калининской области, по далеко не полным данным, истребили много сотен фашистских солдат и офицеров, взорвали 21 мост, в том числе 2 железнодорожных, 2 артиллерийских склада, железнодорожный состав с боеприпасами, 13 автомашин со снарядами, сожгли 2 склада с

горючим, нефтебазу с 300 тоннами бензина, уничтожили 4 склада, много автомашин и повозок с обмундированием и пустили под откос 3 железнодорожных состава с войсками. Партизанское движение в Калининской области с каждым днем растет и крепнет.

Вечернее сообщение 6 декабря

Немецкие захватчики строят бараки и землянки, чтобы укрыться от зимней стужи. Партизанские отряды, действующие в тылу врага на Калининском направлении, выкуривают немцев из их убежищ. Бойцы отряда тов. Н. 27 ноября ночью окружили поселок, который фашисты построили недалеко от фронта, и подожгли его. Немцы, выскакивающие из горящих барачных, попадали под меткий огонь партизан. В течение часа славные партизаны истребили 38 немецких солдат. Отлично действуют партизаны-снайперы из отряда, где командиром тов. К. Из укрытий они поражают немецких солдат, водителей автомашин, выводят из строя бронебойными пулями автоцистерны с горючим. За два дня партизаны убили 19 солдат и 4 офицеров, уничтожили 4 автоцистерны с горючим и 2 бронемашин. Партизанский отряд тов. М. за несколько дней уничтожил 7 автомашин с боеприпасами и продовольствием.

Вечернее сообщение 9 декабря

Партизаны Калининской области беспощадно уничтожают немецких захватчиков, укрывающихся от мороза в землянках, бараках и уцелевших деревенских домах. Партизанский отряд, где командиром тов. М., действует сейчас на лыжах. Все бойцы отряда в белых халатах. На днях бойцы этого отряда окружили в лесу группу фашистских солдат, устроивших привал в лесу. Немцы развели костры и начали быстро отогреваться. Неожиданно налетели партизаны. Несколько удачно брошенных гранат сразу же вывели из строя больше десятка немецких захватчиков. Воспользовавшись паникой среди фашистов, партизаны перестреляли врагов всех до единого. Всего в лесу было истреблено 27 солдат, захвачено 17 винтовок, 4 автомата и 2 ручных пулемета. Партизаны-лыжники из отряда тов. Н. напали на два танковых экипажа фашистов.

Немцы никак не могли завести замерзшие моторы. Уничтожив танкистов, партизаны сняли оружие с машин и подожгли танки. Крупный успех выпал на долю партизанского отряда тов. И. Бойцы этого отряда после тщательной разведки произвели нападение на запасный аэродром противника, где находились три немецких самолета. Партизаны облили самолеты бензином и сожгли их.

Вечернее сообщение 12 декабря

Партизаны Калининской области успешно уничтожают транспорт германской армии. Партизанский отряд тов. К. атаковал на днях немецкий санный обоз. В руки партизан попали 3 тысячи консервных банок, 5 бочек спирта, 220 пар валенок, 300 полушубков. Как выяснилось, валенки и полушубки немецкие захватчики отобрали у крестьян окрестных деревень. Партизаны-лыжники из отряда тов. С. атаковали ночью землянки немцев недалеко от фронта. Бесшумно сняв часового, закутанного в женские платки, партизаны забросали землянки гранатами и обстреляли немцев из автоматов. Услышав взрывы гранат и треск автоматов, немцы послали к месту происшествия роту солдат. Бойцы боевого охранения партизан встретили их огнем из пулеметов и автоматов. Фашистская пехота вынуждена была отступить. При отступлении немцы попали под огонь своих же частей, которые, боясь окружения, начали стрелять из минометов и орудий. В результате лихого налета партизан немецкие захватчики потеряли убитыми и ранеными около 200 солдат.

Вечернее сообщение 22 декабря

Несколько объединенных партизанских отрядов, действующих в оккупированных немцами районах Калининской области, совершили успешное нападение на фашистов. Партизаны установили пулеметы и минометы у дороги, по которой откатывались под ударами советских войск немецкие части. Когда на дороге появился немецкий батальон, партизаны открыли внезапный огонь. Фашисты в панике заметались и не смогли оказать организованного сопротивления. Партизаны перебили 223 немецких солдата и офицера. Непрерывные

налеты на отступающего противника совершают партизаны из отряда тов. Г. Многие бойцы этого отряда действуют на лыжах. Пробираясь лесом к дорогам, по которым идут немецкие части, партизаны-лыжники обстреливают их из автоматов и пулеметов. В результате каждого такого налета немцы теряют десятки солдат. 9 декабря партизанский отряд тов. И. атаковал обоз противника, состоявший из 70 саней с немецкими солдатами и снаряжением. Партизаны ударили по врагу одновременно с разных сторон, забрасывая гитлеровцев гранатами и расстреливая их из автоматов и винтовок. Немцы были спасены от полного уничтожения подоспевшей танковой колонной. Истребив свыше 100 фашистов, партизаны благополучно скрылись в лесу.

Вечернее сообщение 29 декабря

В деревне Гуси Калининской области фашисты ворвались в дом колхозника Савельева и потребовали от него сообщить местонахождение партизанского отряда. Советский патриот отказался выполнить это требование гитлеровцев. Тогда изверги выкололи тов. Савельеву глаза, изрубили его и всех членов его семьи на куски.

1942 год

Утреннее сообщение 17 января

Партизанский отряд тов. П., действующий в одном из районов Калининской области, оккупированных немцами, совершил налет на железнодорожную станцию 3. Бойцы отряда перебили 22 немецких солдата и минировали железнодорожное полотно. На минированных участках были взорваны воинский эшелон с военным грузом и вспомогательный поезд, посланный для ремонта пути.

Утреннее сообщение 19 января

Партизанский отряд под командованием тов. А., действующий в одном из районов Калининской области, оккупированных немцами, совершил нападения на немецкую автоколонну, перевозившую военное снаряжение. Партизаны

атаковали колонну одновременно с нескольких сторон. Гранатами и бутылками с зажигательной смесью бойцы отряда уничтожили до 60 автомобилей.

Вечернее сообщение 22 января

Отряд калининских партизан под командованием тов. Т. разгромил немецкую автоколонну. Уничтожено 5 автомашин с военным имуществом, убито 22 немецких солдата и офицера.

Утреннее сообщение 9 февраля

Отважно действует в тылу немецких оккупантов отряд Калининских партизан под командованием тов. "Деда". За последнее время партизаны отряда уничтожили 179 немецких солдат и офицеров, захватили 5 противотанковых пушек, 10 пулеметов, 30 автоматов, 87 винтовок, 50 пистолетов, 10 лошадей с седлами и разгромили штаб немецкой части.

Утреннее сообщение 10 февраля

Партизанский отряд под командованием тов. Б., действующий в одном из районов Калининской области, оккупированных немцами, за последние дни перебил 67 немецких солдат и офицеров, уничтожил вражескую противотанковую пушку, 3 автомашины, захватил 4 пулемета, 22 винтовки, 2 автомата и 4 000 патронов.

Вечернее сообщение 24 февраля

Гитлеровский офицер вызвал жителя деревни К. 80-летнего Кузьмина Матвея Матвеевича и приказал ему скрытными путями провести многочисленную группу немцев в расположение боевого охранения части, где командиром тов. Горбунов. Собираясь в дорогу, Кузьмин незаметно для немцев поручил своему 14-летнему внуку Васе пробраться к советским войскам и предупредить их о нависшей опасности. Долго водил тов. Кузьмин заклятых врагов по оврагам, кружил по кустарникам и перелескам. Вконец усталые, продрогшие,

немцы неожиданно для себя очутились под пулеметным огнем. Советские пулеметчики, заранее предупрежденные Васей, в упор расстреливали гитлеровцев. Поле покрылось трупами. Более 250 немецких солдат нашли здесь себе смерть. Когда немецкий офицер увидел, что его отряд попался в ловушку, он застрелил старика. Героический подвиг славного советского партизана Матвея Матвеевича Кузьмина никогда не забудут трудящиеся нашей великой Родины.

Вечернее сообщение 25 февраля

Партизанский отряд под командованием тов. А., действующий в одном из районов Калининской области, совершил нападение на немецкую автоколонну, перевозившую военное снаряжение. Гранатами и бутылками с зажигательной жидкостью бойцы отряда уничтожили до 60 автомашин.

Утреннее сообщение 22 марта

Отступая под ударами Красной Армии, гитлеровцы сжигают на своем пути деревни, а местное население угоняют с собой. Колхозники деревень К., В., Б. и Г. Калининской области, узнав о приближении отступающих немецких войск, обратились к командиру партизанского отряда тов. Ч. с просьбой спасти их от немецко-фашистских бандитов. Партизаны истребили немецкие гарнизоны в этих деревнях и вооружили трофейным оружием большую группу колхозников. Когда немецкий отряд численностью в 45 человек приблизился к деревне К., партизаны и вооруженные колхозники открыли по врагу огонь из пулеметов и винтовок. Потеряв 14 человек убитыми, в том числе лейтенанта и двух обер-ефрейторов, немцы отступили. Такая же участь постигла и второй, более крупный немецкий отряд. Основные немецкие силы, не вступая в бой с партизанами, обошли деревни. Так колхозники, действуя совместно с партизанами, отстояли свои селения и нанесли урон гитлеровцам. В боях с немецко-фашистскими оккупантами особенно отличались пулеметчица Татьяна Е. и учительница Клавдия О.

Вечернее сообщение 24 марта

Партизанский отряд тов. П., действующий в одном из

районов Калининской области, временно оккупированных немцами, установил, что в одной из деревень имеются два немецких склада с обмундированием, с боеприпасами и оружием. Скрытно пробравшись к складам, партизаны перебили 11 немецких солдат и 1 офицера, охранявших склады, вывезли 30 подвод с оружием и взорвали склад с боеприпасами.

Вечернее сообщение 25 марта

Партизаны Калининской области помогают частям Красной Армии истреблять немецких оккупантов. На днях немцы подготавливали для переброски в тыл советских войск батальон пехоты. По пути к фронту вражеский батальон был неожиданно атакован крупным партизанским отрядом под командованием тов. М. В результате короткого боя гитлеровцы были рассеяны. На дороге осталось много вражеских трупов. В руки партизан попали большие трофеи. Другой отряд партизан этой же области совершил налет на деревню К. и уничтожил находившийся там немецкий гарнизон.

Вечернее сообщение 30 марта

Несколько объединенных партизанских отрядов Калининской области под командованием тов. К. и Д. внезапно атаковали 594-й немецкий пехотный батальон, направлявшийся на помощь окруженному гитлеровскому гарнизону. После ожесточенного боя батальон был разгромлен. Противник потерял убитыми свыше 300 солдат и офицеров. Партизаны уничтожили 10 автомашин, взорвали боеприпасы и захватили 2 противотанковых орудия, 12 пулеметов, много автоматов и другое вооружение.

Утреннее сообщение 2 апреля

Отряд калининских партизан под командованием тов. М. совершил налет на одно село, захваченное гитлеровцами. Окружив дом, где находилась немецкая комендатура, партизаны бросили в окно несколько гранат. Уничтожив охрану и полицейских, партизаны скрылись.

Утреннее сообщение 6 апреля

Партизанский отряд тов. З., действующий в тылу немецких войск на Калининском фронте, перерезав важную дорогу, выбил немецкие гарнизоны из пяти населенных пунктов и закрепился в них. Все попытки гитлеровцев вновь захватить эти деревни не увенчались успехом.

Утреннее сообщение 14 апреля

Партизанский отряд, действующий в тылу немецких войск на Калининском фронте, в упорном бою уничтожил в одном селе немецкий гарнизон численностью в 160 солдат и офицеров. Партизаны взорвали вражеские склады с горючим и боеприпасами.

Вечернее сообщение 18 апреля

Партизанский отряд, действующий в одном из оккупированных районов Калининской области, за последние дни уничтожил свыше 200 немецких солдат и офицеров и взял в плен 6 гитлеровцев. Партизаны захватили следующие трофеи: 7 пулеметов, миномет, 11 автоматов, 179 винтовок, 10 револьверов, 21 000 винтовочных патронов и 38 лошадей.

Вечернее сообщение 24 апреля

Партизанский отряд тов. З., действующий в одном из оккупированных немцами районов Калининской области, совершил внезапный налет на крупный населенный пункт К. Партизаны уничтожили 120 немецких солдат и офицеров, взорвали 3 склада с боеприпасами, горючим и продовольствием и захватили 25 автомашин, 9 пулеметов, 24 автомата, 1 миномет, 132 винтовки и 5 километров телефонного провода.

Вечернее сообщение 3 мая

Успешно борется против немецко-фашистских захватчиков отряд калининских партизан под командованием тов. В.

Недавно отряд напал на немецкую колонну. Партизаны захватили 2 скорострельные пушки, несколько минометов и автоматов, 28 подвод со снарядами и обмундированием. На поле боя осталось 95 вражеских трупов. Через несколько дней партизаны завершили ночной налет на немецкий гарнизон, расположенный в деревне. Три группы партизан одновременно ворвались в деревню с разных сторон. Удар был настолько неожиданным, что немцы не смогли оказать какого-либо сопротивления. Партизаны уничтожили 80 гитлеровцев, в том числе 9 офицеров.

Вечернее сообщение 8 мая

Партизанский отряд под командованием товарища З., действующий в одном из оккупированных немцами районов Калининской области, совершил внезапный налет на поселок Н. и уничтожил около 100 гитлеровцев, 6 автомашин и взорвал склад с боеприпасами.

Утреннее сообщение 13 мая

Партизанский отряд под командованием тов. Л., действующий в тылу у немцев в районах Ленинградской и Калининской областей, за два месяца уничтожил более 900 немецких солдат и офицеров. Партизаны пустили под откос железнодорожный эшелон, две автодрезины, взорвали несколько мостов и захватили 2 продовольственные базы немецко-фашистских оккупантов.

Вечернее сообщение 20 мая

Отряд калининских партизан под командованием тов. О. за несколько дней истребил 80 немецких солдат и офицеров и взорвал склад с боеприпасами.

Вечернее сообщение 23 мая

Партизанский отряд "За Родину", действующий в одном из районов Калининской области, внезапно атаковал немецкий гарнизон в населенном пункте и уничтожил до 200 немецко-

фашистских оккупантов. Партизаны взорвали 2 железнодорожных моста и захватили трофеи.

Утреннее сообщение 25 мая

Отряд калининских партизан под командованием тов. Ш. взорвал железнодорожный мост и пустил под откос воинский эшелон противника. Уничтожено свыше 100 немецких солдат и офицеров.

Утреннее сообщение 29 мая

Партизанский отряд, действующий в одном из оккупированных немцами районов Смоленской области, захватил в плен врача-хирурга, лейтенанта 7 мотоциклетного батальона 7 немецкой танковой дивизии Пауля Панстела. Доставленный в штаб Энской части, пленный рассказал: "Партизаны обращались со мною хорошо. У них я беседовал с одним немецким солдатом, бежавшим из своей части. Он ярый противник гитлеровского режима. Этот солдат вместе с партизанами совершает нападения на немецкие обозы и военные части". (От редакции. Это первое упоминание о Фрице Шменкеле, бельском партизане, впоследствии Герое Советского Союза).

Вечернее сообщение 2 июня

Отряд калининских партизан под командованием тов. Р. был окружен численно превосходящими силами немцев. В течение нескольких часов отряд вел бой в окружении. Ночью партизаны неожиданно атаковали гитлеровцев, прорвали вражеское кольцо и вышли из окружения. Немецко-фашистские оккупанты потеряли убитыми не менее 100 солдат и офицеров. Этот же отряд партизан несколько дней спустя совершил нападение на немецкую автоколонну, сжег 7 грузовиков и истребил 30 гитлеровцев.

Вечернее сообщение 5 июня

Партизанский отряд "Деда Фомы", действующий в одном из оккупированных немцами районов Калининской области, днем проник в населенный пункт Г. Партизаны забросали

гранатами столовую, в которой обедало 30 гитлеровцев. Воспользовавшись паникой среди немецко-фашистских оккупантов, партизаны захватили вещевой склад и на немецких повозках вывезли обмундирование и обувь.

Вечернее сообщение 6 июня

Наш разведывательный отряд (Калининский фронт) проник в тыл противника и напал на вражеский аэропорт. Разведчики уничтожили 50 немецких солдат и офицеров из обслуживающего персонала и охраны аэродрома, взорвали склад с горючим и сожгли 4 планера. Другой отряд разведчиков совместно с партизанским отрядом тов. Б. заминировал железнодорожное полотно. Немецкий воинский эшелон наскочил на мины и свалился под откос.

Утреннее сообщение 9 июля

Несколько партизанских отрядов, действующих в оккупированных районах Калининской области, за июнь пустили под откос 9 немецких воинских эшелонов с живой силой и военным грузом, 2 бронепоезда, взорвали 12 железнодорожных и шоссейных мостов и уничтожили свыше 600 оккупантов.

Утреннее сообщение 20 июля

Отряд калининских партизан под руководством тов. Р. совершил ночной налет на немецкий гарнизон в одном населенном пункте. Партизаны сняли часовых и по сигналу командира ворвались в дома, в которых разместились гитлеровцы. В рукопашной схватке партизаны истребили 85 немецких солдат и 8 офицеров.

Утреннее сообщение 21 июля

Группа калининских партизан совершила смелый налет на железнодорожную станцию. Советские патриоты уничтожили немецкий гарнизон, взорвали здание комендатуры и железнодорожные стрелки. Партизаны захватили трофеи и пленных. Движение по этой линии прервано на продолжительный срок.

Вечернее сообщение 22 июля

Отряд партизан под командованием тов. Н., действующий в одном из оккупированных немцами районов Калининской области, совершил налет на железнодорожную станцию. Партизаны истребили 72 гитлеровца, сожгли склад горючего, 42 вагона и 7 автомашин. Советские патриоты захватили у противника пулемет, 18 винтовок, несколько ящиков с патронами и другое военное снаряжение.

Вечернее сообщение 29 июля

Отряд калининских партизан под командованием тов. М. заминировал участок железнодорожного пути. На минах подорвались три поезда противника, в том числе один воинский эшелон. По неполным данным, убито и ранено свыше 500 оккупантов.

Утреннее сообщение 13 августа

Партизанский отряд под командованием тов. Г., действующий в одном из районов Калининской области, пустил под откос эшелон противника с продовольствием. Партизаны этого же отряда подорвали бронепоезд оккупантов. Уничтожены паровоз и две бронеплощадки.

Вечернее сообщение 19 августа

Партизаны из отряда тов. Л., действующего в одном из районов Калининской области, убили двух немецких солдат, охраняющих железнодорожный участок. Гитлеровцы устроили похороны убитых. Партизаны обстреляли похоронную процессию и истребили 18 немецко-фашистских оккупантов.

Утреннее сообщение 29 августа

Советская патриотка партизанка Нина Коровко, выполняя боевое задание, около города Невеля была схвачена немецко-фашистскими бандитами. Гитлеровцы, добываясь сведений о партизанах подвергли Нину Коровко зверским пыткам. Потом повесили. Славная дочь советской Родины стойко перенесла

все пытки и перед смертью заявила фашистским мерзавцам: "Я сегодня умру за Родину, но завтра вы все будете уничтожены. Да здравствуют партизаны!"

Вечернее сообщение 30 августа

Партизаны Калининской области окружили и почти полностью истребили немецкий карательный отряд. Лишь немногим гитлеровцам удалось спастись бегством. У убитого в этом бою немецкого офицера найден приказ полковника Шайхенбауэра. В этом приказе говорится: "После операции по уничтожению партизан части собираются на окраине П. и проходят по местечку с песнями. Комендатуре встретить с почестями солдат, возвращающихся с операции". Таким образом, затеянный гитлеровцами парад не удался.

Вечернее сообщение 16 октября

Группа калининских партизан пустила под откос 3 железнодорожных эшелона немецко-фашистских оккупантов. Разбито в щепы 23 вагона и 61 вагон сошел с рельсов. Во время крушений убито много немецких солдат и офицеров.

Вечернее сообщение 17 октября

Группа калининских партизан пустила под откос два железнодорожных эшелона с живой силой противника. В результате крушения убито и ранено до 400 немецких солдат и офицеров.

Вечернее сообщение 26 октября

Отряд калининских партизан совершил налет на немецкий гарнизон, расположенный на железнодорожной станции. Партизаны сожгли казарму, в которой помещались гитлеровцы. В бою истреблено 55 оккупантов.

Другой отряд калининских партизан напал на немецкую колонну. Партизаны уничтожили 20 немецких солдат и захватили станковый пулемет и 8 винтовок. Группа партизан этого же отряда пустила под откос эшелон со скотом, следовавший в Германию.

Утреннее сообщение 28 октября

Партизанские отряды, действующие в Калининской области, провели ряд успешных операций против немецких захватчиков. Партизаны одного отряда за три недели истребили 470 вражеских солдат и офицеров. Захвачено 102 винтовки, 6 автоматов, 3 ручных пулемета, 6 пистолетов и 3800 патронов. Шесть немецких солдат взяты в плен. Другой отряд партизан в сентябре истребил до 200 гитлеровцев, уничтожил 19 автомашин и пустил под откос воинский эшелон противника. Один партизан этого отряда огнем из винтовки сбил немецкий транспортный самолет.

Утреннее сообщение 2 ноября

Отряд калининских партизан совершил налет на немецкий гарнизон в одном населенном пункте. Удар был настолько неожиданным, что противник не успел оказать сопротивление. В короткой схватке партизаны истребили гарнизон оккупантов, несколько немцев захвачено в плен. Вскоре партизаны этого же отряда произвели нападение на колонну противника и уничтожили 38 гитлеровцев. Захвачены трофеи: 2 пулемета, 30 винтовок, автомашина и 2 походные кухни. Партизанами взорвано два моста на шоссейной магистрали.

Утреннее сообщение 6 ноября

Отряд калининских партизан в бою с противником уничтожил 115 немецко-фашистских оккупантов. Этот же отряд партизан совершил налет на занятый гитлеровцами населенный пункт. Партизаны истребили 180 немецких солдат и офицеров и захватили 4 автомашины с оружием и боеприпасами.

Утреннее сообщение 11 ноября

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Калининской области, вел упорные бои против карательной экспедиции немцев. Гитлеровцы пытались окружить партизан. Умелым маневром партизаны вышли из окружения и напали на немцев с тыла. В ожесточенной схватке уничтожено 80 немецких солдат и офицеров. Другой отряд калининских партизан пробрался к охранявшемуся мосту через реку.

Перебив немецкую охрану, партизаны взорвали мост и уничтожили телефонную связь на протяжении нескольких километров.

Утреннее сообщение 15 ноября

Отряд калининских партизан взорвал 2 железнодорожных моста и уничтожил 24 автомашины противника. За две недели боевых действий партизаны этого отряда истребили 250 немецко-фашистских оккупантов.

Вечернее сообщение 2 декабря

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Калининской области, взорвал шесть мостов и пустил под откос воинский эшелон противника. В результате крушения уничтожены паровоз, 12 вагонов и 2 платформы. Другой отряд калининских партизан организовал крушение двух железнодорожных поездов. Под обломками вагонов погибло много немецких солдат и офицеров.

Утреннее сообщение 10 декабря

Отряд калининских партизан совершил нападение на немецкий гарнизон в одной деревне. Партизаны убили 24 гитлеровца, уничтожили 5 автомашин, взорвали мост и разрушили телефонно-телеграфную связь. Группа партизан того же отряда организовала крушение железнодорожного эшелона противника. Уничтожены паровоз и 12 платформ с автомашинами.

Вечернее сообщение 18 декабря

Партизанский отряд, действующий в Калининской области, пустил под откос четыре эшелона противника. Уничтожен паровоз, разбито в щепы 8 вагонов с войсками и 4 платформы с автомашинами, повреждено 104 вагона и платформы. Другой отряд калининских партизан организовал крушение двух поездов немецко-фашистских оккупантов. Убито и ранено большое количество гитлеровцев.

1943 год.

Утреннее сообщение 2 января

Партизанский отряд, действующий в Калининской области, за последние дни истребил 40 немецких солдат, сжег 8 шоссейных мостов и разгромил 11 фашистских волостных управ. Другой отряд калининских партизан взорвал мост на важной железнодорожной магистрали. Небольшая группа партизан этого отряда из засад истребила 18 гитлеровцев и уничтожила 8 автомашин с боеприпасами.

Утреннее сообщение 9 января

Отряд калининских партизан за последнее время истребил 157 немецких солдат и офицеров и захватил у противника 4 продовольственных склада. Небольшая группа советских патриотов взорвала железнодорожный мост и из засады уничтожила 3 грузовые автомашины противника.

Вечернее сообщение 27 января

Партизаны отряда, действующего в Калининской области, совершили нападение на автоколонну противника. Советские патриоты уничтожили 18 автомашин с грузами, истребили 137 немецких солдат и офицеров. Захвачены трофеи. Партизаны другого отряда в бою с вражеским гарнизоном в одном населенном пункте уничтожили 45 немецких солдат. Ружейно-пулеметным огнем партизаны сбили немецкий самолет.

Вечернее сообщение 30 января

Партизанский отряд, действующий в Калининской области, пустил под откос 2 немецких эшелона с живой силой и техникой. Разбито 2 паровоза и 33 вагона. Другой отряд калининских партизан в шестичасовом бою уничтожил 50 немецких солдат, сжег танк и грузовую автомашину противника.

Утреннее сообщение 3 февраля

Партизанский отряд, действующий в Калининской области,

совершил ночной налет на немецкий гарнизон, разгромил комендатуру и истребил 26 гитлеровцев. Несколько дней спустя партизаны этого же отряда в двухчасовом бою уничтожили 30 немецких солдат. Группа калининских партизан пустила под откос воинский эшелон немцев. Разбиты паровоз и 4 платформы. Много вагонов и платформ повреждено.

Утреннее сообщение 14 февраля

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Калининской области, подвергся нападению немецкой карательной экспедиции. Гитлеровцы, имевшие большой численный перевес, стремились окружить и уничтожить партизан. Советские патриоты, действуя по лесным дорогам и на лыжах, уничтожили 90 и ранили свыше 100 немецких солдат и офицеров. Немецко-фашистские каратели отступили, не добившись никакого результата. Группа партизан другого отряда пустила под откос немецкий эшелон, следовавший к линии фронта. В результате крушения разбиты 2 паровоза, 8 вагонов и 8 платформ с военными грузами.

Утреннее сообщение 23 февраля

Отряд калининских партизан в бою против численно превосходящих сил противника уничтожил до 200 немецко-фашистских оккупантов. Партизаны другого отряда ночью совершили внезапный налет на железнодорожный разъезд. Разрушены все железнодорожные сооружения, взорваны два моста и в нескольких местах подорваны железнодорожные пути.

Вечернее сообщение 8 марта

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Калининской области, совершил налет на немецкий гарнизон в крупном населенном пункте. Партизаны уничтожили гитлеровцев и заняли населенный пункт. К исходу дня немцы бросили против партизан две роты пехоты. Партизаны отбили контратаку противника и истребили свыше 100 гитлеровцев. Другой отряд калининских партизан заминировал железнодорожное полотно. Следовавший к линии фронта немецкий

бронепоезд потерпел крушение. Разбиты паровоз и несколько бронеплощадок.

Утреннее сообщение 11 марта

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Калининской области, в начале марта месяца совершил налет на гарнизон немецко-фашистских захватчиков и перебил 30 гитлеровцев. Партизаны захватили трофеи, а также вернули жителям лошадей и коров, отобранных немцами у населения. Партизаны другого отряда взорвали железнодорожный мост. Движение поездов на этом участке железной дороги прекращено.

Утреннее сообщение 4 апреля

Группа калининских партизан с 19 по 25 марта взорвала два железнодорожных моста в тылу врага. Во время этой операции уничтожено 17 немецких солдат, охранявших мосты. Партизаны другого отряда организовали крушение железнодорожного эшелона противника. Разбиты паровоз и несколько вагонов с различными военными грузами.

Вечернее сообщение 5 апреля

Немецкий карательный отряд 27 марта ворвался в одну из деревень Калининской области и начал поджигать дома колхозников. Два партизанских отряда объединенными силами атаковали немцев. Советские патриоты рассеяли карателей, уничтожив при этом 70 немецких солдат и офицеров. Партизаны захватили одно орудие, 4 пулемета, миномет, 14 тысяч патронов и много мин. Группа калининских партизан пустила под откос немецкий эшелон. Разбиты паровоз и 30 вагонов с боеприпасами и военной техникой.

Вечернее сообщение 14 апреля

Несколько партизанских отрядов, действующих во временно захваченных немцами районах Калининской области, в марте месяце провели ряд боевых операций. Партизаны взорвали 29 железнодорожных и 39 шоссейных мостов, разрушили

более пяти километров железнодорожного пути и пустили под откос 8 немецких эшелонов. В результате крушений разбито 5 паровозов, 16 вагонов с войсками и 37 вагонов с вооружением и боеприпасами. Эти же отряды партизан в боях с карательными экспедициями гитлеровцев истребили до 2000 немецких солдат и офицеров.

Утреннее сообщение 25 апреля

Партизанский отряд, действующий в одном из оккупированных немцами районов Калининской области, совершил налет на немецкий гарнизон в населенном пункте. Партизаны уничтожили до 60 гитлеровцев. 10 апреля партизанская разведка этого отряда захватила в плен четырех немецких солдат и унтер-офицера, переодетых в гражданскую одежду. Подрывники другого отряда калининских партизан пустили под откос немецкий бронепоезд и воинский эшелон. Разбито 2 паровоза, 3 бронированных платформы, 12 вагонов с солдатами и несколько платформ с орудиями и боеприпасами. Под обломками вагонов погибло 80 немецко-фашистских оккупантов.

Вечернее сообщение 2 мая

Несколько партизанских отрядов, действующих в Калининской области, окружили, а затем взяли штурмом опорный пункт противника. Удар был настолько неожиданным, что немцы не могли оказать серьезного сопротивления. Партизаны истребили 80 гитлеровцев. Захвачены 2 пулемета, несколько десятков автоматов и винтовок, аптека с медикаментами, вещевой склад и другие трофеи. Группа подрывников другого отряда калининских партизан пустила под откос немецкий воинский эшелон. Разбиты паровоз и 22 платформы. Автомашин, находившиеся на 16 платформах, приведены в полную негодность.

Утреннее сообщение 27 мая

Несколько партизанских отрядов, действующих в одном из районов Калининской области, провели успешную операцию.

Партизаны взорвали 4 железнодорожных и 6 шоссейных мостов. Уничтожено до 60 гитлеровцев. Партизанами захвачено 3 пулемета, 50 винтовок, 7 тысяч патронов и разное военное имущество.

Вечернее сообщение 7 июня

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Калининской области, за последние дни разгромил два немецких гарнизона и уничтожил более 100 гитлеровцев. Групповым огнем партизаны сбили немецкий самолет "Юнкерс-88". Подрывники этого же отряда пустили под откос два немецких воинских эшелона. Другой отряд калининских партизан пустил под откос поезд с войсками противника. Под обломками вагонов погибло большое число немецких солдат и офицеров.

Вечернее сообщение 14 июня

Отряд калининских партизан совершил внезапный налет на немецкий гарнизон, расположенный в крупном населенном пункте. Советские патриоты истребили свыше 60 гитлеровцев, уничтожили танк, автомашину и несколько станковых пулеметов. Кроме того, партизаны сожгли мост через реку и склад противника с продовольствием.

Утреннее сообщение 21 июня

Партизаны отряда, действующего в одном из районов Калининской области, пустили под откос немецкий бронепоезд, шедший к линии фронта. Разбиты бронепаровоз, броневagon и две платформы. Другой отряд калининских партизан подорвал на минах железнодорожный эшелон противника. Разбиты паровоз и две платформы с автомашинами.

Оперативная сводка за 17 июля

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Калининской области, напал на гитлеровцев, которые угоняли советских граждан на каторгу в Германию. Партизаны убили 14 конвоиров и освободили 150 мирных жителей. Захвачены

2 станковых пулемета, 2 автомашины, винтовка и другие трофеи.

Оперативная сводка за 22 августа

Партизаны отряда, действующего в одном из районов Калининской области, проникли в расположение немецкого гарнизона, сняли часовых и подожгли склад авиационного бензина и смазочных материалов. Группа партизан другого Калининского отряда взорвала немецкую казарму в крупном населенном пункте. В результате взрыва убито 70 гитлеровцев.

Оперативная сводка за 6 сентября

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Калининской области, совершил внезапный налет на деревню, в которой расположилось немецкое подразделение. Противник был застигнут врасплох. Партизаны истребили 58 вражеских солдат и офицеров, уничтожили 4 грузовых и одну легковую автомашины и захватили трофеи. Партизаны другого отряда разгромили на шоссе колонну немецкую. В завязавшемся бою убито и ранено 80 гитлеровцев. Оставшиеся в живых немцы побросали оружие и разбежались. Советские партизаны захватили 5 автоматов, 112 винтовок и много патронов.

Оперативная сводка за 31 октября

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Калининской области, за несколько дней уничтожил 40 мостов на шоссе, по которым немцы подвозили к линии фронта пополнение, боеприпасы и продовольствие. Из засад убито 126 гитлеровцев. Другой отряд калининских партизан пустил под откос два воинских эшелона противника. В результате крушений разбито и повреждено до 40 вагонов с боеприпасами.

Оперативная сводка за 11 ноября

Партизанский отряд, действующий в Калининской области,

совершил налет на немецкий гарнизон в одном населенном пункте. Атаковав противника со всех сторон, партизаны истребили до роты гитлеровцев. Захвачены 11 пулеметов, миномет, радиостанция, 60 винтовок и много патронов. Другой отряд калининских партизан за две недели пустил под откос 8 немецких воинских эшелонов. В результате крушений разбиты 6 паровозов и до 50 вагонов с военными грузами противника.

Оперативная сводка за 30 ноября

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Калининской области, пустил под откос немецкий воинский эшелон, следовавший к линии фронта. В результате крушения разбиты паровоз, 6 платформ с автомашинами, 3 классных вагона с немецкими солдатами и 6 вагонов с военными грузами. Другой отряд калининских партизан подорвал на минах 4 немецких автомашины с боеприпасами. Группа партизан в течение двух недель из засад уничтожила более 100 гитлеровцев.

1944 год.

Оперативная сводка за 22 января

Калининский партизанский отряд в течение двух дней вел бой с карательным отрядом немцев. Советские партизаны отошли в лес и заманили туда карателей. Измотав противника, партизаны нанесли ему решительный удар. Гитлеровцы отступили, оставив в лесу до 200 трупов своих солдат и офицеров. Другой отряд калининских партизан пустил под откос немецкий воинский эшелон. Во время крушения разбиты 2 платформы с орудиями, 6 вагонов с продовольствием и убито 44 немецких солдата.

Оперативная сводка за 26 марта

Несколько партизанских отрядов, действующих в Калининской области, за месяц пустили под откос 26 немецких воинских эшелонов. Разбито и повреждено 23 паровоза и 140 вагонов. Кроме того, взорваны 5 железнодорожных мостов и 1500 рельсов. На шоссейных и грузовых дорогах советские

патриоты уничтожили 2 бронемашины, 90 автомашин и 40 повозок противника. Партизаны захватили радиостанцию, 20 пулеметов, 150 автоматов и винтовок, 17 повозок с боеприпасами и другие трофеи. В ходе боев партизанами уничтожено до батальона гитлеровцев.

Оперативная сводка за 6 апреля

Несколько партизанских отрядов, действующих в Калининской области, с 12 по 24 марта пустили под откос 18 немецких воинских эшелонов. Разбиты 9 паровозов, 47 вагонов с войсками и грузами, 18 цистерн с бензином и 35 платформ с орудиями и автомашинами. Партизанами взорвано более двух тысяч рельсов, 7 мостов и вырезано 43 километра телеграфно-телефонной линии связи. За это же время калининские партизаны разгромили ряд немецких гарнизонов и полицейских участков.

Оперативная сводка за 15 апреля

Несколько партизанских отрядов, действующих в Калининской области, с 27 марта по 1 апреля пустили под откос 9 немецких воинских эшелонов. На шоссейных и грунтовых дорогах партизаны подорвали 48 грузовых и 7 легковых автомашин, вырезали 11 километров телеграфно-телефонной линии связи. Убито 6 немецких офицеров и 180 солдат.

Оперативная сводка за 5 мая

Несколько партизанских отрядов, действующих в оккупированных немцами районах Калининской области, с 6 по 19 апреля пустили под откос 8 немецких воинских эшелонов. Из засад на шоссейных и грунтовых дорогах партизаны уничтожили 40 грузовых и истребили до роты гитлеровцев. Взято 19 пленных. В одном районе на сторону партизан перешло 40 немецких солдат.

Оперативная сводка за 15 мая

Группа партизан-разведчиков из отряда, действующего в

западных районах Калининской области, ночью проникла на железнодорожную станцию. Разведчики незаметно подобрались к эшелону, стоявшему у разгрузочной площадки, и подожгли его. Сгорело несколько вагонов и взорвался штабель артиллерийских снарядов, находившийся на разгрузочной площадке. С 24 апреля по 1 мая калининские партизаны пустили под откос 14 железнодорожных эшелонов противника. Во время крушений разбиты 9 паровозов и 90 вагонов.

Оперативная сводка за 29 мая

Несколько партизанских отрядов, действующих в Калининской области, за первую половину мая пустили под откос 17 воинских эшелонов противника. На шоссейных и грунтовых дорогах партизаны взорвали два моста, уничтожили 7 легковых и 69 грузовых немецких автомашин. В боях с противником и из засад убито более 150 немецких солдат и офицеров. Партизанами взято 12 пленных.

Оперативная сводка за 11 июня

Разведчики-партизаны отряда, действующего в Калининской области, установили местонахождение крупного немецкого артиллерийского склада. Ночью партизанский отряд, бесшумно сняв часовых, поджег артиллерийский склад. Пожар продолжался несколько часов. Взрывами уничтожено несколько штабелей и до 500 ящиков снарядов. За две недели калининские партизаны пустили под откос 18 воинских эшелонов противника и один бронепоезд.

ВСПОМИНАЯ
БЫЛЫЕ
ПОХОДЫ...

ЭХО НАРОДНОГО ГНЕВА

Уже в первые месяцы войны враг вторгся на территорию нашей области, и с первых же дней в районах, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками, под руководством партийных организаций начали действовать партизанские отряды.

В Ленинском (ныне Андреапольском) районе, ставшем вскоре после начала войны прифронтовым, работа по созданию партизанского отряда началась с первых дней августа. В то время в районе был создан и действовал истребительный батальон, состоявший из рабочих, колхозников, партийного и советского актива. Эти люди впоследствии и составили основное ядро партизанского отряда.

Присяга партизан на верность Родине звучала в те дни в лесах Ленинского, Торопецкого, Пеновского, Ржевского, Нелидовского, Оленинского и других районов области, эхом народного гнева разносилась по оккупированным деревням и селам, поднимая людей на борьбу с оккупантами.

Уже 16 сентября сорок первого года в прозвучавшем по радио сообщении Советского информбюро, говорилось:

"С первых дней вторжения немецко-фашистских полчищ на территории западной части Калининской области тысячи рабочих, колхозников, учителей, агрономов, советских служащих ушли в партизанские отряды..."

В октябре 1941 года в тылу врага на территории полностью или частично оккупированных районов Калининской области (с учетом районов, отошедших впоследствии к Псковской области) действовало 55 партизанских отрядов и 11 диверсионных групп. С каждым месяцем росли силы сопротивления фашизму. Партизанское движение становилось подлинно народным. Летом 1942 года в районах, занятых врагом, уже действовало свыше 150 партизанских отрядов, выросших затем в крупные бригады и соединения, ставшие грозой для фашистских захватчиков.

От мелких диверсий, от разрозненных налетов на вражеские

обозы и машины партизаны постепенно переходили к крупным боевым операциям. Они смело шли в бой с превосходящими силами противника.

Когда шла битва за Москву и Калинин, калининские партизаны громили коммуникации врага в тылу вражеских войск. Они совершали налеты на подразделения противника, минировали дороги, взрывали мосты и воинские склады. Коммунисты и комсомольцы несли в деревни, занятые фашистами, правду о героической борьбе армии и народа.

Для некоторых партизанских отрядов характерны были действия вблизи фронта, в тесном контакте с частями Советской Армии. Осенью сорок первого года, когда гитлеровцы пытались овладеть Осташковом, командованием 249-й стрелковой дивизии было поручено Осташковскому партизанскому отряду (командир Н. А. Ермолаев) держать оборону на трехкилометровом участке. 14 дней под прикрытием артиллерии фашисты пытались прорвать оборону и продвинуться вперед. Отразив неоднократные их попытки, партизаны сами перешли в наступление. По заданию командования воинских частей на ряде участков держали оборону и бойцы Луковниковского и Селижаровского партизанских отрядов.

На дорогах, ведущих к Калинин, действовал сводный партизанский отряд, созданный Калининским райкомом партии, возглавляемый секретарем райкома А. С. Журавлевым. Более 150 бойцов находилось в этом отряде. Центром боевых действий партизан стали Волоколамское шоссе, Старицкий и Тургиновский тракты.

Недолго пришлось хозяйничать фашистам в областном центре. 16 декабря 1941 года советские войска освободили город Калинин. Вслед за этим началось последовательное освобождение оккупированных врагом районов Калининской области. В наступательных операциях Калининского и Северо-Западного фронтов активно участвовали народные мстители. В боях за освобождение Нелидова и многих населенных пунктов района активно сражались партизаны Нелидовского отряда (командир И. З. Коровкин).

Части Советской Армии при поддержке партизан Ленинского района выбили фашистов из районного центра Андреаполь. Из местного населения райкомом партии были созданы боевые

группы, возглавляемые партизанами, которые прочесывали леса и вылавливали отбившихся от своих частей гитлеровцев.

В те дни, когда на верхневолжской земле создавались и развертывали боевую деятельность первые партизанские отряды, штабом Северо-Западного фронта в Осташкове была сформирована особая партизанская бригада, в состав которой вошли кадровые военные, уже побывавшие в боях. Командовал бригадой майор А. М. Литвиненко. Объединив часть верхневолжских отрядов, бригада совершила глубокий рейд по вражеским тылам. Это был один из первых крупных партизанских рейдов в годы войны. Внезапно появляясь на вражеских коммуникациях, партизаны наносили удары по важным объектам противника и так же внезапно исчезали. Особая партизанская бригада сыграла важную роль в дальнейшей активизации партизанского движения в занятых врагом районах Калининской области.

По маршруту особой бригады осенью сорок первого года через линию фронта ушел молодежный партизанский отряд, возглавляемый комсомольцем из Кувшинова Виктором Терещатовым.

Калининским партизанам памятен и дорог Торопецкий район. Здесь в суровые годы войны в прифронтовом районе размещались штаб партизанского движения Калининского фронта, спецгруппа ЦК Компартии Белоруссии, оперативный штаб ЦК Компартии Латвии, оперативная группа ЦК Компартии Литвы, которые осуществляли руководство партизанской борьбой на территории, оккупированной врагом. Здесь проходили подготовку и формирование партизанские отряды и бригады. С торопецкой земли плечом к плечу с калининскими партизанами уходили в тыл врага белорусы, латыши и литовцы.

Через много лет, уже в мирные дни, по предложению ветеранов партизанского движения вблизи деревни Шейно был воздвигнут Курган партизанской славы. Бывшими партизанами сюда доставлены и установлены на бетонном постаменте капсулы со священной землей с могил Героев Советского Союза Лизы Чайкиной, Матвея Кузьмина, повторившего подвиг Ивана Сусанина, с братских могил калининских партизан.

Недалеко от Кургана в селе Пожня открыт музей Партизанской славы, где представлены уникальные документы о деятельности партизанских отрядов, подпольных партийных

организаций, сыгравших важную роль в организации и руководстве партизанским движением в нашем крае. Известно, что в партизанских отрядах, действовавших в 1941 году и создававшихся, как правило, из бойцов истребительных батальонов, было немало партийных и советских работников, которые являлись ядром отрядов, придававшим им силу и организованность, стойкость и выдержку.

В трудных условиях оккупационного режима приходилось действовать подпольным райкомам партии. Но трудности не поколебали морального духа коммунистов, их стойкости в борьбе с врагом, уверенности в победе. Лучшие из них своим примером увлекали народных мстителей на беспощадную борьбу с фашистскими захватчиками.

Бойцы Ржевского партизанского отряда горячо любили энергичного, смелого секретаря райкома партии В. Е. Елисева. Он был примером выдержки и самообладания, всегда находился рядом с бойцами-партизанами в походах и боях. Накануне 24-й годовщины Октября ржевские партизаны вели тяжелые бои с карателями. Вместе с боевым товарищем, заведующим отделом пропаганды райкома В. Е. Косаровым, они, окруженные гитлеровцами, отстреливались до последнего патрона. Незадолго до освобождения района в боях с врагом пал смертью храбрых секретарь Серезинского райкома партии П. В. Голубков, являвшийся комиссаром партизанского отряда. Погибли сотни коммунистов, сражавшихся в отрядах народных мстителей.

Героизм советских людей, сражавшихся с врагом в партизанских отрядах, был массовым. В одном ряду с Лизой Чайкиной навечно осталось много других славных имен наших земляков. Среди них Паня Зиматова, Алексей Баскаков, Николай Горячев, Лидия Сидоренко, Сергей Лысенко, Ольга Баранова, Зинаида Тимофеева, Борис Зайцев и многие другие.

После разгрома фашистских войск под Москвой большая группа калининских партизан Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 марта 1942 года была награждена боевыми орденами и медалями за доблесть и мужество, проявленные в борьбе с врагом.

Победа под Москвой воодушевила партизан, действовавших в районах области, еще занятых врагом, активизировала их борьбу против фашистских захватчиков.

1 мая 1942 года в газете "Правда" было опубликовано письмо калининских партизан Верховному Главнокомандующему, в котором, в частности, говорилось: "Из глубокого немецкого тыла мы рады сообщить, что с каждым днем все мощнее становится партизанская война, которую мы ведем. Как молодая озимь после живительного весеннего дождя, растут сейчас партизанские единицы. Когда мы делали против немцев первые свои вылазки, у нас было несколько винтовок. Сейчас партизаны имеют все, вплоть до тяжелых минометов и батарей артиллерии. Все это добыто в боях, все это отбито у врага. Сотни советских людей вливаются в наши ряды. Десятки тысяч рабочих, колхозников, советских интеллигентов, не состоя в партизанах, помогают нам создавать фашистам невыносимые условия в захваченных ими районах. И сейчас мы не только рвем вражеские коммуникации, дезорганизуем их связь и транспорт. Мы даем у них в глубоком тылу настоящие бои, нанося им ощутительные удары.

...Мы, партизаны, ведем с фашистскими захватчиками настоящую жестокую, кровопролитную борьбу не на жизнь, а на смерть, и в боях закаляются наши бойцы..."

Это письмо было по существу отчетом народных мстителей о боевых действиях в тылу врага, их обязательствах с еще большей активностью продолжать борьбу с фашистскими оккупантами.

В мае 1942 года был создан Калининский штаб партизанского движения. Его в разное время возглавляли В. В. Радченко, И. И. Рыжиков, С. С. Бельченко, С. Г. Соколов. Весомый вклад в организацию и руководство партизанским движением в нашем крае внес первый секретарь Калининского обкома партии И. П. Бойцов, являвшийся членом Военного Совета Калининского фронта и членом областного штаба партизанского движения.

Была налажена подготовка руководителей партизанского движения, подрывников, разведчиков, радистов. Улучшилось материально-техническое снабжение партизанских отрядов и соединений. Для доставки вооружения и боеприпасов, взрывчатки, продовольствия, медикаментов, вывоза раненых, переброски в тыл врага специалистов штабу партизанского движения была придана авиация.

К октябрю 1942 года на оккупированной территории нашей

области образовался партизанский край, который в сентябре - октябре 1942 года удерживался 1-м Калининским партизанским корпусом (командир В. В. Разумов), затем Калининскими партизанскими бригадами и другими соединениями.

Если говорить о конкретных результатах партизанской войны, то в апреле 1943 года в нашем крае действовало 14 партизанских бригад (62 отряда), свыше 9 тысяч партизан, а в декабре - уже около 14 тысяч партизан. Партизанские формирования действовали с частями и соединениями регулярной Красной Армии во время наступательных операций 1943-44 годов. В 1941-43 годах калининские партизаны уничтожили свыше 10 тысяч оккупантов и их пособников, подорвали более 750 эшелонов, около ста танков, свыше трех тысяч автомашин, 1300 мостов. Впрочем, этот перечень можно продолжать и продолжать.

Знаменательные события произошли на Верхневолжской земле в июле 1944 года. Тесно взаимодействуя с частями Красной Армии, партизаны полностью освободили нашу область от фашистских захватчиков и соединились с бойцами регулярной армии у ее западных границ. То была радостная и волнующая встреча, в ней участвовало более шести тысяч калининских партизан.

Память об этом событии отражена в установленном мемориале у озера Белое Себежского района. На мемориальной плите написано: "Здесь у озера Белое 23 июля 1944 г. после трехлетней борьбы и изгнания фашистских захватчиков с родной земли соединения калининских партизан закончили свой боевой поход".

С тех суровых и незабываемых дней прошло более полувека, но бывших участников партизанской борьбы по-прежнему отличают боевая сплоченность и дружба - качества, которые помогали им в боях с врагом. В течение многих лет активно действует совет ветеранов калининских партизан. У него много задач - прежде всего забота о сохранении памяти о тех грозных годах в сердце народа, и ветераны партизанского движения делают для этого все возможное. Под их особым вниманием находятся партизанские захоронения, памятники, напоминающие о героических действиях калининских партизан.

Каждый, кому приходилось бывать в Осташкове, останавливался возле памятника партизанам Великой Отечественной

войны. А неподалеку от Кургана, в торопецком селе Пожня, открыт музей Партизанской славы, где представлены уникальные документы партизанских отрядов, подпольных партийных организаций. Сюда на свои традиционные слеты собираются ветераны партизанского движения нашей области.

В поселке Пено, на родине Лизы Чайкиной, на высоком постаменте установлен бюст героини-партизанки, а рядом на 16 стелах - имена воинов и партизан, погибших в борьбе с врагом за освобождение поселка Пено и района. Недалеко от мемориала - музей Лизы Чайкиной, экспозиции которого рассказывают о ее жизни и подвиге.

В селе Прямухино, перед зданием средней школы, в которой учился Герой Советского Союза Николай Горячев, установлен бюст юного партизана, а в самой школе, носящей имя ее бывшего ученика, создан музей, посвященный памяти героя.

Кстати, село Прямухино для калининских партизан памятно еще и тем, что в годы войны здесь размещалась школа по подготовке партизанских кадров - разведчиков, подрывников, связистов.

У озера Язно, что в Невельском районе, где в период фашистской оккупации проходили ожесточенные бои, установлен обелиск, на котором написано: "Калининские партизаны и местное население насмерть сражались в этих местах с немецко-фашистскими захватчиками в 1941-1943 гг."

Поселок Россоны Витебской области (в годы войны граничивший с Калининской областью) был центром большого партизанского края, образовавшегося в тылу врага в результате совместных боевых действий русских, белорусских и латышских партизан. Край стал непокоренной территорией советской земли, над которой реял красный флаг. Для борьбы с карателями, пытавшимися уничтожить партизанский край, был организован единый штаб, который координировал все боевые действия партизан.

Сейчас в Россонах на братской могиле сооружен величественный обелиск. Здесь же - мемориальная стела, на которой сотни имен белорусских, русских и латышских партизан, погибших на этой земле. Открыт музей Боевого содружества партизан.

В наши дни недалеко от старинного русского города Себеж (ныне Псковской области), где сходятся границы трех рес-

публик - России, Белоруссии и Латвии, высится Курган дружбы. К подножию Кургана ведут три аллеи: из России, Белоруссии и Латвии, символизирующие общие дороги трех братских республик в годы Великой Отечественной войны. По сложившейся традиции у Кургана дружбы в первое воскресенье июля собираются тысячи людей, приезжают сюда и калининские партизаны. На Кургане вспыхивает огонь Славы. Возлагаются цветы к памятникам, горят партизанские костры. Это костры нашей памяти, возле которых рядом с седовласыми ветеранами собираются молодые парни и девушки, не смолкают оживленные разговоры, звучат песни.

Все дальше в прошлое уходят огневые годы. Но ни время, ни политические бури не властны над памятью людей, если она, эта память, скреплена кровью, пролитой в совместных боях за Родину.

*И. БОРИСОВ,
секретарь подпольного
Ленинского райкома партии,
комиссар партизанского отряда*

ЗА РОДИНУ - НЕ ЩАДЯ ЖИЗНИ

Вероломное и внезапное нападение фашистской Германии на нашу страну я встретил на границе, в Белостокской области. С первых дней войны был назначен заместителем начальника отдела контрразведки (особого отдела) Западного фронта. Чрезвычайно трудная обстановка, в которой оказались в эту пору наши войска, известна. Пользуясь этим, немецкие разведорганы получили широкую возможность для заброски в массовом порядке своей агентуры. Так что нам пришлось вести очень напряженную работу по ее разоблачению на протяжении всей войны.

Горжусь, что вместе с другими товарищами в ходе битвы за Москву мне пришлось выполнять ряд весьма ответственных поручений командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова. Прошу не счесть за нескромность, но среди многих боевых наград одной из самых дорогих для меня считаю орден Красного знамени, которым был лично награжден Георгием Константиновичем 20 декабря 1941 года.

Так получилось, что военная моя судьба оказалась связанной с партизанским движением на калининской земле. Но сначала была Белоруссия. Известно, что уже на третий-четвертый день войны на пинщине были созданы партизанские отряды Т. П. Бумажкова, В. З. Коржа, которые впоследствии переросли в бригады. Большую работу по расширению и активизации партизанской борьбы на территории республики вел ЦК КП (б) Белоруссии, который сначала эвакуировался из Минска в Могилев. В этот город прибыли два маршала Советского Союза - К. Е. Ворошилов и Б. М. Шапошников. Они провели совещание с активом. Полезными советами по организации партизанского движения поделился Климент Ефремович. Мне довелось быть участником той встречи.

После отступления наших войск из Белоруссии группа по руководству партизанским движением и подпольем на территории республики была дислоцирована в деревне Шейно Торопецкого района. Руководил этой Северо-Западной группой

(так она называлась) секретарь ЦК Компартии Белоруссии Г. Б. Эйдинов, опытный организатор, энергичный авторитетный работник. Братская калининская земля приютила тогда у себя штаб и базу белорусских партизан. Дорогой для связи с ними, особенно с партизанами Витебщины, служили так называемые Суражские ворота. Через них перебрасывались вновь сформированные партизанские отряды и группы, боеприпасы, продовольствие, зимняя одежда, а из вражеского тыла эвакуировались раненые и больные. Возглавлял эту работу и представлял интересы калининских партизан начальник опергруппы 3-й ударной армии И. Н. Кривошеев, очень деятельный командир, хорошо контактировавший как с фронтовым начальством, так и с местными органами.

Со всеми людьми, уходившими в тыл врага, я проводил своеобразные занятия по конспирации, способам выявления вражеской агентуры, методам ведения разведки, приобретению помощников из числа местного населения и т. д.

Естественно, я был знаком и с местными работниками, занимавшимися партизанским движением в области, в частности, с секретарями обкома партии И. П. Бойцовым, П. С. Воронцовым. О своих впечатлениях мне доводилось докладывать Г. К. Жукову и П. К. Пономаренко.

Вспоминается такой эпизод. В августе 1941 года 22-я армия оказалась в окружении в районе гор. Великие Луки, который входил тогда в Калининскую область. Командование Западного фронта, будучи серьезно обеспокоенным ситуацией, срочно решило направить туда оперативную группу для решения на месте, как вывести армию из окружения и прикрыть это направление. В состав группы вошли замначштаба фронта генерал-лейтенант Г. К. Маландин, начальник политуправления, член военного совета фронта дивизионный комиссар Д. А. Лестев и автор этих строк. Инструктировал нас лично Г. К. Жуков. Увы, мы обнаружили Торопецкое направление фактически неприкрытым. Надо было выправлять положение. Пришлось создать силы прикрытия за счет выходивших из окружения частей и подразделений, а то и отдельных красноармейцев и командиров.

В районе Старой Торопы был командный пункт 29-й армии генерала И. И. Масленникова. Товарищи знали, что я бывший пограничник, служил вместе с Масленниковым на Средне-

азиатской границе в тридцатые годы, и отправили меня к генералу с просьбой прикрыть опасное направление его силами. Но он заявил мне, что у него самого правый фланг совсем открыт, а немцы намерены наступать, и в нашей просьбе отказал.

С Г. К. Жуковым мы поддерживали постоянную связь, обо всем ему докладывали. Он, например, требовал выяснить судьбу командарма генерала Е. А. Ершакова. Удалось установить, что генерала, тяжело контуженного, вынесли из-за линии фронта на носилках и положили в госпиталь. В то же время стало ясно, что с частями 22-й армии активно взаимодействуют партизаны Великолукского района, которые помогают им выйти из окружения, действуют смело и решительно, отлично разбираясь в обстановке.

Возник вопрос о новом командире. Вместо Ершакова наша группа рекомендовала опытного генерала В. А. Юшкевича. Жуков согласился с нашим предложением. Вскоре Юшкевич прибыл в Торопец. Мы все вместе решили оценить обстановку на переднем крае. Стрельбы не было слышно. Казалось бы, продвижение на восток немцев было приостановлено, и мы пошли к окопам не маскируясь. В этот момент немцы накрыли нас и трассирующими пулями, и плотным минометным огнем. Хорошо, что окопы оказались совсем рядом. Разведка донесла, что где-то в километре от нас в лесочке оказалась разведгруппа противника и по красным лампасам генерала Маландина засекла нас. Так что нам еще повезло.

Поскольку генерал Юшкевич принял командование армией, нам было приказано прибыть на командный пункт фронта.

Партизанское движение на временно оккупированной территории уже обрело всенародный характер и нуждалось в централизации руководства, координации действий и оказании помощи. Государственный Комитет Оборона 30 мая 1942 года создал Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного Главнокомандования. Начальником его был назначен Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, генерал-лейтенант, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии. В сентябре - ноябре был и Главнокомандующий партизанским движением - К. Е. Ворошилов. Этому штабу в оперативном отношении были подчинены республиканские и областные штабы. Штабы партизанского движения также

подчинялись соответствующим фронтам. Тогда же были назначены и начальники штабов. Начальником Западного штаба партизанского движения стал автор этих строк.

Для ясности следует заметить, что Белорусский штаб партизанского движения был создан только в сентябре 1942 года. Так что второй секретарь ЦК КП Белоруссии П. З. Калинин был назначен первым моим заместителем, а вторым заместителем стал первый секретарь Смоленского обкома Д. М. Попов.

Первой нашей задачей был поиск путей связи с партизанами за линией фронта. Радиостанций тогда было очень мало, и мы сбрасывали связных на парашютах, посылали через линию фронта пеших связных, искали другие пути. Командующий фронтом Г. К. Жуков и член военного совета Н. А. Булганин требовали от нас докладов о борьбе с оккупантами, о разведданных, полученных от партизан, еженедельно. Но я не помню, чтобы Г. К. Жуков хотя бы в чем-нибудь отказал нашему штабу. К партизанскому движению он проявлял особый интерес. Человек он был требовательный, суровый, лени и пустой болтовни не терпел.

А мои дела разворачивались так: в результате последствий контузии, полученной в августе сорок первого, я оказался в госпитале, а после выздоровления получил новое назначение - представителем ЦШПД, членом военного совета Калининского фронта.

Перед отъездом на фронт со мной подробно беседовал начальник ЦШПД генерал-лейтенант Пономаренко. Мне было поручено осуществить переброску крупного партизанского соединения П. З. Коляды ("Бати") в тыл врага. Это соединение, действовавшее в полосе Калининского фронта, оказалось по существу в обороне на неприкрытом левом фланге. Местность там (север и северо-запад Смоленской области) была болотистая. Но партизаны все-таки проникали в тыл оккупантов и с боями, и на разведку. Им бы вся стать действовать там, в тылу неприятеля постоянно, но в резерве командования не было частей, которые смогли бы заменить партизан на фланге. Пришлось ставить этот вопрос перед Ставкой. Регулярные части на этот участок фронта прибыли, а из соединения "Бати" было сформировано шесть небольших бригад, каждой определен район боевых действий, и все они были переброшены за линию

фронта. Возглавляли их опытные уже командиры И. Р. Шлапаков, М. И. Байдин, Е. Г. Давыдкин, Ф. Я. Апретов и другие.

Другой важный вопрос, решенный с военным советом фронта - дальнейшие действия 1-го Калининского партизанского корпуса. Было решено крупными силами партизан совершить глубокий рейд по тылам оккупантов. В этих целях 20 августа 1942 года был создан Калининский партизанский корпус в составе девяти партизанских бригад и трех отдельных отрядов. Командиром корпуса стал опытный, хорошо подготовленный в военном отношении капитан В. В. Разумов, комиссаром - старший батальонный комиссар А. И. Штрахов, умелый тактик партизанской войны, начальником штаба - И. И. Веселов, грамотный штабист. Корпус был обеспечен всем необходимым, партизанская разведка снабжала его ценными данными о противнике. Совершая быстрые маневры, корпус наносил противнику внезапные и чувствительные удары. В течение сентября-октября 1942 года корпус провел 56 боев, разгромил 18 вражеских гарнизонов, подорвал 69 воинских эшелонов и уничтожил около пяти тысяч гитлеровцев. Для борьбы с партизанами гитлеровцы вынуждены были снять с передовой дополнительные силы.

ЦШПД внимательно следил за развитием событий. Немцы готовили силы, чтобы, загнав корпус в "мешок", сокрушить его превосходящими силами в плотном кольце и, применив авиацию, танки, артиллерию, ликвидировать партизан. Такую тактику они уже применяли в других районах. Логика была простая: крупным группам партизан нелегко уйти из окружения. Наше командование согласилось с решением быстро рассредоточить корпус и продолжать бить оккупантов небольшими отдельными формированиями.

Бригады и отряды возглавили опытные, инициативные командиры и комиссары. Назову тех, кто остался в памяти. Это А. М. Гаврилов, Ф. Т. Бойдин, П. В. Рындин, В. И. Марго, Г. П. Ахременков, Н. М. Вараксов, С. А. Буторин, Н. В. Шиповалов, В. М. Лисовский, М. К. Карликов, Д. А. Халтурин, Н. И. Макаров, И. К. Никоненко, П. Г. Романов, Г. Ф. Бабаков, М. А. Ершов, И. С. Борисов, В. Ф. Рыбаков, И. В. Жуков, Н. В. Молоков, И. С. Дежин, В. А. Дунаев, Н. В. Васильев, А. С. Кулеш, В. Ф. Задерин, А. Е. Сидоренко, А. С. Петров,

С. М. Максименко, В. П. Семин и другие. Об одних известно многое, другие упоминаются в различной литературе реже. Но каждый из них - это личность яркая, своеобразная. В ряды народных мстителей они пришли разными путями. Одни были оставлены в тылу врага партией, другие вышли на партизан, пробираясь из окружения, третьи были заброшены в тыл врага специально. У одних было военное образование, другие постигали науку побеждать в полевых условиях и достигли в этом немалых высот. Но главное, что отличало и объединяло их всех - беззаветная любовь к Родине, преданность своему народу, жгучая ненависть к врагу.

Не могу не назвать и обладавших такой же доблестью и героизмом командиров, комиссаров и партизан Смоленщины, боровшихся с коварным врагом тоже в полосе Калининского фронта и находившихся в подчинении нашего ЦШПД. Это М. И. Бадин, И. Р. Шлапаков, И. И. Овчаренко, Л. В. Громов, А. И. Воропаев, К. В. Иванов, Ф. Я. Апретов (погиб в 1943 году), Н. А. Лаврентьев, Е. Г. Давыдкин.

Мне же, вступившему в должность, надо было как можно быстрее познакомиться с партизанами, личным составом штаба. Мой предшественник В. В. Радченко сумел сколотить небольшой, но работоспособный аппарат. Начальником оперативного отряда был подполковник (впоследствии - полковник) П. С. Шеломагин. С ним я встречался еще до войны, в Ломжинском погранотряде, которым он командовал. Это был смелый человек, не боявшийся принять на себя ответственность в решении сложных вопросов. Его старший помощник майор Архипенко - фронтовик с первого дня войны, но штабной работой он был не удовлетворен, рвался воевать в тылу врага. И вскоре его просьбу я удовлетворил, послав на помощь окруженной карателями группе партизан. Он помог им вырваться без особых потерь, но сам героически погиб. Вместе с ним был и мой адъютант капитан Н. Ф. Савкин. В бою его контузило. Он был эвакуирован в госпиталь.

Соответствовали занимаемым должностям начальник отдела кадров подполковник Никифоров и его старший помощник капитан Н. Ф. Белоконов. Специалистов партизанским отрядам поставляла наша школа (начальник подполковник А. А. Титок).

Мне же особо хочется отметить наших радистов. Это были специалисты высокого класса. Связь Калининского штаба

партизанского движения отличалась высокой надежностью и оперативностью. Важнейшее звено штабной работы - радиоузел. Его начальник И. С. Романов - кадровый связист, человек уже зрелого возраста, высокой культуры, сколотил весьма квалифицированный коллектив, способный работать круглосуточно в любых условиях. Высококласным специалистом радиосвязи был и его заместитель подполковник Ф. А. Адров. Он стал начальником отдела после героической гибели в тылу врага полковника Романова, выполнявшего особо важное поручение.

Наш радиоузел имел устойчивую связь с 16-ю партизанскими бригадами и одним спецотрядом. По радио, например, как теперь подсчитано, ЦШПД получил от калининских партизан информацию о перемещении и дислокации в период с 1 ноября 1943 года по 15 июля 1944 года 30 вражеских дивизий, 25 бригад, 23 полков, 65 батальонов, 148 полевых почт, двух полевых аэродромов, сведения о расположении 11 аэродромов, 65 складов, 32 предприятий и другие данные, которые, согласитесь, дорого стоят.

На радиосвязи работали у нас подлинные асы - радисты и шифровальщики Р. Н. Волосатова, А. С. Тихонов, Р. И. Крылова, И. А. Романова и другие. Это благодаря их усилиям была налажена устойчивая связь между партизанскими аэродромами и Большой землей при эвакуации из-за линии фронта летом 1944 года 105 раненых и больных партизан, 1571 ребенка и 93 женщин.

Наличие двусторонней радиосвязи обеспечивало возможность в нужное время давать партизанам конкретные задания и получать от них информацию о результатах работы.

Партизанское движение в тылу врага обладало исключительной возможностью, образно говоря, иметь повсюду свои глаза и уши. Надо было только умело организовать эту работу, знать ее тонкости, уметь внедрять своих людей - агентуру - в интересующие командование места. К сожалению, в предвоенные мобилизационные планы создание партизанской разведки заложено не было. Приходилось начинать с азов. В партизанских отрядах и бригадах этим делом занимались военные разведчики, чекисты, оперативные работники милиции. Были созданы специальные школы. Весомый вклад в это дело внесла бригада особого назначения. В партизанских бригадах

были введены должности заместителей командиров по разведке и контрразведке. Все понимали, что вовремя полученные разведданные обретают особую ценность, а бывают моменты, когда им вообще нет цены. Партизанская разведка имела ценную агентуру в администрации оккупантов, в полиции, железнодорожных службах, на складах и базах, среди обслуживающего персонала аэродромов, офицерских пищеблоков и т. д.

Исключительную роль в сборе сведений о противнике сыграли подростки-партизаны и особенно девушки, женщины. Назову тех, кого запомнил: З. В. Васильева, Н. Е. Григорьева, Т. Т. Иванова, А. С. Горецкая, М. П. Литвинова, О. А. Михайлова, Н. В. Маевская, М. П. Андреенок, Н. К. Бойдина, О. А. Михайлова, В. Т. Сумбаров, П. А. Пузиков, О. С. Бышко, А. В. Блинова, Н. В. Васильева, С. И. Сенина и другие. .

Недавно ушел из жизни талантливый храбрый разведчик из 3-й бригады Владимир Петрович Заболотнов. Так было угодно судьбе, что ему повезло на командиров. Комбриг А. М. Гаврилов, комиссар Н. В. Васильев, зам. комбрига по разведке Г. Н. Батейкин всячески поощряли инициативу молодого разведчика.

Так что наша разведка прошла испытание войной. Имел место факт получения партизанской разведкой сведений выдающегося характера. Так, в районе города Холм в границах тогдашней Калининской области был обнаружен склад с химическими снарядами. Сразу этот факт был обнародован по всему миру: Германия готовилась к чудовищному злодеянию - химической войне.

Партизаны Калининского фронта с первых дней своих боевых действий хорошо понимали, что самый чувствительный нерв оккупантов - железнодорожные коммуникации. ЦШПД пришел к выводу, что сокрушительные удары по рельсовым путям - наиболее эффективная форма борьбы. К этому времени созрели уже материальные возможности, были готовы люди.

"Рельсовая война" - таково было кодовое название крупнейшей партизанской операции, проведенной 3 августа - 15 сентября 1943 года на оккупированной территории России, Украины и Белоруссии для оказания помощи частям Советской Армии в завершении разгрома фашистских войск в Курской битве. ЦШПД привлек к этой операции 167 партизанских бригад

и отрядов, действовавших в тыловых районах групп армий "Центр" и "Север". Общий план был разработан в Центральном штабе. Получили свою боевую задачу и калининские партизаны. Им нужно было сорвать перевозки врага на магистралях от Новосокольников до границы с Латвией и на участке Невель - Клястицы - Полоцк. В тыл врага были заброшены 9 565 кг тола, 24 тысячи капсюлей, 10 тысяч метров бикфордова шнура - все, вплоть до спичек. Для переброски этого груза понадобилось 24 самолетовылета.

Все железнодорожные магистрали круглосуточно охранялись противником самым тщательным образом. Но и подготовка к "рельсовой войне" велась в строжайшей тайне. Даже в Центральном штабе партизанского движения о ней знало ограниченное количество работников. Причем и ЦШПД, и фронтовой штаб предоставили командирам бригад полную самостоятельность в действиях.

В ночь на 4 августа мощным огневым ударом была смята вся вражеская охрана железнодорожных путей, было перебито 5 635 рельсов. 4-6 августа дорога бездействовала, а партизаны продолжали наносить удары. В рядах противника возникла паника. Пошли слухи, что Красная Армия прорвала фронт и наступает. Были и другие разговоры - дескать, рельсы взрывают не партизаны, а 8 тысяч специально подготовленных диверсантов-парашютистов.

Вошла в историю партизанского движения Савкинская операция. О ней написано много, а еще больше рассказано. Хочу внести ясность в ее историю. Дело в том, что 26 декабря 1942 года мной, представителем ЦШПД, членом военного совета Калининского фронта, был издан приказ о формировании оперативной группы для усиления руководства боевыми действиями партизан в тылу врага. В пункте первом приказа начальником опергруппы был назначен старший батальонный комиссар А. И. Штрахов, а его заместителем - майор И. И. Веселов. В пункте втором перед опергруппой ставились конкретные задачи, четко указывалось время и силы их выполнения: "Взорвать железнодорожные мосты на магистралях Идрица - Пустошка в д. Савкино, Невель - Полоцк у разъезда Железница. Взорвать мосты на шоссе Идрица - Пустошка у д. Либица, Могильно, Невель - Полоцк у разъезда Железница. Уничтожить немецкие гарнизоны д. Савкино, кв.

4424, и разъезд Железница". В приказе оговаривалось, что для выполнения этой задачи привлекаются бригады тт. Бойдина, Шиповалова, Семина, Карнаущенко, Гаврилова. Организаторы и руководители операции на месте - А. И. Штрахов и И. И. Веселов. ЦШПД эту операцию держал на контроле, и она была выполнена успешно. Но партизаны понесли тяжелую утрату - погиб Иван Иванович Веселов.

Должен особо сказать об оперативной группе нашего штаба. Нас все время беспокоила мысль об улучшении живого руководства партизанскими отрядами и бригадами. Нередко ответственные работники штаба непосредственно отправлялись во вражеский тыл, особенно когда там складывалась сложная ситуация и на месте был необходим конкретный совет. Если позволяла обстановка, партизанские командиры прилетали к нам попутными рейсами. Но все-таки для живой связи в тылу врага необходимо было иметь группу опытных людей, на которых можно было положиться как на себя. Главной фигурой такого плана стал Алексей Иванович Штрахов. Это был человек высокой культуры, профессиональный дипломат и ученый, с твердым характером, отличавшийся смелостью и решительностью. Он сам все время просился за линию фронта. Его авторитет и у партизан, и у командования был особенно высок. Как-то от Алексея Ивановича пришла шифровка: он просил выслать самолет на озеро Язно, чтобы забрать ценности, собранные у населения братского партизанского края в фонд обороны. По нашему звонку генерал Н. П. Дагаев выделил летчика Серафима Григорьевича Фадеева. К сожалению, не все получилось сразу. То погода была нелетная, то посадочные сигналы перепутали. Удался только третий полет. Но зато когда летчик вернулся и втащил в мой кабинет тяжелый мешок, мы ахнули. Чего там только не было! Часы, кольца, портсигары, облигации. Отдельно были сложены партизанские трофеи, захваченные у гитлеровцев. Специальная авторитетная комиссия составила обстоятельный приемочный акт и отвезла ценный груз, предназначенный для финансирования создания новой военной техники, в банк.

Конечно, не будь такой поддержки наших бесстрашных летчиков, партизанское движение вряд ли приобрело бы столь могущественный характер, не смогло бы стать столь важным стратегическим фактором. Я с глубоким почтением вспоминаю

славных авиаторов Мамкина, Тарасова, Жогу, Денисова, Кузнецова, Ползунова и многих других. Время стерло в памяти их имена, инициалы, но осталась незабываемая их отвага.

Круг людей, достойных упоминания, велик. Я бы хотел назвать всех, но при всем моем желании рамки статьи не позволяют это сделать в полном объеме.

Ушел из жизни Виктор Терещатов. Совсем юношей командовал он партизанским чекистским отрядом, состоявшим из таких же безусых отчаянных ребят. Его отряд был заброшен в тыл врага со специальными задачами и ответственно их выполнил. Мне тогда на Калининском фронте доводилось быть информированным о действиях отряда "Земляки", я и тогда восхищался этими ребятами, сохраняю это восхищение спустя полвека.

Меня радуют весточки, приходящие из Твери, о продолжающейся боевой дружбе и большой патриотической работе калининских ветеранов-партизан. И. С. Борисов, В. С. Карговский, Г. М. Зайцев, К. И. Тяпина, Н. К. Бойдина, А. П. Голубев, Л. А. Таранова, Е. И. Малышева, П. С. Сергеичев, В. В. Бычков, А. Г. Соловьева, С. М. Щербанов и многие другие делают свое большое славное дело, поддерживая в земляках священное чувство патриотизма. Калининские ветераны-партизаны ведут огромную общественную работу в Москве, Великих Луках, Себеже, множестве городов и населенных пунктов России и за ее пределами, на территории бывшего нашего Союза. Это неугомонные люди особого склада, самой высокой порядчности и верности долгу. Спасибо вам, дорогие боевые друзья!

Многие не дожили до пятидесятого Дня Победы. Но память о них живет. Я бы назвал еще командира партизанской бригады, мужественного чекиста А. В. Назарова, скромнейшего человека, отдававшего любому порученному делу все свои силы и огромный жизненный опыт; Ф. Т. Бойдина, воевавшего рядом с белорусами и латышами, других храбрых комбригов - Ф. В. Зылева, В. М. Лисовского, А. И. Савиткова, П. В. Рындина, А. М. Гаврилова, В. Ф. Задерина, В. И. Марго, М. П. Карликова, Н. В. Шиповалова, И. К. Никоненка, Д. А. Халтурина, М. А. Ершова, Г. П. Ахременкова и других. Следует упомянуть и С. Г. Соколова. Он возглавлял группу, а затем и штаб партизанского движения Калининской области и

руководил этим штабом до полного освобождения области в июле 1944 года. После войны мы работали с ним в органах внутренних дел Белоруссии. Он стал комиссаром милиции, возглавлял ленинградскую милицию. Его любили и помнят калининские партизаны.

А меня в апреле 1943 года ожидал новый поворот судьбы. Я был назначен на должность заместителя начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Покидая Калининский фронт, на котором провел восемь очень напряженных, непростых месяцев, я сохранил о людях, с которыми воевал, самые теплые чувства. Моим преемником стал И. И. Рыжиков, мой довоенный знакомый, секретарь ЦК Компартии Белоруссии, очень опытный, образованный работник, участник гражданской войны.

Честно говоря, мучали сомнения - справлюсь ли. Здесь, на фронте, у меня были очень хорошие рабочие отношения с командующим М. А. Пуркаевым, с начальником штаба М. В. Захаровым. С Матвеем Васильевичем судьба свела меня и после войны, когда он был командующим Ленинградским военным округом, а я - начальником погранвойск Ленинградского округа. Эту дружбу мы сохранили и в Москве, куда нас привела служба.

В Центральном Штабе я снова стал работать с П. К. Пономаренко. Мне импонировали его всесторонняя образованность, блестящая память, неиссякаемая работоспособность, широкий практический кругозор, умение выслушать собеседника и быстро войти в суть вопроса.

С высоты ЦШПД я имел возможность сравнивать, сопоставлять результаты действий партизан во многих регионах, на разных фронтах, и за своих калининских товарищей мне, честное слово, никогда не было стыдно.

Годы не идут, а летят. Пришло великое пятидесятилетие Победы. Не думалось, что мы будем отмечать его по разным "национальным квартирам", в пору развала экономики. Но мы не теряем веры, что единство и сплоченность нашего талантливого трудолюбивого народа избавят нас от бед.

С. БЕЛЬЧЕНКО,

*представитель Центрального штаба партизанского движения,
член военного совета Калининского фронта,
генерал-полковник в отставке*

СЛОВО О КОМИССАРЕ ШТРАХОВЕ

Морозным ветреным февральским днем 1981 года хоронили Алексея Ивановича Штрахова. На свежем холмике, среди укрытых снегом могил, ветер расправлял алые ленты на венках: "От Института истории АН СССР", "От калининских партизан"... Онемевшие от горя родственники откалывали от красных ритуальных подушечек ордена и медали покойного. Опечаленные, со скорбно склоненными головами стояли у могилы пожилые, седовласые люди - боевые друзья и товарищи Алексея Ивановича, и каждый в эти минуты думал об одном: "Вот и еще одного потеряли..."

О нем, о майоре Штрахове, я услышал еще в конце 1942 года, хотя отряд наш действовал очень далеко от мест, где воевал он. Имя его и витебские, и калининские партизаны всякий раз произносили с уважением. И вот теперь я должен рассказать о человеке, который ушел от нас.

О детстве своем Алексей Иванович вспоминал неохотно и коротко:

- Голод, холод, время тяжелое. Семья распалась, матери не было. В двадцать четвертом или в двадцать третьем году начал работать электромонтером на железнодорожной станции Гянджа. В двадцать восьмом нас послали в Москву, на рабфак МИИТа. А образования у меня было всего только железнодорожная школа, трехклассная.

Но повезло вот в чем: там, где я работал, имелась богатейшая и самая разнообразная библиотека - сотни томов, роскошные издания, реквизированные у буржуазии. Я читал запоем - Майн-Рида, Конан Дойля, "Историю царствующего дома". Может быть, тогда и появилась у меня тяга к гуманитарному знанию. Чтение стало моим образованием. Так я оказался в столице, на Бахметьевской (теперь это улица Образцова), на рабфаке.

Учились мы жадно. Несколько человек, и я среди них, окончили рабфак за два года вместо трех. Дальше ждал МИИТ. Но меня тянуло к общественным наукам, и я подал документы

в Институт востоковедения имени Нариманова. Все экзамены сдал на "отлично". Меня приняли.

Институт расширялся. Он должен был заниматься вообще-то колониальными странами, поэтому открылось латино-американское отделение. Тогда спешили, приходилось очень спешить. В последние годы ученья я одновременно заканчивал институт и уже учился в аспирантуре. Людей, владевших испанским и вообще с такой подготовкой, какую давали наш институт и аспирантура, не хватало. Мы были нарасхват.

Летом 1936 года произошел франкистский мятеж в Испании. Эти события волновали всех, и меня, разумеется, тоже. Но я никогда не ожидал, что моя судьба окажется напрямую связанной с ними.

...В Испании фашисты устроили генеральную репетицию войны против России. И Алексей Штрахов, как и многие другие, кто оказался тогда в Испании, понимал это. Он был дипломатом, но и для него все происходящее стало подготовкой к будущей войне - подготовкой духовной, нравственной.

- Однажды меня вызвали на какую-то комиссию, - рассказывал Штрахов. - Пришел. За столом сидят человек десять. Среди них выделяется один, в очках, с седыми волосами, спадающими на плечи. Стали меня расспрашивать о современной и классической литературе, в частности, о французской и испанской. О международном положении. И вдруг внезапно этот, в очках, заговорил со мной по-испански. Я отвечал. Поговорили, поговорили и велели прийти завтра.

На другой день разговор продолжался, как и накануне. Как бы между прочим, меня спросили: "А как вы отнесетесь, если мы пошлем вас за границу?" Я ответил, что если партия меня пошлет, то я готов. "А если мы пошлем вас в Испанию?" "Если речь об Испании, то я с радостью. Хоть сейчас". "Хорошо, сегодня, в 19.30, будьте на Белорусском вокзале. К Вам подойдут, вручат билет, Вы сядете в поезд и поедете". "Но как же? Надо же собраться, сделать кой-какие дела..." "Никаких особых сборов, а о передаче дел за Вас позаботятся..."

Вечером я действительно сел в поезд. Купе оставалось пустым, хотя поезд уже выехал за московские пригороды. Потом в дверь постучали и попросили меня пройти в другое купе. Там у окна сидел тот самый седовласый человек в очках.

"Здравствуйте, - пригласил он,- садитесь. Я Антонов-Овсеенко".

У меня захватило дух: Антонов-Овсеенко! Участник взятия Зимнего!

"Позавчера на комиссии я выбрал Вас своим помощником,- сказал он,- а я назначен консулом в Барселону".

...Барселона! Когда Алексей Штрахов приехал туда, это был прифронтовой город. Испанскую республику защищали интернациональные бригады добровольцев, съехавшихся в эту страну из многих стран мира.

Было много встреч с людьми, о которых он прежде только слышал или читал. Теплые отношения сложились с приезжавшим на Международный конгресс писателей в защиту культуры Алексеем Толстым. Здесь он познакомился и с будущим Главным маршалом артиллерии Н. Н. Вороновым. Но, главное, он найдет там настоящего, близкого друга.

Василий Александрович Юшкевич, военный советник Арагонского фронта, был старше Алексея на двенадцать лет. Еще в гражданскую он командовал ротой, батальоном, полком.

...Неожиданно отозвали в Москву Михаила Кольцова. Потом - Антонова-Овсеенко. Причина отзыва не сообщалась и была непонятна. Обязанности консула было поручено исполнять Штрахову. А потом, так же неожиданно, отозвали в Москву и Юшкевича.

Штрахову не пришлось увидеть поражения Республики: в начале 1938 года он тоже получил приказ вернуться в Союз. И расставание с Испанией, и возвращение в Москву было горьким. Вернувшись, он узнал, что и Антонов-Овсеенко, и Юшкевич арестованы. Потом арестуют и Кольцова. Старый революционер, оклеветанный, погиб, как погибнет и Кольцов, и многие другие. Юшкевич никаких показаний не подписал, его были вынуждены отпустить. Но все равно, это было горько и страшно. Может быть, страшнее, чем на войне.

А война... Там она была проиграна. И он понимал теперь, что фашизм не остановится на этом.

Работа в Народном Комиссариате иностранных дел была трудной. Ты переставал быть хозяином своего времени. Работали-то большей частью по ночам. И в выходной, и из отпуска тебя могли внезапно вызвать для какого-то срочного

дела. Но все-таки дело увлекало, захватывало, забирало всего. Отсюда, из наркоматского здания, было видно далеко, и многое теперь он видел и понимал яснее, чем прежде.

- Алексей Иванович, а вы помните первый день войны? - спросил я его однажды.

- В этот день я был в подмосковном санатории, - стал вспоминать он. - Газеты в то утро вышли еще с мирными новостями. Мы как раз говорили между собой об операции немцев в Греции, на Кипре. Они там высадились из планеров. С военной точки зрения это была умело организованная и осуществленная операция. И мы как раз задумывались: а куда они дальше поедут? Но и мысли не возникало, что на нас.

Часов в одиннадцать по радио сообщили, что будет передано важное правительственное сообщение. Это всех насторожило, настроение как-то померкло. Но опять-таки никто даже не подумал о возможности немецкого нападения. И вот в двенадцать часов выступил Молотов.

Вы помните те места из "Заявления", где говорится, что нападение не могло быть вызвано никакими действиями Советского Союза? Мы-то, наркоминдельцы, очень хорошо знали, как скрупулезно исполнялись все пункты договора о ненападении! Известие о войне вызвало у нас сначала недоумение и возмущение, а гнев и ненависть - это пришло потом. Конечно, все сразу выехали в Москву.

На первое заявление в военкомат с просьбой отправить меня на фронт я получил отказ. В армию ушел уже в сентябре, по второму заявлению. Шло Смоленское сражение, немцы рвались к Москве, и в военкоматах удовлетворялись почти все заявления. Все мы тогда ждали: вот наши отступят до старой границы, а потом погонят их! Но где там! Мой друг, генерал Юшкевич... О нем вспоминает только маршал Жуков, когда пишет о Смоленском сражении. Я его семью отправлял в эвакуацию. Он меня просил. Так вот, он приехал с фронта, мы говорили много о войне, о боях, о нашем наступлении. Я ему сказал о своих надеждах...

- Что ты! - махнул он рукой. - Нет, не сдержать. В ближайшее время нам их не сдержать.

Конечно, он был человек военный, мог оценить обстановку. Тем более - приехал с фронта, сам на себе испытал, как они прут. О Смоленском сражении рассказывал. Ведь это и

представить страшно, что там было! Сколько крови, сколько людей погибло!

- В армию я ушел первого сентября,- рассказывал дальше Алексей Иванович. - Попал в Политуправление Резервного фронта. Им тогда уже командовал Жуков. Специальной военной подготовки у меня не было, а партизанскую войну-испанские геррильи, действия аргентинских гаучо и республикет, да и наших, русских партизан 1812 года я изучал. В Политуправлении и поручили мне эту работу - работу с партизанами.

В начале октября немцы прорвали фронт, фронт рухнул. Я как раз возвращался из командировки и едва нашел Политуправление. Собрали нас, командиров, стали распределять обязанности. Мне было приказано вывезти штабные документы. Погрузили их на четыре грузовика, придали охрану - молодых ребят с автоматами, и мы поехали. Добирались всякими объездами, лесными проселками, по кочкам и колдобинам, попадали под обстрелы с самолетов и бомбежку, но выбрались. Через сутки я был в Москве, в округе. Сдал документы, а потом нас, командиров, свели в одну команду и предписали следовать в Горький на формирование.

В Горьком тогда формировали новые армии - 3-ю и 4-ю ударные. Я попал в политотдел 3-ей ударной. В конце ноября и нас через Москву повезли к фронту.

Выезжали из Москвы 9 декабря.

В военном билете Штрахова появилась такая запись: "Опергруппа по работе на оккупированной территории 3-ей уд. армии, нач. 8-го отделения". Опять работа с партизанами, которые действовали перед фронтом 3-ей ударной, с теми, кого он организует в отряды.

Конечно же именно об этом, о его "партизанстве" я старался расспросить Штрахова подробнее. Но как и о детстве своем, об этом он говорил сухо и коротко: "Смотрите документы, приказы и донесения. Они почти все опубликованы".

Что это было? Скромность? Или он сберегал эти воспоминания для будущей книги? Книгу-то он хотел написать. Но скорее всего, и то, и другое. Правда, кое-что он все же рассказывал. Вот у меня осталась запись:

"Шейно. Ребята из 10 класса. Слишком старые командиры, слишком юные бойцы. Бросить их?

Несколько отрядов было разбито. Побоялся отдать их в

зубы врага. Пошел с одним отрядом - выше колен по болоту. Деревенька. Хата получше. А там - полицай. Первый раз, потому осторожно. Река Чернушка, Чернушки.

22 июня громили три гарнизона."

Упомянутые в этой записи географические названия не нужно объяснять бывшим калининским партизанам.

А подробнее о том, что происходило там и тогда, мы находим в документе, не у Штрахова. Докладывает старший инструктор политотдела 117 стрелковой дивизии:

"26 мая 1942 г. группа в 15 разведчиков оказалась в партизанском крае.

... Там находится представитель армии ст. политрук Штрахов, который организует партизанское соединение.

... У партизан вооружения и боеприпасов недостаточно. Пулеметчики, например, идут на выполнение задачи, имея только по 100 патронов на пулемет. Наши разведчики оставили им часть своих боеприпасов."

А это из рапорта самого Штрахова:

"... 2 июня 200 партизан произвели налет на немецкий гарнизон в дд. Веретье и Патрино. В ту же ночь группа партизан произвела подрыв 14-метрового железнодорожного моста вместе с фашистским эшелоном.

В ночь на 22 июня, в годовщину вероломного нападения фашистской Германии на СССР, было решено сделать Родине свой подарок..." Далее рассказывается о налете на гарнизоны в двух деревнях и о панике, охватившей оккупантов, о трофеях. Боем командовал Штрахов.

Вот так он начинал на Калининском фронте. Неслучайно, когда "...в целях выполнения приказа начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования т. Пономаренко," опергруппа партизанского движения при Военном совете 3-й ударной армии создала 1-й Калининский партизанский корпус, комиссаром его был назначен Штрахов.

Тот, кто писал о действиях партизанского корпуса, непременно вспоминал о Штрахове, тем более, что вскоре, после гибели командира корпуса Разумова, он принял командование этим соединением. Те, кто рассказывал о разгроме карательных экспедиций зимой 1941-1943 гг. и других, более поздних - называли его имя. Если же темами

повествования были операции Савкинский мост - Нащекино - Сутоки, то и там речь шла о нем. Словом, все, о чем бы ни говорилось на страницах этой книги, почти все имеет отношение к Алексею Ивановичу Штрахову. Но коснусь только того, о чем почти ничего не сказано. Итак, 1-й партизанский корпус. Он прошел по тылам врага несколько сотен километров, громя гарнизоны противника, взрывая железнодорожные мосты и пути, наводя ужас на фашистов. И создавая новые партизанские бригады.

Кстати, об ужасе, внушаемом врагу партизанами... После рейда партизанского корпуса фашистские прислужники разбрасывали листовки с коротким предупреждением: "Штрахов идет!" Копируя его фамилию с немецких документов, авторы листовки писали ее с начальной буквы "С" - "Страхов идет!"

В декабре 1942 г. началась мощная карательная экспедиция противника в треугольнике железных дорог Невель - Витебск - Полоцк, а в январе 1943-го - западнее Невеля и Полоцка. Необходимо было организовать разгром этих экспедиций. И Штрахов получает приказ: "Предлагаю Вам с получением сего убыть в Оперативную группу в/ч № 00128 при 3-й ударной армии, для выполнения спецзаданий, согласно особых моих указаний. Срок прибытия 29 декабря 1942 года. Об убытии донести. Представитель Центрального штаба партизанского движения, член Военного Совета Калининского фронта, майор государственной безопасности С. Бельченко".

Штрахов, в свою очередь, докладывает: "Линию фронта перешли в ночь на 18 января 1943 г. с группой партизанских бригад №№ 7, 2 и 4 благополучно. Железную дорогу Витебск - Невель перешел в ночь на 22 января. В это время в треугольнике Невель - Витебск - Полоцк действовала сильная карательная экспедиция, которой в основном удалось очистить этот район треугольника от партизан. 22 января в 8.00 приняли бой с полицией... В ночь на 24 января железную дорогу перешли в 1 км севернее разъезда Железница.

... 26 января прибыл в бригаду т. Рындина (Шестово)".

Оперативная группа для руководства партизанами в тылу врага, созданная по приказу представителя Центрального штаба партизанского движения С. С. Бельченко, начала действовать. Начальником ее был А. И. Штрахов.

А теперь приведу рассказ Сергея Саввича Бельченко: "В первых числах сентября 1942 г. я оказался на Калининском фронте, куда меня перевели с Западного фронта. Корпус тогда еще действовал. Свою задачу он выполнил в основном.

Немцы старались окружить и ликвидировать корпус. Опыт тогда показал, что более целесообразно действовать небольшими формированиями, что немцы даже выигрывали, имея дело с таким формированием, как корпус, им было легче собрать против него крупные силы, окружить и разгромить. Легче было действовать против него и авиации, и бронетанковым частям. Они обладали преимуществом в скорости маневра и т.д.

Угроза нарастала. Я поставил вопрос о расформировании корпуса.

Тогда я впервые услышал фамилию "Штрахов". Через некоторое время вызвал его в штаб. У нас был обстоятельный разговор. После этого родилась мысль создать опергруппу в тылу врага, которая от лица штаба партизанского движения Калининского фронта руководила бы действиями партизан. Вот такое мы нашли решение. В этом качестве Штрахов и был направлен в тыл противника.

Он с большой охотой взялся за дело. Я увидел в нем человека целеустремленного, политически зрелого, в партизанских делах он был не новичок. Был наведен организационный порядок в бригадах. Уже не только радиogramмы шли к нам, а и живой человек там был, наш представитель.

В марте 1943 г. меня отозвали в ЦШПД, был назначен заместителем начальника ЦШПД. Я счел целесообразным забрать туда и Штрахова. Исходил из того, что он приобрел богатый опыт, в частности в разведработе. Не помню, сколько он времени работал в ЦШПД, но недолго.

Он хорошо анализировал материалы. Его начальник, старый разведчик, очень хорошо о нем отзывался. А он заскучал. Я уловил это, спросил, в чем дело. "Да вот, - говорит, - на бумагах сижу..." "Эти бумаги идут знаешь куда?" - спрашиваю. "Знаю, - говорит, - но все равно отпустите меня к партизанам".

Я его уговаривал еще поработать, а он все-таки просил отпустить. Я стал думать, в качестве кого его послать. Потом надумали новую форму - опергруппу ЦШПД. Может быть, это был даже эксперимент. Я доложил Пономаренко, тот

принял это предложение, и Штрахов был откомандирован во вражеский тыл в качестве "уполномоченного ЦШПД на оккупированной территории Витебской и Калининской областей".

В этом качестве Штрахов держал связь не только с нами, но и с представительством ЦШПД на Калининском фронте. Он привнес живую струю опыта в ЦШПД, в частности, во взаимодействии с армейскими частями.

Каким был человек? Это был эрудированный, образованный, душевный человек, умеющий найти пути к сердцам и сознанию людей. Был надежным другом.

Как-то мы встретились с генералом Юшкевичем у него на квартире, на пару дней он приезжал с фронта в Москву. Я был приятно поражен их теплыми, сердечными отношениями.

Смелый был человек. Должностей не искал. Когда отпрашивался у меня из ЦШПД, был готов на любую работу. Сергей Саввич вспомнил о их дружбе с Юшкевичем. Забавная деталь: Штрахов был легко ранен, ненадолго попал в госпиталь, где встретился с Василием Александровичем. И тот впервые услышал о его партизанских делах. Алексей Иванович, смеясь, рассказывал мне, как Юшкевич, комично всплескивая руками, повторял: "Алешка... Алешка партизанами командует!"

Сергей Саввич вспомнил, что однажды они говорили о будущей книге, которую в то время обдумывал Алексей Иванович. И остались от того давнего разговора несколько листов из перекидного календаря, на которых Штрахов записывал то, что вдруг приходило на память. Так они у Сергея Саввича и сохранились. Эти отрывочные строчки на первый взгляд кажутся бессвязными, но если наложить их на документы... Вот это я и попытаюсь сделать.

Вот что написано, например, на первом листке: "РУДНЯ. Разгром немцев. Гибель наших. Иван Егорович - Петр - Женья Иванова - Юрка". Последнее имя обведено красным карандашом. И ниже: "Боже мой, что мне делать?" Эти слова жирно подчеркнуты синим. Привожу эти записи: может, жив кто из участников разгрома гарнизона в Рудне и помнит названные здесь имена?

Второй листок. Вверху: "САВКИНО (подчеркнуто двумя красными чертами) и дата-31.3.43". И ниже: "Полная победа... Но омрачена гибелью товарищей и Веселова. У могилы друзей

мы плакали, но это были слезы, от которых тигры бегут. Слезы ярости и жажды мести".

Вряд ли нужно комментировать эту запись.

Следующий листок: "И мы мстили жестоко, страшно. СУТОКИ - гора. Руками хватались за автоматы". Все строки подчеркнуты красным, а слово "Сутоки" - в красной рамке. Думаю, что тем, кто знает о Савкинской и Сутокской операциях, тоже не нужно пояснений к этим листкам.

И еще четыре листочка. Все они озаглавлены "СОЕДИНЕНИЕ" и, начиная со второго, перенумерованы. На них записано: "Одна мысль владела: не улизнули бы!..

Моя "старая гвардия"-мост Белоусово. Сов. авиация - немцы бросились на восток... Разведка - queso смешались в кучу кони, люди. Вдруг неожиданно - с юго-востока колонна человек 300, уголовники-штрафники, черные, с перекошенными ртами, не с криками, а с звериным воем - я с командирами а caballo ударили сбоку... Не видывал такого кино. Бой окончен, "о, поле, поле, кто тебя усеял..." Последний залп, дипломатич. язык "кто дал последн. выстрел". Я не стерпел-вынул "Вальтер" и разрядил его. Это был последний выстрел сов. партизана на русской земле... Мы убили 1605 чел. Взяли в плен 307. Освободили мирных 2160 чел". И ниже крупно красным карандашом: "За этот бой маршал Еременко наградил полководческим орденом КУТУЗОВА".

То, о чем записано на последних листочках-последний бой Красной Армии и калининских партизан на территории Калининской области.

6 июля 1944 года командующий 2-м Прибалтийским (прежде - Калининским) фронтом генерал армии Еременко поставил перед 3-й ударной армией задачу: во взаимодействии с 10-й гвардейской армией прорвать оборону противника на участке озер Каменное и Хвойно и, развивая наступление, овладеть рубежом Ленинградского шоссе, городом Себеж и выйти на линию железной дороги Резекне-Даугавпилс.

"...Мы ждали "большую грозу". И дождались. Началась она на берегах Великой. Части нашей 3-й ударной армии (командующий В. А. Юшкевич), действовавшие в направлении Идрицы, 10 июля 1944 года устремились в прорванную брешь..." - вспоминал Н. М. Вараксов в книге "Дымные зори".

Партизанские бригады встали на пути противника. 3-я бригада

Кузнецова, 8-я - Карликова, 10-я - Вараксова, 13-я - Бабакова, 15-я - Халтурина. И в некоторых из донесений звучат отголоски того боя, что описан Штраховым в листках, озаглавленных "Соединение". Да, то было соединение с частями Красной Армии.

"...Под удары партизан были взяты все важнейшие дороги тыла войск противника", - пишет об этом Н. Вараксов. Подробнее, чем в других донесениях, тот бой описан в книге "Народная война в тылу врага": "Бригада А. М. Гаврилова (в то время ею командовал А. С. Кузнецов - В. Л.) оседлала шоссейную дорогу Опочка-Мозули в районе Мишнево-Горбово... Прочно удерживая в своих руках эту дорогу, партизаны 15 июля разгромили колонну врага. Когда голова колонны подошла к разобранному партизанами мосту (Белоусовский мост! - В. Л.), по ней был открыт мощный огонь. Противника охватила паника. Орудия, машины, повозки, люди сгрудились у переправы... Вскоре над местом боя появилась советская авиация..."

Это месиво произвело на Штрахова такое впечатление, что и через много лет (его листки из календаря за 1961 год), вспоминая те картины, он запечатлевает их не русским, а испанским слогом - queso, которое здесь можно перевести как "куча", "свалка". И об атаке командиров в конном строю на колонну штрафников он тоже пишет: a caballo - на конях.

"За этот бой маршал Еременко наградил полководческим орденом..." - записал Алексей Иванович на своем листочке. Да только ли за этот бой? А не за то ли еще, что как только разведка партизан установила контакт с наступающими частями Красной Армии, "тотчас же уполномоченный штаба партизанского движения т. Штрахов сообщил командирам наступающих войсковых частей обстановку (наличие гарнизонов противника, их численный состав и вооружение, наиболее удобные подходы к гарнизонам, укрепления и состояние дорог, наиболее удобные маршруты движения и дислокацию партизанских бригад и отрядов в районе Опочка - Красногородское - Мозули - Зилупе - Себеж - Опочка".

Не за то ли еще, что скромный майор Штрахов (да и потом всего лишь подполковник) командовал многотысячной армией партизан на пространстве двух партизанских краев, то есть на

территории, равной, а то и превосходящей территорию не самого малого из европейских государств.

Как-то я спросил его:

- Алексей Иванович, все-таки кто Вы? Военный человек или гражданский? Кем Вы себя считаете?

- Конечно, гражданский,- ответил он.

Да, по своей природе он гражданский человек. Доктор исторических наук, работал старшим научным сотрудником в Институте истории Академии наук. Был крупным латиноамериканистом, автором фундаментальных трудов по истории Аргентины и многих других работ, состоял членом Ученого совета своего института и Ученого совета Московского университета. Последняя его книга "Война за независимость Аргентины" - это широкие исторические картины, масштабные события, движения, битвы, соседствующие с тщательно выписанными портретами исторических деятелей. Это панорама народных движений и партизанской войны "гаучо", написанная ярко, с глубоким знанием специфики партизанских действий.

Могу лично засвидетельствовать: он был мягок, тактичен и вместе с тем требователен и точен. Требователен прежде всего к себе самому. И все это, повторяю, дополнялось обширной эрудицией.

Последние два календарных листочка были озаглавлены:

"ЗАКЛЮЧЕНИЕ". Мыслями о партизанах Великой Отечественной хотел он закончить свою будущую книгу, которую, увы, ему не довелось написать. Вот они, эти мысли: "Необъятное многообразие явлений подчинено одному неумолимому и неодолимому закону: все имеет начало, развитие и конец. Подчинена этому закону и война.

Отгремели бои. Многое изгладилось в памяти. Но никогда не забудутся партизанские ночи и дни. В зимнюю стужу или в осеннее ненастье, в лесу или в городе, вспоминая минувшие партизанские были, - вновь и вновь мысленно возвращаешься к словам нашего замечательного поэта:

Какие были времена,

Какие люди были!"

Эти строчки он подчеркнул красным карандашом в своем календаре и им же приписал: "Святая партизанская дружба".

В. ЛОРЕНЦСОН,

командир группы партизан-подрывников

ПАМЯТНИК В ДОЛОСЦАХ

Калининский партизанский корпус, выполнив поставленные перед ним задачи, по приказу штаба партизанского движения Калининского фронта был расформирован, и боевыми единицами для действий в тылу противника остались партизанские бригады и отряды.

1-я Калининская партизанская бригада под командованием Ф. Т. Бойдина расположилась в белорусском селе Юховичи, откуда совершала боевые действия и вела разведку.

Неподалеку от партизанских стоянок в селе Долосцы, расположенном на оживленной дороге Себеж - Полоцк, немцы разместили свой гарнизон. Место для него было очень удобное, на возвышенности. Немцы сильно его укрепили, соорудили дзоты, а местную церковь превратили в настоящую крепость с бойницами и пулеметными гнездами. Такой гарнизон постоянно угрожал партизанам и всему партизанскому краю. Более того, он мог стать в будущем серьезным препятствием для наступающих частей Красной Армии.

Представитель фронтового штаба партизанского движения Романов, находящийся тогда непосредственно в бригадах, приказал 1-й Калининской партизанской бригаде разгромить гарнизон в Долосцах. Уже тогда было видно, что эта задача очень сложная, точнее сказать, не по силам одной бригаде. Но приказ есть приказ, его надо выполнять.

Провели разведку подступов к селу. А в ночь на 29 октября 1942 года отряды Ф. И. Ботова, В. Ф. Задерина и В. С. Селиванова заняли боевые позиции. Я был тогда политруком отряда имени Суворова. Мы сосредоточились в лесу и должны были с началом боя преодолеть открытую поляну, засечь в низине у подножья горы и вести интенсивный огонь, прижимая немцев к земле и не давая им возможности для маневра. Другие отряды по выстрелу пушки, нацеленной на немецкие казармы, начали штурм, продвигаясь все ближе к церкви. Боем суворовцев командовал капитан В. С. Селиванов, наш

командир. Его заместитель по политчасти М. С. Наумов находился в самой гуще наступающих, а я как политрук шел в передовой цепи.

По-пластунски, перебежками преодолели мы поле без каких-либо потерь, спрятались в канаве у подножья горы и оттуда, снизу вверх, открыли огонь из автоматов, винтовок, карабинов - всего разномастного и разнокалиберного партизанского оружия.

А день был на редкость солнечный, не по-осеннему теплый. Видимость прекрасная. Замечаем, что немцы забежали, засуетились. Кто-то уже и упал от наших пуль. Это прибавило азарта. Ведем огонь еще с полчаса, но почему так долго нет очередной ракеты, которая должна взвиться по мере продвижения штурмовых отрядов? Мало того, вообще всякие сигналы прекратились.

Посылаю одного из партизан на разведку, в обход. Вскоре он возвращается - настроение подавленное. Доложил, что наши товарищи сражались отважно, штурмом достигли церкви, подавили шесть дзотов, даже кирпичами, камнями забрасывали бойницы. Но камнями долго не навоюешься. Силы были неравные, более того, со стороны немцев ощущалось значительное превосходство. Пришлось по приказу командира отряда с большими потерями оставить село.

Известно, что война состоит не только из одних побед. Стало ясно, что операция окончилась неудачно. Но что делать нам, залегшим в соответствии с разработанным планом у самого подножья горы? Было нас человек двадцать. Правда, находились мы в относительной безопасности, занимаемая нами узкая полоска земли не простреливалась. Но что ожидает нас впереди? Положение не из веселых. Но надо находить выход. Периодически постреливаем, но патроны бережем - делаем вид, что наступление продолжается. Принимаю командование и ответственность на себя. Приказываю бойцам группами передвигаться по канаве до простреливаемого места. Так и передвинул всех, кроме, пожалуй, троих, которые продолжали вести стрельбу, маскируя наш маневр.

Но вот и поляна, которая немцами простреливается. Решаю пропускать каждые 10-15 минут по одному партизану. Тем временем перестрелка постепенно стихает. Вскрывает первый, бежит короткими перебежками, припадая к земле и, наконец,

пересекает опасное место. За ним - второй, третий... Через некоторое время со стороны немцев раздается беспорядочная пальба. Недолет! Перелет! А партизаны уже кубарем скатываются в низинку, где неприятельские пули их уже не достанут.

Трудно сказать, сколько времени прошло, пока вся наша группа без потерь перебралась в безопасное место. А как быть дальше? Фактически мы оказались в полуокружении. Путь у нас один - через небольшую горку, которая просматривается и простреливается противником. Что ж, повторяем только что отработанный прием: по-пластунски до возвышенности, затем в полный рост, петляя, вперед, через гору! Будь что будет! Семи смертям не бывать, а одной не миновать!

Постреляв "для порядка" и не обнаружив никакого результата, немцы успокаиваются. И тогда в путь отправляется следующий партизан... Уже к вечеру мы выбрались из этой мышеловки. И опять без потерь! Собрались на опушке леса. Спрашиваю, кто знает местность. К счастью, находятся и такие - ребята из Юховичей. И тогда трогаемся в путь.

До бригады добираемся к ночи. Но никто не спит. "Ну, политрук, дай я тебя расцелую!" - радостно восклицает капитан Селиванов после моего доклада и заключает в крепкие объятия.

А утром просыпаюсь от шума голосов. Кто-то кричит: "Жив курилка!" Выглядываю в окно, вижу авиационную фуражку и по ней узнаю Василия Проскурова, замкомбрига по разведке. Тоже ведь счастливая судьба у человека. По рождению сибиряк, по национальности украинец. Перед войной окончил авиационное училище. Служил штурманом в бомбардировочном полку, был сбит юго-западнее Витебска, но плена избежал, присоединился к партизанскому отряду "За Родину", на базе которого и была сформирована наша бригада. Кто-то, а Проскуров знает цену жизни! Да и в бою под Долосцами он участвовал, только вот ничего, оказывается, не знал о нашей судьбе. Оттого и обрадовался, узнав, что мы живы-здоровы.

И все-таки немцев в тот день мы крепко потрепали. Больше сотни их было убито и ранено. Вскоре они покинули село, не осмелились продолжать такое опасное соседство. Впрочем, и мы своих ребят там потеряли - больше тридцати человек остались на поле боя.

... Прошло полвека. В 1993 году по инициативе членов совета ветеранов калининских партизан В. И. Терещатова и Н. К. Бойдиной на могиле партизан, в самом центре села Долосцы, были установлены памятные плиты с именами наших погибших товарищей. Отлили эти плиты безвозмездно на Тверском вагоностроительном заводе. Сюда ежегодно приезжают бывшие партизаны. Возлагают цветы. Молчат. Плачут, вспоминая своих боевых товарищей. И там на обильно политой их кровью земле от этой светлой памяти всем становится теплее.

*М. ПАВЛОВ,
политрук отряда имени Суворова
1-й Калининской партизанской бригады,
генерал-майор в отставке*

РАЗВЕДКА ДОЛОЖИЛА ТОЧНО...

В конце января сорок второго года в селе Урицкое Великолукского района организовался партизанский отряд. Первыми партизанами этого отряда стали Василий Задерин, Василий и Карп Бодровы, Надежда Козинцева, Надежда Баранова, Федор Ботов, Вера Горелова, автор этих воспоминаний - штурман сбитого под Невелем самолета Василий Проскуров и другие жители Урицкого и окрестных деревень. Вскоре Урицкий отряд объединился с Калдобинским и Борисоглебским отрядами. Командиром объединенного отряда стал Федор Зылев, комиссаром - Павел Новиков, начальником штаба - Бойдин Федор. Назвали отряд - "За Родину". Отряд стал расти: к нам прибывали все новые и новые бойцы.

Известно, что любое боевое соединение не может выполнять боевых задач без разведки, тем более в тылу противника. И у нас с первых же дней был создан взвод разведки. Вначале разведчиков было немного, но это были очень смелые, мужественные и находчивые люди. Самыми первыми разведчиками стали Яков Киселев, Петр Леухин, Иван Таборев, Федор Ботов, Надежда Козинцева, Вера Горелова, Василий и Карп Бодровы. Несколько позднее пришли в отряд и были зачислены в разведку Иван Мозгунов, Павел Корнышев, Иван Коротков, Евгения Смирнова, Дмитрий Хруцкий.

Впоследствии многие разведчики стали командирами взводов, отрядов. Но мой рассказ о самых первых разведчиках, тех, кому на протяжении двух с половиной лет в тылу противника поручались самые ответственные задания. Хорошо знаю об их боевых делах, т. к. непосредственно руководил их работой, ставил перед ними задачи.

Безусловно, война не женское дело. Невероятно трудно воевать в партизанах мужчинам, но еще труднее женщинам. И все же женщины в партизанских отрядах воевали. Нисколько не хуже, а порой и лучше, чем мужчины. Особенно в разведке.

Надя Козинцева до войны жила и училась в Пушкине под Ленинградом. Город оккупировали гитлеровцы, отца

расстреляли, и семья пришла на родину в деревню Нюсо. Свое семнадцатилетие девушка отметила в партизанском отряде. Надежда Баранова работала в Ленинграде и на лето в отпуск приехала к родственникам в деревню Усово, здесь и застала ее война. Вера Горелова учительствовала в Урицкой школе. По ее примеру пришли в отряд и многие ученики этой школы. Добровольцами влились в отряд бойцы Красной Армии, попавшие в окружение на фронтах.

В то время в районе Великих Лук шли ожесточенные бои. Оборону переднего края здесь держала 31-я курсантская стрелковая бригада, которая входила в состав 3-й ударной армии. Противник доставлял на этот участок фронта технику, подкрепление по шоссейной дороге Невель - Великие Луки и по железным дорогам через Невель и Новосокольники. Немцы охраняли дороги, в близлежащих деревнях располагали охраняемые гарнизоны.

Командование 31-й курсантской бригады поручило местным партизанским отрядам провести разведку и нанести ряд внезапных ударов по гарнизонам и коммуникациям противника, расположенным на этих дорогах, тем самым затруднить снабжение вражеских частей в этом районе.

В бывшем имении Софьи Перовской - в селе Полибино - находился немецкий гарнизон, который охранял участок шоссе Невель - Великие Луки. Необходимо было разведать силы и укрепления гарнизона. Это задание выполнили Надя Козинцева и Василий Бодров. Им удалось проникнуть в село, установить численность гарнизона. Немцев там было много, располагались они на одном конце деревни, а разведчики въехали с другого конца. У местных жителей выяснили все, что надо, и, когда уже покидали деревню, немцы их заметили и обстреляли. Но разведчики успели скрыться. Данные разведки были переданы в штаб бригады. Позже нам стало известно, что разведчики этой бригады Полибинский гарнизон разогнали, и больше там немцы уже не стояли.

15 февраля сорок второго года наш отряд двинулся к железной дороге. Уже к утру 16 февраля остановились на дневку в деревне Овчино Невельского района в семи километрах от станции Опухлики. Местные жители рассказали, что на станцию прибыло много немцев. Они роют окопы, оборудуют блиндажи, устанавливают пушки и минометы, поставили охрану на

мосту через реку Балаздынь. Необходимо было эти данные проверить.

В разведку отправились Надя Козинцева и Надя Баранова. 16 февраля дали им проводника - местную жительницу, жену фронтовика, мать двоих детей, посадили в корзину две курицы. Дескать, надо обменять кур на соль и табак для бабушки. Так и отправили в Опухлики на санях, запряженных старой клячей, которая еле двигалась.

У самого железнодорожного переезда лошадь встала как вкопанная. Девушки старались стронуть ее с места, взяв под уздцы, но та ни с места. Часовой расхохотался, про документы не спросил, но стал выяснять, зачем едут на станцию. Козинцева объяснила, показала кур, и немец отреагировал по-своему, сказал, что кур возьмут офицеры в штаб, и показал, где оставить лошадь. Он не возражал, когда Козинцева полезла по снежному сугробу к кустам отломить прут. А рядом с этими кустами был дзот, разведчица заметила, что дзот не "обжит", к нему не было даже следа, все занесено снегом. На переезде стоял пулемет, накрытый брезентом.

Кое-как перебрались через переезд, привязали лошадь к дереву. Рядом солдатская кухня, там работали наши военнопленные. Девушки уточнили, как пройти к штабу. Баранова осталась разговаривать с рабочими кухни, а Козинцева направилась к школе, где располагался штаб. Но часовой Надю в штаб не пропустил и велел нести кур в госпиталь. Туда разведчица и отправилась.

Госпиталь размещался в большом одноэтажном доме. Вышел офицер и унес кур. В открытую дверь было видно, что там лежат больные или раненые на кроватях. Но офицер скоро вернулся, а рассмотреть, сколько там лежало человек, Наде не удалось. Офицер принес пачку табаку и стакан соли. Девушка возражала: не мало ли за две курицы. Немец добавил только пачку табаку, а соли больше не дал. Надя, конечно, делала вид, что торгуется, а на самом деле страх леденил душу. Скорее бы выбраться отсюда.

Когда офицер выпроводил девушку за дверь, она пошла к переезду совсем по другой дороге и оказалась около пушек, прикрытых брезентом. Ее остановил полицейский и, обругав, показал дорогу на переезд. Так она снова оказалась около кухни, поговорила с пленным, который, видимо, понял, что

приезд девчат - не только для обмена кур. Мимоходом обронил, что немцам надо 260 теплых шапок, а то им холодно. Значит, в Опухликах располагается 260 немцев, хорошо вооруженных.

В полдень девушки вернулись в отряд, доложили результаты разведки. Командование решило, что нам этот гарнизон разбить не под силу. В отряде было всего 124 бойца, а на них два пулемета, три автомата и винтовки.

А пока девчата ездили в Опухлики, в Овчино влетели на лошадях четыре немца: заготавливать кур, яйца, масло у населения. В перестрелке трое были убиты, а одного фрица взяли в плен. Пленный показал, что их часть расположена на станции Чернозем в деревне Фенино. Солдаты этой части охраняют и железнодорожный мост через реку Балаздынь.

Приняли решение направить разведку на мост. Опять отправили Надю Козинцеву и Ивана Таборева. Дали им десяток яиц, банку под керосин, и разведчики поехали "менять". Иван, не доезжая с километр до моста, остался ждать в лесу, а Надя пошла на мост. Часовые охраняли мост с двух сторон. Вели они себя беспечно. Солдаты очень весело с Надей разговаривали, шутили, пропустили ее к старшему в вагон, где размещались, и спокойно обменяли яйца на керосин. Разведчица сосчитала нары, спальных мест было двадцать четыре. Рядом с вагоном дзот, у моста пулемет. Немцы же спокойно пилили дрова, возили на санках воду.

Ночью наш отряд пошел к мосту. Большинство гитлеровцев было уничтожено, мост взорван, вагон сожжен, взяты трофеи: пулемет, 14 винтовок, которые были нам просто необходимы, обмундирование. Фашисты были захвачены врасплох, а те, кто остался в живых, босиком, раздетые прибежали в Опухлики и сообщили, что их разбили части Красной Армии, что приближается фронт. Гарнизон станции Опухлики подготовился по тревоге удирать в Невель.

В гарнизоне Фенино Надя Козинцева и Геня - разведчик из 31-й курсантской бригады побывали дважды. Они установили численность и вооружение немцев, удостоверились, что Фенино укреплено намного лучше, чем Опухлики. Но вот в третий раз попасть в Фенино Наде не удалось. На этот раз сопровождал Надю командир взвода Федор Иванович Ботов, опытный разведчик и прекрасный человек. Только приехали в

деревню Шаклино, вошли в дом, где Ботов должен был ждать возвращения разведчицы, хозяйка дома с тревогой сообщила, что немцы ищут партизанку Надю. Ботов решил не рисковать и вернулся в отряд.

Побывали Надя с Верой Гореловой и на станции Чернозем. Девушки зафиксировали: гарнизон насчитывает 30 - 40 человек, укреплений нет. А вот расположение станционных сооружений, путей подхода к станции, систему охраны выяснить не удалось. Их заметил полицейский, была погоня, но девчата сумели скрыться. Через пять дней партизаны совершили налет на станцию, взорвали железнодорожное полотно и уничтожили немало гитлеровцев, но сильный перекрестный пулеметный огонь и минометный обстрел заставили их отойти.

Вера и Надя Козинцева часто ходили в разведку вместе. Невысокого роста, с русыми вьющимися волосами, веселая, заборная, Надя хорошо пела и танцевала. Трудно было поверить, что эта совсем еще девочка - партизанка, да еще и разведчица. По липовым документам, а чаще без них она пробиралась в гарнизоны, добывала нужные сведения о противнике.

Вера Горелова была на пять лет старше Нади. Спокойная, рассудительная и очень душевная, она хорошо знала местность и многих жителей этого района, быстро входила в контакт с населением. Ее умению завязывать отношения с людьми можно было только позавидовать. Не раскрывая себя, Вера всегда добывала ценную информацию. Разные по характеру, девушки удачно дополняли друг друга и хорошо сработались в разведке. Они часто были в пути.

В конце февраля им было поручено выяснить оперативную обстановку в районе Невеля. Путь лежал по шоссе Невель - Великие Луки. Миновав поворот, девушки увидели на дороге в деревню Комша большой отряд немцев, машина которых застряла в снегу. Немцы расчищали дорогу. Девушки оказались в трудном положении. Что делать? Вера прошептала: "Надя, запевай". И Надя запела: "Валенки, валенки..." Солдаты повернулись в сторону девушек, стали махать руками, смеяться, кричать: "Гут, гут!" Санки стрелой промчались мимо и скрылись за поворотом. На обратном пути Надя и Вера уточнили, что эта группа немцев направлялась в деревню

Комша на операцию против партизан. К счастью, никаких партизан там не было.

Каждое задание для разведчиков в тылу врага таило в себе скрытую опасность, а такое, как проникновение в гарнизон, было сопряжено с большим риском. Опасными были и задания, связанные с захватом "языка". Для их выполнения часто привлекались разведчики и даже целые взводы. В середине марта сорок второго года взвод Василия Задерина устроил засаду в деревне Черный Двор Невельского района. В вечерних сумерках на невеликом большаке показался автофургон. Раздалась пулеметная очередь из засады, затрещали выстрелы автоматов, винтовок. Фургон покатился в кювет. Семь фашистов были убиты, а двое взяты живыми, один из них оказался унтер-офицер из Леховского гарнизона. "Языки" были переправлены через линию фронта в штаб 3-й ударной армии. А через несколько дней из разведотдела были получены показания "языков", схема обороны гарнизона Лехово и директива, в которой армейское командование поручало Зылеву, Новикову и Бойдину разработать план уничтожения гарнизона.

Надо было немедленно проверить правильность показаний пленных и установить, какие с тех пор произошли изменения. Командир отряда Ф. В. Зылев решил направить в гарнизон опять Надю Козинцеву с версией, что она идет к тетке. Хотя известно было, что тетка ее уже из Лехова переехала снова в Урицкий сельсовет.

Разведчицу подвезли на санях поближе к гарнизону. В село Надя прошла по тропе, которая немцами не охранялась. У некоторых домов ходили немцы. Прошла по улице влево, там, на краю села - проволочные заграждения, траншеи, дзоты и немцев побольше. Стало жутковато. Повернула в проулок и быстро подошла к маленькому домику. Постучала.

Открыла немолодая женщина, пригласила в дом. Девушка рассказала ей о том, что она беженка из Ленинграда, разыскивает тетю Фиму Козинцеву, чтобы пожить у нее в это трудное время. Женщина поверила, налила кружку горячего молока, дала кусок хлеба. Рассказала, что Фима около двух недель назад уехала в Урицкий сельсовет, и показала дом, в котором тетка проживала у родственников. Завязался разговор о немцах, о том, как они относятся к населению. Хозяйка

заметила, что в селе немцев много - около трехсот. Отбирают у жителей поросят, кур. Остались коровы, и то - не у всех. Отбирают у населения теплые вещи. Доходят слухи, что наши им здорово поддают. Сюда часто привозят и хоронят убитых.

Услышав, что "наши им здорово поддают", Надя осмелилась расспросить об укреплениях и размещении немцев. Женщина рассказала, что по шоссе в ту и другую сторону ходят по 30-40 автомашин. Машины останавливаются в Лехове или едут в Усвяты. В селе большие склады боеприпасов, горючего и продовольствия. Сооружены траншеи, дзоты, а в сарае на горе деревенские мальчишки видели пулеметы, вокруг села - проволочные заграждения.

Девушка вышла из гарнизона той же дорогой, что и пришла сюда, никто не остановил.

Разведчики за два дня до операции изучили все подходы к Лехову. В штабе разработали детальный план разгрома гарнизона. Операцию наметили провести внезапно, в ночь на 28 марта, а 26 марта Козинцева, Горелова и командир взвода разведки Хруцкий вновь были направлены в разведку для уточнения, нет ли каких изменений за последние дни.

Разведчики приехали в Собакино, откуда Надя должна пойти в Лехово, а Хруцкий и Вера оставались ее ждать здесь. Но вдруг заметили, что по деревне идут несколько полицейских с повязками на рукавах, и среди них хозяйка узнала старосту деревни. Разведчики быстро развернули лошадь. По ним открыли огонь. Хруцкий из автомата стал отстреливаться, девушки гнали лошадь во весь опор. Полицейские преследовали разведчиков до самой деревни Жидки, где стоял тогда партизанский отряд. Как выяснилось позже, в Собакино приезжали полицейские и немцы в гости к старосте, а разведчики, не ведая того, тоже приехали сюда. Собакинский староста узнал лошадь, отобранную у него партизанами, и начал погоню.

Но, как и намечалось, в два часа ночи, двумя группами партизаны 28 марта внезапно атаковали гарнизон. Бой длился около трех часов. К утру партизаны полностью овладели селом. Гитлеровцы потеряли более 120 человек убитыми и ранеными, остальные бежали в Невель; было сожжено 23 автомашины, уничтожены склады, взяты трофеи: 9 пулеметов, 40 винтовок, миномет. Это была крупная и удачно проведенная партизанами операция. Отряд "За Родину" по-

нес в этом бою тоже немалые потери: было убито 18 и ранено 10 партизан.

Взводу Василия Задерина из нашего отряда и взводу Василия Карпенкова из отряда Логунова была поставлена задача - отправиться 20 июня в район Невеля для выполнения боевого задания. Впереди, на расстоянии трех километров, шли разведчицы Евгения Смирнова и Надежда Козинцева. У деревни Жидки они увидели колонну гитлеровцев, которая двигалась навстречу партизанам на Борисоглеб. Девушки повернули назад, доложили Задерину. Задерин и Карпенков приняли решение опередить противника, занять оборону в Борисоглебе. Быстро переправились через реку Ловать, устроили засаду на кладбище, а пулемет и гранатомет установили в старом кирпичном сарае.

Незадолго до партизан в Борисоглебе побывала разведка противника - полицейские. Не обнаружив никого, немцы спокойно вошли в село, установили на противоположном берегу пулеметы, разделись и стали купаться в реке. Один офицер переправился через реку по сваям сгоревшего моста и заглянул в сарай, где были партизаны. Его крик: "Ай, рус!" - стал сигналом для начала огня. В течение часа партизаны били по вражеской колонне. Не один десяток карателей нашел себе могилу на берегу тихой Ловати и в самой реке.

Позднее стало известно, что гитлеровцы расстреляли семь полицейских, принимавших участие в разведке, за то, что они не обнаружили партизан.

В июле на базе отряда "За Родину" была сформирована 1-я Калининская партизанская бригада. Командиром ее стал Ф. В. Зылев, начальником штаба - Ф. Т. Бойдин, заместителем командира бригады по разведке стал автор этого очерка - В. А. Проскуров. Через некоторое время командиром бригады был назначен Ф. Т. Бойдин.

Большинство разведчиков отряда были зачислены во взвод бригадной разведки, в том числе и наши девушки.

В этот период перед разведчиками стояла задача - обеспечить безопасность рейда бригады и выход ее в глубокий тыл противника - к Белоруссии, в район озера Язно Невельского района. Разведка шла впереди и на флангах движения отрядов. Если с ведением разведки на флангах лучше справлялись конные разведчики Василий Бодров, Николай Козлов, Володя

Рахманов и другие ребята, то о происходившем в населенных пунктах впереди узнавали наши разведчицы Женя Смирнова, Надя Козинцева, Ира Ратьковская, Вера Горелова. Рядом с бригадными разведчиками работали и разведчики отрядов.

В ходе рейда удалось наладить новые связи в селах, установить агентуру. Это очень пригодилось в дальнейших боевых действиях.

1-я Калининская партизанская бригада совместно с другими бригадами совершила рейд в составе Калининского корпуса по Идрицкому, Себежскому, Опочецкому, Пустошкинскому и Невельскому районам.

В селе Клястицы Россонского района Витебской области размещался крупный охранный гарнизон противника. Необходимо было разведать систему обороны, численность и огневые средства врага. В конце августа Надежде Козинцевой было поручено проникнуть в Клястицы. С Козинцевой направились Иван Таборев, Яков Киселев, Петр Леухин и Василий Бодров.

В Клястицы Надя должна была войти в полдень по дороге Себеж - Полоцк. Дорога проходила по лесному массиву, вплотную примыкавшему к селу. Не доходя примерно до села, девушка вышла на дорогу, а ребята сопровождали ее, пробираясь лесом, по обеим сторонам дороги. Выбравшись на опушку леса, разведчики залегли. Взяли на прицел часового.

Подходя к селу, Надя запела. Часовой остановил ее и потребовал документы. Девушка очень боялась ходить в разведку с фальшивыми документами и старалась не предъявлять их. Она улыбнулась часовому, стала кокетливо объяснять, что идет в село устраиваться работать. Часовой тоже заулыбался, похлопал ее по плечу, сказал: "Гут, гут, паненка!" и пропустил, забыв про документы.

В селе Надя увидела большую группу солдат, дальше идти было опасно, и она свернула в ближайший дом. В доме оказались молодая женщина с ребенком и старушка. Девушка сказала, что она беженка, у матери кроме нее трое детей. Думает устроиться здесь, хотя бы уборщицей, и помогать семье. Женщины же сообщили, что в Клястицах фашисты сами давно не получают продуктов, т. к. партизаны не пропускают обозы. Фашисты отбирают у населения скот и про-

дукты. Немцев много, на окраинах вырыли окопы и блиндажи. Ночью сидят в них, боятся партизан.

Час спустя разведчица возвращалась назад. Тот же часовой пропустил ее. Он и не подумал, что Надя заметила и два блиндажа, и окопы недалеко от дороги.

В ночь на 27 августа сорок второго гарнизон был разбит.

Бригада активизировала свои действия на коммуникациях противника. С разведчиками были проведены занятия об особенностях разведки перевозок противника, установлены связи со своими людьми на железнодорожных станциях.

В начале декабря на железную дорогу Резекне - Новосокольники направлялись разведчики Евдокимов, Леухин, Таборев, Козинцева, Смирнова и Корнышев. В сильный мороз двое суток они искали наиболее подходящий участок для засады, изучали движение поездов и систему охраны железной дороги.

В ночь на 9 декабря четыре отряда под командованием Д. А. Халтурина и С. В. Лукьянова вышли на "железку", разогнали охрану, подорвали эшелон, сожгли все вагоны, четыре десятка автомашин и двадцать мотоциклов на платформе. В качестве трофеев они добыли в почтовом вагоне посылки и письма.

В результате активных совместных действий русских, белорусских и латышских партизан к началу сорок третьего года южнее Себежа - Пустошки образовался обширный партизанский край. Фашисты не могли мириться с этим. В февралемарте 1943 года они предприняли две крупные карательные экспедиции против партизан этого края.

В начале февраля в результате упорных боев, навязанных партизанами, каратели отступили, не добившись успеха.

В конце же февраля гитлеровцы организовали вторую, более мощную карательную экспедицию с оккупированной территории Латвии. Партизанские соединения трех республик, объединившись, остановили врага, не пропустив его в лесные массивы, где находились базы партизан, и скрывались около десяти тысяч мирных жителей Освейского района Витебской области.

27 февраля сорок третьего Василий Бодров, Николай Козлов и Надежда Козинцева были направлены в разведку в район деревни Великое Село Освейского района. По возвращении они доложили, что в Великом Селе и ближайших населенных

пунктах противника нет. Отрядам Задерина и Ботова было поручено занять там оборону. Но противник опередил наши отряды и 1 марта Великое Село занял. Отряды в течение двух дней вели упорные бои, но, израсходовав боеприпасы, вынуждены были отойти в села Городиловичи и Любасно. Попытки карателей взять Любасно не увенчались успехом. Каратели были отброшены.

От командира бригады Ф. Т. Бойдина я получил приказ организовать разведку для установления численности противника перед участком обороны бригады - Городиловичи, Верхнее и Нижнее Любасно. Командир взвода разведки Дмитрий Хруцкий и разведчики Бодров, Таборов, Козинцева, Козлов побывали во многих населенных пунктах, оставленных противником, установили, что гитлеровцы и их пособники готовят крупные силы для дальнейшего наступления. У деревни Городиловичи каратели пытались окружить, взять разведчиков в плен, но ребята с боем прорвались к своим. Проанализировав результаты разведки, командование бригады укрепило участок обороны отрядами Селиванова и Чеснокова, пополнило боеприпасами отряды Задерина и Ботова.

6 марта при поддержке пяти самолетов противник принял еще две попытки занять Верхнее и Нижнее Любасно. В шестичасовом бою, оставив на поле боя убитыми 25 человек, немцы отступили. Крупная карательная экспедиция закончилась для противника безуспешно. Партизаны выстояли.

На протяжении двух с половиной лет наши разведчики выполняли трудную и опасную работу в тылу противника. Не всем посчастливилось остаться в живых. Погибли и захоронены в братских могилах Дмитрий Хруцкий, Карп Бодров, Яков Киселев.

В июле 1944 года партизаны соединились с войсками Советской Армии. Большинство продолжали воевать. Девушки наши: Вера Степановна Горелова, Евгения Сергеевна Смирнова, Надежда Константиновна Козинцева (Бойдина) - стали педагогами.

*В. ПРОСКУРОВ,
заместитель командира 1-й Калининской
партизанской бригады по разведке*

НАПОМНИЛА КАРТА...

Время стирает в памяти многие факты героической борьбы калининских партизан, участником которой довелось быть и мне. Никаких документов у меня не сохранилось, осталась лишь чудом боевая карта-двухкилометровка, которая и натолкнула на мысль попытаться восстановить в память моменты из жизни партизанского отряда "Народный мститель" 2-й Калининской партизанской бригады.

* * *

События первых дней войны развивались с такой быстротой, что некоторые райкомы партии западных районов области, входящие сейчас в состав Псковской области, не сумели подготовиться к действиям на оккупированной врагом территории. Подпольные партийные группы не были созданы, боевые партизанские отряды не сформированы, вооружение, боеприпасы и продовольствие на местные базы не завезены.

Многие руководящие работники ушли в армию, другие эвакуировались на восток. Учитывая это, областной комитет партии решил оказать практическую помощь населению этих районов в организации борьбы против немецких захватчиков.

Так весной 1942 года зародилась идея создания 1-го Калининского партизанского корпуса. На него возлагалась задача пройти рейдом по всем районам запада области, оккупированным захватчиками, создавать из мелких разрозненных групп окруженцев и местных активистов боевые партизанские отряды, выделяя для них (где надо) из своей среды опытных руководителей, разгромить мелкие гарнизоны врага, полицейские посты и волостные управы.

Вместе с корпусом в тыл врага были переброшены новые работники для подпольных райкомов: Новоржевского, Пустошкинского, Невельского, Опочецкого, Идрицкого и других.

Партизанский корпус выполнил возложенные на него задачи, боевой рейд по тылам врага завершился не только разгромом ряда гарнизонов врага, таких, как в селе Чайки Идрицкого

района, уничтожением полицейских отрядов и волостных управ, но и созданием многочисленных боевых групп и отрядов из местного населения.

Заметно стала чувствоваться организаторская роль подпольных комитетов партии. Именно они подготовили условия для развертывания массового партизанского движения в оккупированных врагом районах.

* * *

Поздней осенью 1942 года командованию корпуса было приказано вывести личный состав за линию фронта. В немецком тылу оставались не только небольшие группы из числа легкораненых партизан, но и молодые, пожилые партизаны из местного населения. С ними были и партийно-советские работники районов. Многие из них получили назначение на командные и политические должности в партизанских отрядах, а свои партийные обязанности выполняли как бы по совместительству.

Это видно на примере нашего отряда. Командир отряда - секретарь Пустошкинского райкома А. А. Александров, автор этих строк, комиссар отряда Я. В. Васильев - секретарь райкома, начальник штаба отряда С. Калинин - заведующий отделом райкома; начальник разведки отряда И. И. Буканов - зав. отделом райкома. Освобожденным работником практически оставался один лишь председатель райисполкома Б. Ф. Тухто.

После ухода корпуса в нашем отряде оставалось всего 37 человек, среди них немало больных и раненых. Находились мы тогда в Невельском районе, южнее озера Язно.

Приближалась зима. У людей не было теплой одежды и обуви. Бойцы все еще ходили в гимнастерках, пилотках и самодельных пимах (чувяках из сырой кожи), закутавшись в немецкие плащпалатки. С продовольствием и боеприпасами было совсем плохо, а потому и настроение у людей было неважное.

Как будем действовать в условиях зимы? Где достать одежду людям, продовольствие, боеприпасы? Как наладить разведку и установить связь покрепче с местным населением? Эти и многие другие вопросы очень волновали в ту пору райком партии и командование отряда.

Прежде всего надо было хорошо обдумать действия. Боевые операции, партийно-политическая работа среди личного состава

отряда, агитация среди населения, система связи, конспирация, обеспечение отряда всем необходимым – эти и многие другие пункты легли в основу обширного плана. Такой план был рассмотрен и утвержден на заседании бюро подпольного Пустошкинского райкома.

Чтобы поднять дух партизан и показать местному населению боеспособность нашего отряда, решено было в ночь на 7 ноября 1942 года, в ознаменование праздника Октября, уничтожить мост через реку Уща в деревне Мотовилиха, северо-восточнее озера Язно.

Но как это сделать? Взрывчатки у нас не было, разобрать мост невозможно: он крепко сделан, да и охраняется полицейскими под командованием немцев.

Смекалка бойцов и местные средства помогли найти выход из положения. Решено было мост сжечь при помощи серы-живицы, которой мы достали две бочки и предварительно раскололи на большие куски. Ночью, скрытно отряд глухими лесными тропами вышел на исходный рубеж. Впереди были незамерзшая река и большой деревянный мост через нее. Пост охраны и деревня Мотовилиха находились на восточной стороне.

Нас встретил начальник разведки отряда И. Буканов. С группой разведчиков он в течение суток изучал подходы к мосту, огневые средства противника, связался с местными людьми. Было установлено, что охранников осталось очень мало, многие были вызваны в гарнизон с. Чернецово.

Решено было бесшумно снять часового, захватить мост, а охрану, расположенную в доме, при сопротивлении уничтожить. Однако на практике так не вышло. Раненый часовой поднял крик, выскочившие охранники открыли беспорядочный огонь, но трое наших автоматчиков, сумевших проскочить, ударили охране во фланг. Бой был коротким, мост оказался в наших руках.

Пока подрывники раскладывали живицу по всему мосту и зажигали ее с помощью бересты, к деревне на машинах прибыло из Чернецова подкрепление противника. Завязалась ожесточеннейшая перестрелка. Противник к мосту приблизиться не решался, сера-живица в то время делала свое дело. Расплавляясь, она стекала во все щели, горели переводы, настил, перила и даже опоры. А когда мост весь охватило

пламенем, наш отряд по сигналу стал отходить в лес. Убитых и раненых у нас на этот раз не было.

Таков был наш скромный подарок Октябрю. На обратном пути шли все возбужденные, усталые, холода не чувствовали. Настроение заметно повысилось. Местное население убедилось, что с уходом партизанского корпуса оставшиеся в тылу врага люди не собираются отсиживаться, на них можно надеяться, у них можно получить защиту.

С этого дня разведчики и связные все чаще стали приводить на заставы людей, желающих вступить в наш отряд. Как правило, те приходили с оружием. После необходимой проверки в бою они из резерва зачислялись в строй.

Приход новых бойцов помог укрепить связь с населением. Население нас кормило, помогало обувью, одеждой, оружием, вело разведку, шло на риск, лишь бы приблизить час освобождения. И мы, партизаны, составлявшие боевую часть населения, платили ему тем же пониманием.

Организационный период закончился, личный состав отряда увеличился более чем вдвое, установилась обычная жизнь партизан. Каждый день уходили на задание группы разведчиков и подрывников. Одни вели постоянное наблюдение за движением войск противника (это надо было и для нас, и для штаба фронта), другие минировали участки шоссе и железных дорог, третьи, оставшиеся в отряде, с утра до вечера занимались строевой, тактической и политической подготовкой, изучали способы минирования, устройство русских и немецких мин, приемы разведки, связь и другое.

Особенно много было хлопот у бойцов хозяйственного взвода, которым командовал старшина С. Карасев. Надо было обути, одеть и вооружить людей, вовремя обеспечить их питанием, позаботиться о больных и раненых.

* * *

Деревня Зуино расположена в большом лесном массиве, севернее озера Усвеца. К ней вела всего одна дорога, на которой в случае опасности можно было сделать завалы, поставить мины. Немецких гарнизонов в радиусе 30 километров не было. Именно эта деревня была выбрана как наиболее удобное место для создания хозяйственной базы и госпиталя нашего отряда.

Недалеко от деревни, в лесу стояла поломанная водяная мельница. Старшина Карасев разыскал умелых людей, с их помощью восстановил мельницу и наладил размол зерна для партизан и населения. В деревне Ерастовка Невельского района он организовал швейную и сапожную мастерские, где пожилые портные и сапожники из ближайших деревень перешивали немецкие шинели и плащпалатки на брюки, гимнастерки, куртки, чинили и шили сапоги, валенки. Руководила этой мастерской партизанка Наташа Новикова. На хуторах дубили овчины, делали кожи, валяли валенки.

В деревнях Морозова и Язно до войны была рыболовная артель. К приходу немцев все рыболовные снасти были спрятаны, рыбаки ушли с отступающими частями Красной Армии. Остался один дед, знавший, где спрятаны невод и другие орудия лова. Старшина Карасев много раз беседовал с ним, но тот не раскрывался, не верил еще в наши силы и способности. Наконец, видя, как нуждаются в продовольствии партизаны и как голодает местное население, обобранные немцами, решился сам возглавить бригаду по добыче рыбы. Был поднят из тайника и починен невод, партизаны выделили бригаде двух людей, охрану, и дело пошло. Рыбы понадобилось много. Часть ее шла на питание партизан, остальная раздавалась голодающему населению.

Старшина Карасев был умным хозяином, он всегда учил подчиненных бережно и экономно относиться к народному добру. Всякий раз, когда создавались запасы продовольствия и боеприпасов, он старался надежно укрыть их в специальных ямах где-нибудь в тайном месте, известном только ему и еще двум-трем партизанам.

Бойцы и командиры уважали своего старшину, они старались все трофеи, добытые в бою, поскорее сдать Карасеву, зная, что он сумеет правильно использовать их на общее дело отряда.

* * *

Больше всех приходилось работать нашему комиссару Якову Васильевичу Васильеву.

Первой и главной его задачей было политическое воспитание личного состава отряда. У многих новичков мозги были изрядно засорены немецкой пропагандой. Люди все-таки читали вра-

жеские газеты, листовки, книги. Комиссар должен был научить их самостоятельно разбираться во всем, делать правильные выводы.

Как только нами была получена возможность приема по радио сводок Совинформбюро, комиссар немедленно организовал их распространение среди населения. Делалось это так. К десяти часам утра в штабе отряда уже лежали десять экземпляров переписанной от руки сводки. Вскоре поодиночке за ними приходили три девушки-связные, они брали по три экземпляра каждая и несли в селения проверенным лицам, те в свою очередь переписывали сводки на оберточной бумаге, на оборотной стороне немецких плакатов, словом, на всем, на чем можно было писать, и передавали дальше. Такая цепочка работала исправно. В течение суток или двух важнейшие события доходили до сведения почти всего населения района.

Комиссар не допускал, что какой-нибудь командир взвода, отделения или группы может уйти на задание, не захватив с собой сводки Информбюро. Когда же отряд занимал населенный пункт, он созывал народ на собрание. Вначале люди шли неохотно (боялись, а вдруг налетят немцы, что тогда будет?). Рассаживались вокруг нас, суровые, угрюмые, оборванные.

Наш отрядный баянист Сидорыч тихонечко заводил песню "Раскинулось море широко". Проходит минута, другая, лица у людей начинают светлеть, глаза блестят. Смотришь, заплакала одна, другая женщина, засморкались старики. Люди вспоминали былую жизнь, родных и близких, погибших или угнанных в неметчину. Вот тут-то и раздавался голос нашего комиссара:

- Товарищи, наши дорогие граждане! Жили мы с вами хорошо. Дети бегали в школу, в каждом доме был достаток, на полях колхозов зрел богатый урожай. Но вот пришли эти варвары - немцы, все разграбили, растащили, пожгли, людей побили. Можем ли мы с этим мириться? Терпеть их издевательства? А не лучше ли всем подняться на священную войну против фашистов-захватчиков и помочь нашей родной армии изгнать их с советской земли...

Люди, глядишь, приободрились, наперебой просили слово, предлагали свои услуги. Молодые и пожилые записывались в

отряд. И так почти в каждой деревне, где нам приходилось останавливаться хотя бы на несколько часов.

Там, где побывал комиссар, наверняка мы имели хороших помощников, готовых выполнить любые поручения партизан.

Зимой у нас создалось очень тяжелое положение, не было хлеба. В то же время в селении Тимоново Пустошкинского района на бывших колхозных складах хранилось большое количество зерна, награбленного немцами у населения. Гарнизон в селе был небольшой, в основном состоящий из полицаев-предателей. После тщательной разведки было решено, используя пургу, ночью мелкими группами просочиться в село, захватить волостную управу и школу, где располагались немецкие солдаты и полицейские, а затем заняться хлебом.

Но еще на марше нас встретил конный связной с донесением от разведчиков, в котором сообщалось, что к с. Тимоново под вечер с севера приблизилась какая-то группа партизан, видимо из отряда Козлова, и открыла винтовочный огонь. Немцы после перестрелки решили преследовать этих смельчаков и ушли в северс-восточном направлении. В самом Тимонове оставалась только охрана у волостного управления, моста и складов. Решено было использовать выгодно сложившуюся для нас обстановку и захватить село с хода. Партизаны-лыжники и конники с двух сторон ворвались в Тимоново. Организованного сопротивления мы не встретили, быстро оседлали дороги, а хозяйственный взвод занялся хлебом. Пшеница и рожь, затаренные в хорошие мешки, были приготовлены для отправки на железнодорожную станцию.

В ту ночь мы вывезли 450 пудов хлеба. Все увезти было невозможно, партизаны ходили по домам и предлагали населению брать хлеб, но никто не шел, опасаясь, что немцы потом узнают и за это расстреляют. Один старичок посоветовал нам поджечь склад: зерно, мол, все сгорит, немцы его потом не возьмут, а население попользуется. Так мы и поступили. Немцы, ушедшие в погоню за партизанами, узнали от бежавших полицаев, что "село захвачено отрядом с пушками". Словом, тут было все преувеличено от страха. Но тем не менее они не решились ночью вступить с нами в бой и ушли в сторону Пустошки, возвратившись обратно лишь на другой день с большим подкреплением. Это событие впоследствии заставило их снять свой гарнизон в Тимонове навсегда.

Добытое с боем зерно мы быстро перемололи на партизанской мельнице, а запасы муки надежно спрятали в лесных ямах.

Время шло, отряд проводил крупные боевые операции одну за другой. Все волостные управы в южной части Пустошкинского района были ликвидированы, советская власть на местах восстановлена.

Граница партизанского края продвигалась все дальше на север. В крупных населенных пунктах были созданы тайные партизанские группы. Днем люди занимались обычными делами, а ночью выполняли боевые задания, вели разведку, портили связь, охраняли населенные пункты.

Когда зимой 1943 года в партизанский край хлынули каратели, отряд "Народный мститель" первым принял их натиск на себя, удерживая более суток оборону, не давая им переправиться на южный берег озера Язно. Затем, в течение десяти дней, цепляясь за каждый выгодный рубеж, мы вели ожесточенный бой. И только тогда, когда полностью иссякли боеприпасы, отряд получил приказ прорваться в тыл наступающих карателей и возвратиться к месту действия.

По пути партизаны нападали на вражеские обозы, отбивали у карателей награбленное.

Там, где прошли каратели, деревни оказались сожженными, население или уничтожено, или угнано в неметчину. В волостях снова появились бургомистры, полицейские. В деревне Норова Пустошкинского района каратели уничтожили девять семей. Старики, дети и женщины были заперты в двух домах и заживо сожжены. В деревне Воробьи Невельского района немцы расстреляли 17 человек. Трупы убитых полицейские сложили в сарае, а потом сожгли его. В деревне Ерастовка того же района одно время стоял штаб нашего отряда. Когда мы уходили, с нами ушло и большинство жителей этой деревни. Осталось всего 7 человек во главе со старым колхозником дедушкой Карпом. Он надеялся на то, что в первую мировую войну он был в плену в Германии и немного еще помнит немецкие слова, и не терял надежды мирно договориться с карателями.

Когда немцы ворвались в деревню и узнали, что партизан уже нет, то перевернули все вверх дном. Вскоре семь оставшихся жителей стояли перед гестаповским офицером. На-

встречу ему вышел дедушка Карп, пытаясь объяснить. Но немец сказал лишь: "Рус бандит" и выстрелил в старика. В живых осталась одна тяжело раненая колхозница Подрезова, которая потом и рассказала нам об этой печальной истории.

Однажды, в начале марта 1943 г., когда в воздухе пахло уже весной, а зима упрямо не хотела уступать своих прав, в отряд прибыл связной от представителя штаба фронта майора Штрахова. Отряду было приказано подготовиться к выполнению особо важной боевой задачи и в полном составе прибыть в указанный населенный пункт к назначенному времени.

Этой особо важной операцией были объединенные действия калининских партизан по уничтожению Савкинского железнодорожного моста. Наши бойцы и командиры с честью выполнили возложенную на них задачу и показали боевое мастерство и мужество.

В августе 1943 года по приказу Центрального штаба партизанского движения все отряды и бригады, действующие на оккупированной территории, должны были одновременно в одну ночь провести массовые операции по взрыву рельс, мостов и других железнодорожных сооружений, используемых немцами.

На долю нашего отряда выпал участок от станции Маево до разъезда Лемно железной дороги Великие Луки - Себеж. Дело это для нас было новое. Одна команда минеров, естественно, не могла справиться с этой большой задачей. Надо было учить подрывному делу весь отряд. После необходимой теоретической подготовки всем отрядом вышли на бездействующую железную дорогу Идрица - Полоцк. Здесь каждое отделение получило свой участок, и началось обучение в абсолютно приближенных к боевой обстановке условиях. Было установлено, что на пути к полотну дороги в темноте лучше всего ориентироваться на телеграфные столбы. Двое бойцов подходят к столбу и расходятся от него в противоположные стороны до встречи с другими, раскладывая толовые шашки под каждый рельс и зажигая бикфордов шнур.

В инструкции штаба предписывалось взрывать рельсы четырехсотграммовой шашкой тола, кладя ее сверху. При таком способе не каждый рельс оказывался взорванным, тогда как двухсотграммовая шашка, положенная в шейку рельса и присыпанная гравием, свободно рвет любой рельс.

Такие тренировки велись больше недели. Люди хорошо были подготовлены к выполнению предстоящей задачи.

Темной, но еще теплой августовской ночью, отряд с трудом перебрался через охраняемую врагом автостраду Невель - Пустошка. Теперь люди шли сплошным лесом, мимо озер, держа путь к станции Маево. На себе приходилось нести большой груз тола. Лошадей оставили на базе.

Кругом тишина. Как утомителен этот ночной поход!

То и дело смотришь, как, отделившись от строя, кто-нибудь пошел в сторону. Человек спал на ходу. Если его не остановить вовремя, то он сядет в канаве или споткнется о придорожный пенёк.

Как хочется лечь прямо на траву и заснуть! Но нельзя поддаваться соблазну.

Не доходя двух километров до железной дороги, отряд разделился, и каждый взвод самостоятельно направился на свой участок.

Вскоре началась настоящая канонада, сотни взрывов слились воедино, и так по всей дороге, вплоть до самой Латвии. Эта ночь запомнилась нам навсегда.

Серьезного сопротивления со стороны противника мы не встретили. Наоборот, немцы и полиция бросились наутек, считая, что Красная Армия начала грандиозное наступление.

При выполнении этой массовой боевой операции у нас не все получилось так гладко, как это было на учении, но тем не менее приказ командования был выполнен, участок железной дороги Маево-Лемно был разрушен основательно.

* * *

Наряду с массовыми боевыми операциями, диверсионные и разведывательные группы отряда выполняли и другие довольно сложные задания, с участием небольшого числа людей.

На станции Пустошка немцы заправляли паровозы водой, т. е. на других станциях водокачки были уничтожены. Командование приказало нашему отряду взорвать водонасосную станцию, расположенную на северном берегу озера Крупейское и лишить немцев возможности подавать воду к напорной башне. Но как это сделать? Ведь по существу водокачка

расположена в городе. С юга ее прикрывает озеро, с востока и севера - город, с запада - шоссейная и железная дороги, охраняемые немцами.

В разработке плана операции принимал участие узкий круг людей, в том числе и такие товарищи, как Ф. Барабанов, который ранее жил в Пустошке и прекрасно знал все подходы к водокачке. Предлагалось много вариантов. Решено было проникнуть на водонасосную станцию по воде, со стороны озера. Началась кропотливая разведка. Люди по крупицам собирали интересующие нас сведения.

В трехстах метрах от берега, где стоит водокачка, на озере есть небольшой, заросший кустарником островок. Проникнуть туда незамеченным на лодке было нельзя. Двое наших разведчиков соорудили плот из четырех длинных бревен. Гребя досками, лежа, добирались до острова, откуда и вели наблюдение за берегом в течение двух дней.

Оказалось, что рядом с водокачкой в домике расположилась караульная команда из 8 - 10 человек. Сторожевых собак не видно. Вокруг установлено проволочное ограждение. Для выполнения этой операции было отобрано трое опытных партизан. Старшим стал А. Боровков.

Группе была вручена хорошо пристрелянная винтовка с прибором для бесшумной стрельбы, два автомата, гранаты и восемь килограммов увязанного в мешок тола, подготовленного к взрыву.

Добравшись до острова напротив водокачки, группа в течение суток вела наблюдение за объектом, а следующей ночью партизаны направились к берегу.

И тут оказалось, что проволочное ограждение вокруг водокачки было расположено не только по берегу, но и далеко вынесено в воду. Стоило задеть проволоку, как загремевшие пустые банки всполошили бы часового и дали ему возможность поднять тревогу. Здесь хорошо показала себя наша "бесшумка". Первым выстрелом часовой был снят. Выскочившие из дома солдаты, не разобравшись, в чем дело, стали палить во все стороны. Александр Боровков, преодолев с большими трудностями проволочное ограждение, подбежал к зданию насосной станции. Как на грех, на дверях висел огромный замок. Внутри горел свет и мерно стучал двигатель. Александр чувствовал, что враги вот-вот опомнятся, разберутся, в чем

дело, и тогда их натиск не сдержать. Тут он увидел окно с широко раскрытой фрамугой. Быстро созрел план: поджечь шнур и бросить тол в раскрытое окно. Ухватившись за голову, он догадался, что потерял фуражку, в которой лежали спички. Что делать? Рядом лежал убитый часовой. Раздумывать было некогда. Александр быстро обшарил убитого и в одном из карманов нашел зажигалку.

Казалось, шнур не хочет загораться, маленький огонек задувает ветер. Наконец, шнур зашипел, тол полетел в окно. Надо было отходить. Товарищи на озере почему-то притихли, а враги опомнились и с трех сторон повели автоматный огонь в сторону озера и водокачки. Надо было ползком пробираться к воде...

Вдруг раздался сильный взрыв, одна стена насосной станции обвалилась, сильной волной Боровкова отбросило в воду. Как и сколько времени он плыл, ухватившись за бревно, он не помнил. Только на третий день местный рыбак нашел его на песчаной отмели, раненого, окровавленного. Двое других партизан погибли смертью храбрых, и их тела вскоре немцы выловили из воды.

Больше двух недель водонасосная станция в Пустошке не работала, паровозы не получали воды.

Однажды, возвратившись в отряд, разведчики привели с собой четырнадцатилетнего мальчика Ваню Гулятьева. Он был страшно худ, без конца шмыгал носом и грязным кулаком тер глаза. Оказалось, что немцы на его глазах убили отца. Ваня уже третий день искал партизан, чтобы попросить у них гранату и рассчитаться с убийцами своего отца.

Работал он вместе с отцом на маленьком кожевенном заводе, созданном в городе немцами для переработки шкур. Работать их заставили принудительно, за малейшую провинность нещадно били. Пан-директор почему-то больше всех придирался к Ваниному отцу, называя его саботажником, лодырем, свиньей. Однажды отец не стерпел. Замахнувшегося на него надсмотрщика так крепко взял за руку, что тот взвизгнул от боли, а затем, выхватив пистолет, в упор дважды выстрелил в него.

Так в нашем отряде появился первый юный народный мститель Ваня Гулятьев.

Ваня быстро поправился, но забыть страшную расправу с отцом не мог. Партизаны старались дать ему понять, что убить одного-двух немцев за смерть отца это недостаточно, нужно и можно сделать больше. Ване предложили пробраться в Пустошку, проникнуть ночью на кожзавод и поджечь его изнутри. Он охотно согласился выполнить это задание. Правда, вместо гранат ему дали термитные шашки и специальные спички, а для отвода глаз корзинку с кусками хлеба, вареной картошкой, луком. В то время по дорогам района много ходило сирот, собирающихся у населения. В таком виде он свободно проник в город.

Придя в город, Ваня осмотрелся и один раз прошел мимо кожзавода. Никто на него внимания не обращал. Тогда он забрался в бетонную трубу под шоссе на дороге, что проходит мимо кожзавода, и там стал дожидаться ночи.

Поздно ночью после смены караула Ваня стал искать проход на завод. Ограды никакой не было. Новый часовой, обойдя несколько раз помещение, уселся на крыльце и стал закуривать. Тогда Ваня вылез из укрытия и тихонько, ползком, добрался до противоположной стены. Вскочив на подоконник, дотянулся до форточки, - она оказалась незапертой. Через нее он открыл окно и проник внутрь. В первой попавшейся комнате лежал какой-то товар и стоял пружинный диван. Ваня распорол ножом обшивку, сунул туда один термитный шарик и стал поджигать шнур, как его учили. Обратно, в свою трубу, он выбрался благополучно. Немец продолжал сидеть на крыльце. Вскоре в комнате вспыхнуло яркое белое пламя. Часовой, увидев отсветы огня на земле, забеспокоился, а когда понял, что завод горит, закричал и поднял тревогу.

Появились немцы, полицейские, из ближайших домов выскочили люди. Ваня выполз из укрытия, смешался с толпой и стал вместе с ними кричать: "Тушите скорее, тушите!"

В отряд Ваня вернулся на четвертый день, с собой принес кусочек обгоревшей земли, как доказательство того, что порученное ему дело он выполнил с честью.

Впоследствии он выполнял много всевозможных заданий, а когда отряд соединился с передовыми частями Советской Армии, то Ваня был их первым проводником и разведчиком, за что был награжден орденом Красной Звезды.

Однажды отряд получил небольшую партию магнитных мин.

Их устройство и обращение с ними оказались очень просты. По желанию минера такая мина могла быть взорвана в определенное время суток, а магнитная пластинка давала возможность прикрепить ее к любому металлическому предмету.

Опробование показало хорошие результаты. Стали думать, как умнее и эффективнее использовать запас магнитных мин.

Наши разведчики систематически встречались со своими помощниками в городах и поселках, занятых немецкими гарнизонами. Вот некоторым из них и были вручены эти мины.

Сейчас нет надобности рассказывать, каким путем мы вербовали себе людей. Ясно лишь одно, любой честный человек, оказавшийся на временно оккупированной врагом территории, стремился хоть чем-нибудь помочь партизанам и тем самым приблизить час освобождения Родины.

Первым использовал на деле магнитную мину сцепщик вагонов станции Пустошка Романюк. Как учили, он прикрепил ее к цистерне с горючим в составе поезда, идущего к линии фронта. Вскоре поезд ушел, вблизи железнодорожной станции Забелье мина сработала, взорвавшаяся цистерна устроила хороший пожар и закупорила движение поездов на дороге.

Вторым использовал мину полицейский Жгун. Он давно был связан с разведкой отряда, но серьезных поручений раньше не получал. Ему было приказано установить мину в кабинете немецкого военного инженера гауптмана не то Штригера, не то Штреккера. Этот немец руководил строительством дорог, мостов, всякого рода оборонительных сооружений в районе Новоскольников - Невель. Его штаб-квартира находилась в Пустошке.

Полицейский Жгун по делам службы часто бывал в конторе немецкого строителя, и выбрав удобное время, сунул мину под тумбочку письменного стола, за которым работал гауптман. Немец явился в контору, как всегда, ровно в 10 часов, в 12.00 произошел взрыв. Инженеру оторвало ноги, и он вскоре скончался. Сам Жгун изрядно перетрусил и еще до взрыва выбрался из города. Ночью он явился на место связи к нашим разведчикам и пытался уговорить их взять его немедленно в отряд, но ему было приказано вернуться обратно и ждать дальнейших указаний. Больше Жгун с нами не встречался, и какова его дальнейшая судьба, мне неизвестно.

Третью мину пыталась использовать прислуга бургомистра

города Пустошка Алексеева. Девушка сильно волновалась, откладывая выполнение этого задания со дня на день. Но чувство долга перед партизанами и подписка о согласии помогать в священной борьбе против врагов Родины, наконец, пересилили страх. Мина была заряжена и прикреплена к сетке кровати самого хозяина. Тут же девушка упросила хозяйку отпустить ее до утра к якобы заболевшей в деревне тетушке.

Поздно вечером перед сном хозяйка стала поправлять перину и тут неумело поставленная мина упала на пол. Хозяйка страшно перепугалась, увидев незнакомый черный предмет, с криком выскочила на улицу к часовому.

Приехавшие полицейские и немцы не решались войти в квартиру. Вокруг дома была поставлена охрана, и мина лежала до тех пор, пока не взорвалась сама. Цели этот взрыв не достиг, но страху нагнал много.

Как-то наши разведчики, действовавшие в районе железной дороги Новосокольники - Локня, задержали человека, одетого в немецкую форму. Оказалось, что это русский военнопленный, которого немцы заставили служить фюреру. При допросе было выяснено, что противник параллельно линии фронта установил целую сеть пунктов радиоподслушивания и перехвата. На многих из них работали русские военнопленные. Всякая попытка с их стороны представить неправильные данные радиоперехвата жестоко наказывалась. Каждый русский радист знал, что где-то рядом на такой же волне работает немец и что его постоянно контролируют.

Задержанный нами русский радист оказался смелым и сообразительным парнем. При его помощи 12 разведчиков в одну из ближайших ночей разгромили пункты радиоперехвата, расположенные близ деревни Семеново Локнянского района. Были захвачены очень ценные документы. Как только командование фронта узнало об этой операции, нам было приказано по радио подготовить площадку для приема самолета. Прилетевший офицер на самолете Р-5 забрал с собой нашего пленного радиста.

Впоследствии оказалось, что он дал много ценных сведений, которые помогли командованию фронта устранить серьезные недостатки в радиопереговорах, допущенные командирами частей. Разведчики нашего отряда, участвовавшие в операции, получили от командования благодарность.

Нельзя не сказать доброго слова о разведчиках, снайперах, минерах-подпольщиках нашего отряда, многие из которых сложили свои головы за нашу Родину. Бесстрашные разведчики Володя Черепанин, Слава Строганов, Елена Падрезова, Екатерина Шарепо, Анастасия Буючкина. Замечательные следопыты-проводники и разведчики Анатолий Жигач и Егор Жгун. Наши тайные помощники, славные подпольщики учительницы Желамская, Тимченко. Бывший начальник районной дорожной управы С. Жгун, погибший в застенках гестапо, и многие другие.

Прошло лето, наступила дождливая, холодная осень 1943 года. 6 октября 1943 года части Советской Армии штурмом взяли город Невель. Фронт гудит рядом, всего в тридцати километрах. Радостно у каждого на душе, ведь наступают наши. Ближе к фронту движутся новые немецкие части. Наш "улов" на дорогах становится все богаче. Но немцам это не нравится. Всюду появились каратели. Они сжигают целые деревни, убивают ни в чем не повинных людей.

Отряду приходится уходить из своего района, дальше на запад, в Белоруссию. В конце октября фронт загудел южнее города Невель. Наши части, прорвав линию обороны врага, заняли железнодорожную станцию Железница на дороге Невель - Полоцк. Развивая успех наступления в северном направлении, они вышли на реку Дриссу, приток Даугавы: Немецкое командование, спеша ликвидировать прорыв, стало передвигать в южном направлении новые воинские части, снятые с Волховского фронта.

Многие соединения калининских партизан, действуя южнее железнодорожной линии Великие Луки - Себеж, оказались в крайне тяжелом положении.

Местное население, узнав, что с юга наступают части Красной Армии, а с севера немцы, не задумываясь, снималось со своих мест и спешило уйти на юг. Оно забило все дороги, сковывая боевые действия партизан, неся огромные жертвы от воздушных налетов и артиллерии врага.

Наша вторая партизанская бригада двое суток сдерживала продвижение немцев на участке Горбачево - Воронино - Клиновое, а затем, с боями цепляясь за каждую высоту, речку,

минируя дороги, устраивая лесные завалы, отходила на юг - в сторону наступающей Советской Армии.

Отряд "Народный мститель", заняв деревню Шерстово, расположенную на большой возвышенности, дал немцам последний бой, удержав населенный пункт до подхода передовых частей Советской Армии, которые к тому времени сумели переправиться через Дриссу.

Встреча была бурная и трогательная. Люди от радости плакали, обнимали друг друга. Наконец-то свершилось, родная земля освобождена! В штаб отряда посыпалась масса заявлений, рапортов, устных просьб, все хотели вступить в действующую армию, чтобы скорее добить врага. Через два дня из отряда ушли на фронт две трети его состава. Остались легкораненые, больные и престарелые.

* * *

Районный комитет партии, оказавшись в новых, легальных условиях, должен был немедленно перестраивать свою работу.

В короткий срок требовалось подобрать достойных и проверенных в боях работников на должности председателей сельских Советов, правлений колхозов, руководителей различных районных организаций, укомплектовать аппарат самого райкома партии. Нужно было как можно скорее выявить, учесть оставшееся в живых население, организовать его на быстрейшее восстановление разрушенного войной хозяйства.

Приближалась зима, люди в разрушенных или сожженных немцами деревнях ютились в шалашах, землянках, окопах, голодные и оборванные. Дороги, мосты, отдельные здания были начинены минами, а по лесам бродили остатки вражеских солдат и полицейских.

Словом, предстояла огромная и сложная работа. Но население освобожденных районов было не одиноко, с востока к нему шла материальная помощь и моральная поддержка. Партия и правительство принимали все меры к быстрейшему восстановлению разрушенного войной хозяйства в освобожденных районах.

В деревне Ольховка, близ районного города Пустошка, уничтоженного врагом до основания, разместились различные

районные организации. Мирная жизнь стала входить в нормальную колею.

Хотя в райкоме партии еще можно было слышать слова: "товарищ командир", "товарищ комиссар", "товарищ начальник штаба" - старая привычка давала себя знать, - жизнь шла своим чередом. Каждый день радио приносило радостные сообщения об успешном наступлении наших войск. Приходили письма от бывших партизан. Их читали и хранили в райкоме как бесценные документы.

*А. АЛЕКСАНДРОВ,
командир партизанского отряда
"Народный мститель",
секретарь Пустошкинского
подпольного райкома партии*

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

Командир отряда Хоменко, начальник штаба Макаров и комиссар Тяпин склонились над картой. Такой экспедиции карателей, нацеленной на партизан, еще не было. Что задумали немцы?

- Да, выход из этого мешка один,- произнес комиссар,- идти к Никоненку и вместе с ним ударить по "фрицам"...

- Николаенко - ко мне!- приказал связному Хоменко.

Помощник командира по разведке не заставил себя долго ждать.

Разведку решили послать днем. Вместе с разведчиками пошли сам Николаенко и комиссар.

Когда двинулись в путь, солнце было еще высоко. В лесу звонко пели птицы - вполне мирная обстановка. Шли без особой опаски. И вдруг... позади, в кустах, послышался какой-то подозрительный шорох. Группа изготовилась к бою.

- Не бойсь, это я, свой,- подал из-за кустов голос Макаров.

- У, черт!- пробурчал Тяпин.- Напугал.

Вот и село Күрилово. Его отличал приметный ориентир - церковь, стоящая в самом центре, вся окруженная пышной зеленью.

На развилке дорог наткнулись на перевернутую разбитую машину. Я остановилась, с любопытством ее рассматривая. Рядом пулеметчик Александров наблюдал за дорогой, ведущей в бор.

Николаенко с разведчиком Дубининым тоже вел наблюдение за противоположным берегом реки Великой, отделявшей деревню от бывшего Идрицкого артополигона. Сыропатов на лошади поскакал к переправе, через которую мы должны были пройти в 16-ю Калининскую партизанскую бригаду И. К. Никоненка, стоящую в деревне Борки.

Макаров и Тяпин стояли у дома и о чем-то громко спорили.

Деревенские женщины окружили меня:

- Когда же супостата прогонят?

- Скоро ль наши насовсем придут?

- Скоро, скоро,- приговаривала я, доставая из сумки листовки "Вести с фронта" и раздавая их.- Вот читайте, новости свежие.

- А как Ленинград?- спросила женщина с изможденным интеллигентным лицом.

- Идут бои вокруг города. Но он - наш! Ленинград не сдался.

- Ой, милая, жалобная ты моя! Какая молоденькая и тоже с ружьем. Господи, что же дееется?- Она подняла руку, хотела, видимо, осенить меня крестом, как рядом с шипением пролетела мина и разорвалась где-то у церкви. Женщины заголосили и разбежались. Снаряды с воем и свистом шлепались совсем близко, поднимая черные столбы земли.

- Ребята, отходите в лес!- скомандовал Тяпин.

Я же стояла на совсем открытом месте и не знала, куда бежать.

- Ну, чего остолбенела?- крикнул мне комиссар.

Разрывая снаряда я не услышала, а когда очнулась, земля уже оседала. Но почему камни на ногах? И почему лошадь Сыромятникова оказалась рядом без седока и тычет меня мордой? Из правого ее бока густо сочится кровь и выпирают внутренности.

Я попыталась подняться, но ноги меня не слушались. С трудом развернулась и села. Через сапоги, разодранные осколками, хлестала кровь, и вся я была в крови.

Я замахала руками, пытаюсь отогнать лошадь. А снаряды все рвались и рвались - по бокам, сзади, впереди, засыпая меня землей. Рядом кто-то простонал. Оглянулась и увидела пулеметчика. От сарая до меня донеслось:

- Ползи сюда!

Это звал комиссар. Он стоял, опершись рукой о сарай, на одной ноге, а другая была как-то странно повернута.

- Пулеметчик ранен!- отозвалась я и поползла к Александру. Он лежал на боку. Из раны на голове медленно струилась кровь. Я в ужасе отпрянула от него - он был мертв.

Уже не обращая внимания на рвущиеся снаряды, я поползла в сторону. Разорвала индивидуальный пакет, принялась бинтовать ноги. Мысль о том, что в селе могут быть немцы, заставляла быстро принимать решение.

- Пересидим здесь,- тихо сказал комиссар. Густо поросшее кустарником и осокой болото было совсем рядом с дорогой.

- Сейчас я вас перевяжу,- отозвалась я, - у вас голова в крови, да и ноги.- С трудом вытащила я нижнюю рубашку из-под гимнастерки, разорвала.

- Да что ты еле тянешь?- крикнул Тяпин.- Тащи сильнее! Разве так завязывают? Рану надо еще и выше перевязать. Видишь, как кровушка хлещет?

- А что делать с документами?

- Рвать или прятать - два выхода. Закопай, чтобы не нашли в случае чего...

Болото, в котором мы оказались, было какого-то сизо-желтого, местами коричневого цвета. Сюда жители села тащили все отходы, как на свалку.

Решив укрыться в гуще осоки, я поползла дальше и провалилась в яму.

-Ну, что ты там застряла?- услышала я голос комиссара.

Говорил он шепотом, а в голове словно гром гремел. Тяпин подполз ближе, стал трясти:

- Клава, что с тобой?

Ноги мои ныли, появилась нестерпимая боль.

- Не могу больше. Сил нет,- ответила я.- Останусь здесь.

Тишина вокруг была оглушительной. Жители села убежали в лес. Прошел, наверное, час с небольшим, и мы услышали вдали разговор. Видимо, население возвращалось по домам. Еще через четверть часа донеслась до нас непонятная речь. Немцы!

- Ну, конец!- подумала я и взглянула на комиссара. Он уже взвел курок автомата и пристально наблюдал за кустами. Было видно, как несколько фашистов взбежали по ступенькам крыльца ближнего дома:

- Куда скрылись бандиты?- Кто-то очень грубо спросил по-русски.

-Видимо, на мельницу,- ответил женский голос.

Немцы громко загоготали. Уж там-то они нас встретят. Какой-то гитлеровец подошел к убитому пулеметчику, подобрал его оружие и пустил несколько очередей по кустам, в которых мы укрылись. Пули прошлись поверху, никого не задев.

- Ну, паразиты, только суньтесь, свою жизнь за так не отдадим,- пригрозил в сердцах комиссар.- Приготовь пистолет. Живыми не дадимся. Да?

От потери крови и всего пережитого у меня сильно кружилась голова. Я перевернулась на спину и закрыла глаза.

- Что с тобой, Клава?

- Ничего, мне так легче...

Когда я открыла глаза, надо мной плыли голубые-голубые, красивые-красивые облака, каких я еще в своей жизни не видела.

А потом они вдруг как-то разошлись, и я увидела там, вверху, портрет мамы. В овале. Такого снимка у нас дома не было. Но это мама, моя мама, с гладко зачесанными волосами, просветленным взглядом, милая и добрая. Мне стало почему-то очень жалко ее, по щекам покатились слезы. Что еще уготовила мне судьба? Увидимся ли еще раз? Как жестоко обманула я ее: уходила в партизаны, а сказала, что еду в командировку.

- Почему плачешь? Чего испугалась?- со строгостью спросил комиссар.

-Нет, нет, ничего я не боюсь, просто маму вспомнила.

- Рановато нам умирать,- решил приободрить меня комиссар,- мы должны выбраться отсюда. А может, ребята отыщут, помогут...

Наступили сумерки. Где-то промычала корова. И снова нахлынули воспоминания - детство, село Нерль, непослушная Лысенка, которая никак не хотела пастись вместе со всем стадом и мучила меня. А по вечерам мама поила нас парным молоком...

Мои сладкие воспоминания прервал шум возле кустов. Мы снова взяли оружие наизготовку. И вдруг услышали чей-то плач... Плакала женщина, а другой, мужской голос, похоже, ее успокаивал.

- Были, были здесь раненые, не могут они далеко уйти, видите их след,- убеждала женщина.

Кусты раздвинулись, появился мужчина лет пятидесяти, бородка клинышком. Одет в старенький зипун, на голове - такой же заношенный треух. Нас он заметил, меня - первой.

- Не бойся, доченька, свой я. Немцы за реку ушли.

- Отец,- позвал комиссар,- ты один или привел кого?

- Что ты, что ты, сынок. У меня тоже ж сын воюет. Не бойтесь, тут только наши женщины. Марья, иди сюда!

Две женщины стояли неподалеку в растерянности, не ре-

шаяся шагнуть в болото. И все-таки осмелели, подошли, запричитали.

- Ой, милая ты наша, куда ж тебя?

- Ноги, обе ноги, не могут идти,- еле слышно прошептала я,- пить, пить хочу...

- Лизавета, сбегай-ка, принеси молочка,- распорядился мужчина.

- Вот что, отец, в Слотине и Родионове должны быть наши. Скажи, чтоб приехали,- попросил Тяпин.

А тут женщины и молока принесли. Мы с жадностью припали к крынке.

- Давайте оттащим их куда посуше,- предложила женщина, что была постарше.

- Не надо, бабоньки, мы здесь подождем. Не нагрязнули бы фашисты. А вы пока разойдитесь по домам, не привлекайте внимания,- распорядился комиссар.

Стало холодать. Меня начал бить озноб. Уже в сумерках со стороны села раздался шум приближающейся подводы.

Вместе с нашим посланцем на повозке приехали шесть партизан. Телега оказалась широкой, мы все смогли разместиться на ней.

Жители села со слезами проводили нас, желали выздоровления.

Въехали в бор. Впереди, на некотором расстоянии, быстро шагали дозорные. Вскоре один из них вернулся, чтобы предупредить:

- Навстречу следует какая-то группа людей, так что сворачивай в кусты налево.

В лесу было очень темно, только блики луны освещали дорогу.

- Я пойду впереди,- сказал дозорный по имени Иван.- Если наши, подам голос на русском языке. Если немцы, то на мне немецкая шинель. Может, примут за своего.

- Стой! Кто идет?- окликнули встречные.

- Свои,- тихо произнес Иван.

Это была разведка из двенадцатой бригады.

В деревне Родионово при свете копилки нас перевязали. Сапоги мои были раскромсаны и выброшены. А потревоженные раны заболели еще больше.

Стало светать, когда мы ушли из деревни. Снова нас прятал спасительный лес.

К полудню фашисты заняли деревни, подходившие к бору, и открыли оттуда бессистемный орудийный огонь, палили в белый свет, как в копеечку.

- Как на передовой, начинают с артобстрела,- сказал начальник штаба старший лейтенант Макаров, который присоединился к нашей группе.- Сейчас цепью пойдут.

- Зачем ждать, когда пойдут? Может, сами ударим?- предложил командир взвода Василий Сараев.

- Нет, товарищи, сейчас вступать в бой опасно. Мы их сил не знаем. К тому же, как всякая карательная экспедиция, так и эта не может быть неподготовленной. Слышите, они бьют со всех сторон, и у них техника. Надо немцев обмануть,- предложил Тяпин.- Пока они собираются нас окружить, поищем-ка лазейку, чтобы уйти из леса. Лощинами, кустами будем выбираться. "Фрицы" и не подумают, что мы днем можем двигаться. А если обнаружат, то наверняка примут за своих. Навяжут бой - будем отбиваться, не привыкать, и Никоненок поможет.

Предложение Тяпина было принято.

К 12 часам немцы сняли засаду и, как только мы подошли к переправе, открыли огонь, начали нас преследовать.

- Занять оборону!- раздалась команда.- Раненых быстрее вперед, напрямик, минуя все дороги, на село Борки, в бригаду Никоненка!

На опушке леса завязался бой.

А наши лошади ошалело помчались по ржаному полю. Бежать им было трудно. Да еще и ездовой путался, еле удерживал коней. Сходу мы влетели в какую-то канаву.

- Помогите!- звал наш возница, но поблизости никого не было.

Рядом с повозкой шлепнулся снаряд. Лошади рванули с испугу, и мы выскочили из канавы.

На краю ближней деревни нас встретили партизаны Никоненка, разместили в доме, где уже лежали на кроватях, лавках, на полу раненые из местного отряда.

Хозяйка дома принесла охапку сена, покрыла сено половиками, и на эту постель уложила всех нас в ряд. Здесь было много наших: Сыропатов, раненый в грудь и легкие,

ругался, Дубинин, получивший осколок в живот, тихо стонал.

В избу вбежала запыхавшаяся Ина Константинова.

- Клавушка! Товарищ комиссар! Вот беда-то какая!- бросилась она к нам.- Ну, ничего, я вам сейчас носилки устрою. Сегодня ночью вы обязательно должны уйти. Бои здесь стоят тяжелые, фашисты прут со всех сторон.

Она выскочила из дома, вытащила из тына два кола.

- Вот,- показывая на потемневшие от дождя и ветра колья, говорила она,- сейчас найдем и полотно. Тетя Таня, у вас мешковина какая или просто мешки есть?- обратилась она к хозяйке.

- Как же, как же, сейчас.- И женщина стала что-то искать в сенах.

- А теперь нитки покрепче,- не унималась Ина.- Есть суровые?

Носилки действительно были вскоре готовы. И не одни. На них положили раненых, и повозки тронулись в Белоруссию.

А Ину, славную нашу героиню-разведчицу, милую, неумную мою подружку, я больше уже не видела. Так и осталась она в памяти на всю оставшуюся жизнь - в сером свитере, черной юбке и сером платочке, завязанном вокруг головы концами назад. Кто предполагал, что эта встреча будет последней?

- Приготовиться,- передали по цепочке.- Скоро железная дорога.

Высланная вперед группа разведки доложила: железная дорога сильно охраняется, на каждые 500 метров - спаренные пулеметные точки. На переезде - засада. По линии то и дело курсируют патрули.

- Лошадей распрячь! Повозки замаскировать!- передали команду.

Как только меня сняли с телеги, носилки подо мной провалились, нитки лопнули. Я закричала.

- Алексеев, давай вожжи!- окликнул Кузьминых.- Сейчас мы привяжем...

- Что вы? Как привяжете? Как же я выберусь в случае опасности? Мне ж не уползти...

- Вот тебе кинжал,- предложил Саша Кравченко.- В случае чего, как ты говоришь, он лучше пистолета.

Насыпь, которую пришлось преодолевать, оказалась очень высокой. Партизаны тяжело дышали.

- Быстрее, быстрее!- шепотом подгонял командир. Основная масса партизан все-таки передвигалась по шоссе. Так было безопаснее. Но как только стали переводить через линию лошадей и коров, тут же показался на колее патруль с фонариком. Коровы испугались света, замычали. И сразу застучали пулеметы, прочертили ночь трассирующие пули. Пригибаясь к земле, партизаны спешили догонять далеко ушедшую вперед голову колонны.

А колонна свернула в лес. На опушке завязался новый бой.

- Опустите меня,- крикнула я.

- Тише ты, нам так легче тебя нести,- сказал кто-то.

Пули свистели где-то наверху, видимо, стреляли с насыпи. Но пулемет затараторил совсем рядом.

- Клади носилки,- сказал Кравченко.- Пошли, Вася, в обход.

И ребята по звуку подались в сторону пулеметчика. Взрыв! Пулемет захлебнулся.

- Скорей, скорей, отходи,- донеслась команда. Пули тенькали близко-близко. Сбитые ветви били по лицу. По лесу сновали люди, совсем нас не замечая.

- А где раненые?- спохватился кто-то. Тяпин отозвался.

- Бросьте меня, нечего больше мучиться,- молила я.

Отряд вышел к реке. Светила луна, которой до нас было никакого дела. Перебрались по броду, снова погрузились в темень леса.

А вот еще река. Проводник из местных назвал ее Гнилой. Переправляться надо было ближе к месту, где немцы наводили переправу, там меньше ила и зарослей.

- Первый взвод! Занять оборону на противоположном берегу, у выхода к деревне. Второй взвод! На прикрытие брода! Плыть бесшумно! Лошадей и коров сопровождать по двое на голову, чтобы течение не унесло далеко.- Распорядился командир.- На каждые носилки - по шесть человек, по три бойца с каждого бока. Их оружие и боеприпасы передать товарищам. Ну, поплыли!

- Что такое? Кто там в зарослях шастает?

Оказывается, лошадь запуталась и никак не может выбраться.

А командир все подгоняет, потому что близится рассвет, и от этого места надо быть подальше.

Рассвело, когда отряд достиг реки Великой. Но добраться успели не все. Над переправой показались фашистские самолеты. Несколько человек, вскинув винтовки, открыли огонь.

- Ты что зря палишь?- крикнул комиссар бойцу.- Не видишь-"рама"? Разве ее так собьешь?

Два самолета на бреющем полете обстреливали партизан. Выпустив весь боезапас, они улетели.

Благим матом орал Сыропятов. Он кашлял с кровью, страшно ругался. И если бы он один...

Так мы продвигались несколько суток, сопровождаемые немецкой авиацией, отражая преследования немцев и полицаяв.

Уже вечерело, когда мы добрались до деревни Селявщина Россонского района.

Раненых поместили в здании школы. Метался в жару Дубинин. Врач, осмотрев его, сказал коротко:

- Поздно.- И добавил:

- Следующий!

Я стонала, ноги горели в адском огне. Сестра быстро орудовала веревкой, привязывая меня к лавке.

- Руки можешь оставить,- распорядился доктор.

- Готово!

Сестра поднесла врачу инструменты. Раны мои давно не перевязывались, бинты вросли в тело. Доктор был безжалостен, сдирая их с кожи. От дикой боли я нечеловечески завизжала.

- Терпи, партизанка!- успокаивал доктор и продолжал делать свое дело. И я не стерпела, не выдержала, схватилась за кобуру на поясе врача, расстегнула кнопку, заорала:

- Убью!

- Ах ты, дрянь!- возмутился он.- Я ей ноги спасаю, жизнь дарю, а она... - и он гулко, дважды отпустил мне пощечину.- Свяжите ее, пусть не мешает работать.

Я плакала. Плакала от боли, от обиды, от стыда.

После операции меня положили рядом с Дубининым. Он в бреду пел, кидался на стену.

- Перестань,- просила я его, но без толку. После долгих бессонных ночей и трудной операции я задремала и уснула.

А когда проснулась и коснулась холодной, костенеющей руки Сережи, снова испытала шок: он был мертв.

На улице накрапывал дождь. На дворе слышались голоса. Дубинина унесли, и скоро с улицы раздалась винтовочные выстрелы и автоматная очередь – салют партизану.

Пять дней подряд вывозили нас на партизанский аэродром и всякий раз возвращали обратно: фашисты не давали возможности нашим самолетам совершить посадку. Один “дуглас”, летевший к нам, подбили, но летчик сумел сбросить партизанам тюки с грузом, сам, будучи раненым, посадил машину, которая взорвалась уже на земле. Летчику удалось спастись. Лишь на шестой день самолет Р-5 приземлился удачно.

- Первыми отправьте в тыл Тяпина, Барсукову, летчиков и пленного немецкого офицера, – распорядился начальник штаба партизанского движения Соколов.

- Давай сюда! – крикнул летчик.

Нас уложили внизу, под крыльями, у самой gondoly. Таня Кондратьева быстро сбегала за подушкой, но возвращаясь, оступилась и слегка надела каблуком мне на рану. От страшной боли я зашлась криком. Прибежал Ваня Крюков, аж замахнулся автоматом:

- Ну, что ты визжишь, как будто режут тебя! Кругом немцы, понимать надо. Еще раз крикнешь, и не полетишь...

Когда меня затолкали в круглый желоб и закрыли gondolu, я снова закричала:

- Ой, летчик, я задыхаюсь!

От мотора исходило какое-то действительно душное тепло.

- Ничего, голубушка, потом холодно будет.

Самолет набирал высоту. И чем выше поднимал его летчик, тем больше бил меня озноб. Хотела опять что-то крикнуть, да рта не смогла открыть.

Вдруг машину стало кидать из стороны в сторону, послышались хлопки. Это рвались в воздухе снаряды, мы попали в зону обстрела. Сердце замирало от “болтанки”, холода, опасности.

Я мысленно представляла себе, как мы падаем вниз на горячей машине и не могла понять, почему так долго мы не садимся. Ведь говорили, что лету всего минут сорок, а мы находились в воздухе часа два с половиной.

Вдруг самолет резко вздрогнул, накренился. Опять страшные мысли: неужели вынужденная посадка?

Люк открылся, и до меня долетел веселый, даже насмешливый голос летчика:

- Ну как, красавица, жива, не задохнулась?

"Свои"- отлегло на сердце.

- Жива,- еле выдохнула я.

- Выгружай, ребята!- распорядился летчик.

И в это время раздалось:

- Воздух!- Меня снова закрыли, и самолет покати́л в кусты. Когда опасность миновала, парни попытались извлечь меня из машины, долго приноравливались, возились, но ничего не получалось. Партизанское прошлое никак не хотело отпустить в новую жизнь.

Подошла санитарная машина, нас погрузили в нее, и она помчалась по изрытому снарядами и бомбами полю.

В полевом госпитале раненых было много. Меня положили рядом с круглолицей подстриженной под челочку девушкой.

- Кушайте, пожалуйста!- сразу стала угощать она, показывая на яйца и хлеб.- Обедать долго не будет. Откуда тебя привезли?

- Из Белоруссии. Из Россонского края,- тихо ответила я.

- А я сама белорусска, партизанка. Давай знакомиться. Надя Матренкина меня зовут.

- Клава Барсукова,- представилась я.

И тут раздался грохот, шум. Ввалился какой-то больной, лет двадцати пяти, в нижнем белье, вроде бы симпатичный такой, белокурый, и закричал:

- Грибы, стройся! Слушай мою команду! Грибы... - и он схватил табуретку.

Вбежал санитар и мигом увел больного.

- Ничего, это он немного помешался,- пояснила Надя, поймав мой недоуменный взгляд.- Объелся в лесу какими-то ядовитыми грибами, чуть не отравился. А теперь вот заговаривается. Спасли.

Утром мы проснулись рано. Пришли два санитары и понесли меня к машине. Какой-то майор уступил мне место на третьем ярусе. Носилки закрепили. Автобус тронулся. Нас повезли в Старую Торопу.

- Ой, Клава! Ты как сюда попала?- удивленно спросила, узнав меня, землячка из Калинина. Мы работали с ней на

“Ворошиловке”.- Сегодня пойдет на Калинин санлечучка. Но если тебе не обработают здесь раны и не наложат гипс, никуда не поедешь. А гипса нет... Ну, ладно, что-нибудь придумаем...

Через некоторое время я лежала на перевязочном столе. Землячка хлопотала возле врача.

- Ну, привязывай!- распорядился хирург.

- Зачем? Я никуда не денусь,- бойко возразила я.

- Знаем мы вашего брата... Ишь, никуда не денутся!- подмигнул доктор.

Действовал он быстро и ловко.

- А сейчас будет больно. Терпи!- и он с силой рванул на себя ногу, оттянул стопу вниз, а потом, нажав, поставил ее на место.

Я так кричала, что прибежал начальник госпиталя и закрыл мне рот ладонью, чтобы я замолчала и не перепугала других больных. Я же от безумной боли стиснула его ладонь зубами. Он выругался и вышел. А хирург уже заматывал ногу в гипс и все говорил, говорил, говорил:

- Скажи спасибо, что я тебе настоящую ногу сделал, а то была бы стопа как у лошади, и парни тебя любить бы не стали. Когда приеду в Калинин, пригласишь на танцы, а?

- Так вы, наверное, женаты!- слабо улыбнулась я.

- А если нет?

Нога моя согревалась. Боль уходила. Становилось легче.

Вечером меня отправили в Калинин. С тем хирургом я больше не встретилась, даже имени и фамилии тогда не спросила. А жаль.

* * *

Прочитав эти записки, может быть, кто-нибудь и скажет: “Ну и что! А где героинка партизанской войны? Где подвиги?” Так ведь наши будни состояли не только из подвигов, но из отступлений, дальних переходов, смертей и ранений.

Сразу после войны я поспешила изложить все, что запомнила, на бумаге. Толстая папка этих записей лежит в семейном архиве. То, что опубликовано здесь,- лишь последние страницы воспоминаний.

*К. ТЯПИНА (БАРСУКОВА),
разведчица 2-й Калининской
партизанской бригады*

СТРАНУ ЗАСЛОНИЛИ СОБОЙ

Когда я вспоминаю свою партизанскую юность, на память приходят слова известной песни:

Мальчишки, мальчишки, вы первыми ринулись в бой,
Мальчишки, мальчишки, страну заслонили собой...

А кто мы тогда были? Конечно, мальчишки. И не брились еще, и целоваться не умели. Одно было желание - поддержать в руках винтовку, пострелять. Да и на шалости, выдумки были лихими.

И вот война. Призывной возраст без всяких повесток отправился в военкомат. В нашем городе Калязине формировалась дивизия - на фронт. Нас же, ребят двадцать четвертого года рождения, направили на курсы всевобуча (именно всевобуч - всеобщее военное обучение) с отрывом от производства. По окончании курсов ребята вернулись на производство, а меня оставили при учебном пункте. Продолжились занятия с сельской молодежью. Нас, семь человек, лейтенант подготовил инструкторами всевобуча. Я стал командиром отделения, занимался с железнодорожниками, рабочими фабрики "Красный швейник". Что входило в программу подготовки? Матчасть стрелкового оружия, разборка - сборка, стрельба, отработка точности, кучности стрельбы, обращение с бутылками с зажигательной смесью.

Призывники находились на казарменном положении, и я все время был с ними. Тем более при учебном пункте жила вся наша семья, мама работала здесь уборщицей. Другие командиры расходились на ночь по домам, а я оставался, отвечал за несение караульной службы и даже за содержание арестованных на гауптвахте. Это мне придавало важности, солидности. Как же, каждое утро я докладывал самому начальнику учебного пункта о полном порядке. И так продолжалось до апреля 1942 года.

В середине апреля я встретился со знакомыми калязинскими ребятами Гришей Шевелевым, Игорем Глинским, Макаром Березиным, Сережей Некрасовым. После окончания всевобуча

они находились в составе истребительного батальона, патрулировали по городу, за каждым были закреплены оружие и патроны. И сказали они мне по большому секрету, что завтра покидают Калязин, уходят в партизаны. Как так? Без меня? И я сходу бросился в райком комсомола, оттуда - в военкомат. Удивительно быстро была удовлетворена моя просьба: в списки меня внесли сразу.

Дома я сообщил матери, что утром уеду. Что тут было! Сначала - слезы, а потом, конечно, хлопоты, сборы. Назавтра в 10.00 надо уже быть в райкоме. Но в 8.00 - построение на учебном пункте.

Подшло время. Слышу команду строиться. Но она уже не для меня. Однако заместитель начальника пункта лейтенант Смирнов зашел, строго спросил: "Кулаков, почему взвод не строишь?" "Товарищ лейтенант, видите, я собираюсь... В другой строй собрался..." Все-таки вышел к ребятам, попрощался со своими подчиненными, мешок за спину, и был таков!

Первый путь был недалек, всего-навсего до Кимр. Там мы в течение месяца проходили спецподготовку. Там же был сформирован наш отряд "Народный мститель" под командованием П. П. Лесникова. Но вот получено оружие и - прощай, Кимры! Вперед, на запад!

Наш путь пролегал через Москву, где мы остановились на три дня.

Карбины, гранаты оставлены на хранение. Но пулеметные ленты крест-накрест через грудь, и пошли мы гулять по столице. Как смотрели на нас москвичи! Будто мы не за линию фронта направляемся, а уже вернулись оттуда. А мы, необстрелянная пацанва, разгулялись всласть. В парке культуры не пропустили ни одного аттракциона - и в тире постреляли, и с парашютной вышки прыгали. Заглянули в зоопарк и, глядя на зверей, каждому какую-либо кличку придумали. Я стал "лисом", Сережа Некрасов - "кроликом", Игорь - "крокодиличиком", Гриша - "жирафом", Макаша, черноволосый, кудрявый, получил прозвище "пуделя". Дети да и только!

А в пути стали соревноваться в остроумии и рифмовке. Один начинал, другой продолжал:

*Братец кролик, братец лис
В парк культуры собрались.
А жирафа услышала,
С ними ехать пожелаала...*

Так и добрались мы до партизанского града Купуя, где было всего одно здание - что-то вроде школы, и там уже расквартировался отряд П. В. Рындина "За родную землю". Мы же расположились на берегу Ловати. И все бы ничего, но донимали комары. Не комары, а прямо лютые тигры. Только веселый норв нас и спасал.

Вижу вдруг как Игорь Глинский шепчется то с одним парнем, то с другим, а потом подходит ко мне и говорит:

- Вот мы тут посоветовались и решили тебя, Боря, проверить. Командир ты вроде неплохой и инструктором был что надо. Ну-ка, докажи свое умение снайперское. Видишь, птички летают, маленькие такие... Попади в одну.

- Что ж,- говорю,- вызов принимаю. Но при условии: если я птаху подобью, ты ее съешь. В любом виде - сырой, вареной, жареной, на твой вкус и аппетит.

Встал я, зарядил карабин, долго наводил, понимал, что мазать нельзя. Уловил момент и... Попа!л!

Теперь уже была моя очередь посмеяться. Игорь ту луговку сварил, да вот попробовать долго не решался. Но все-таки условие спора выполнил.

К чему это я столь подробно обо всем рассказываю? Да к тому, что мы, партизаны, были людьми, а не ходячими иконами. Не святыми, конечно, а живыми, из крови и плоти, из достоинств и недостатков.

Но вот подошла пора показать себя в настоящем деле. Наша группа получила первое боевое задание. Группа - это шесть человек: Гриша Шевелев - старший, Игорь Глинский, Макаша Березкин, Леша Субботин, Сергей Некрасов и я, Борис Кулаков. Приказ комбрига - поставить мины на Ленинградском шоссе между деревнями Рудо и Большим Таланкином, под носом у большого немецкого гарнизона в Таланкине. С нами вместе отправлялась разведчица Ина Константинова, но задание у нее было, конечно, другое - связь с местными подпольщиками. Конечно, вооружены мы были прилично, но главный наш груз составляли мины, тол, запалы, бикфордов шнур. Причем, мин, как я помню, было двенадцать, в том числе шесть - с часовым механизмом. Эти "игрушки" требовали особого обращения, точности, аккуратности. Ставить их можно было с расчетом на сутки, трое, пятеро.

Предстояло нам пройти путь к объекту - довольно длинный

- незамеченными, при обнаружении противником в бой не вступать, а стараться оторваться подальше от немца, но быть ближе к цели, по возможности привести в бригаду "языка".

О нашем пути все подробно описано в дневнике Ины Константиновой, опубликованном несколькими изданиями. Так что повторяться не буду. Дополню ее рассказ только некоторыми деталями и уточнениями.

Наши пути с Иной в известном месте расходились. Но на дневке у озера Ина оставила лопатник, то есть то, в чем находились документы, а не лопату, как кто-то неуклюже поправил в ее дневнике. Мы отправили Гену и Игоря на поиски, разделив их груз между собой. Догнали они нас. Гриша спрашивает: "Нашли?" Игорь отвечает: "Нашли и потеряли". "Что потеряли?" "Лопатник нашли, дружбу потеряли". Оказывается, в пути Игорь решил объясниться, признаться Ине в любви, и они по этому поводу поссорились. Так что ничто человеческое партизанам не было чуждо.

Но не забывали мы и о задании, конечно. Меня отправили в разведку, и удача мне посопутствовала. Со стороны деревни Индыки попалась мне навстречу женщина. Мы разговорились, и она рассказала, что в деревне расположились полтора десятка полицаяев. Староста лютый, а его жена - еще хуже. Частенько сюда наезжали немцы.

Обо всем этом я сообщил ребятам, когда вернулся к ним. А потом вывел Ину на дорогу и строго-настрого наказал не заходить в деревню. Меня она, к сожалению, не послушала, а что из такого непослушания вышло, сама описала в дневнике.

Но вот и мы достигли цели, подошли вплотную к шоссе. Время клонилось к вечеру. Отметили очень оживленное движение. Что делать? Шевелев предложил устроить засаду, подбить какую-нибудь проходящую машину, захватить "языка". Некрасов и я возражали. Во-первых, преждевременно обнаружим себя, во-вторых, что будем делать с "языком" дальше? Ведь у нас задание на минирование. В-третьих, наведем шум, всполошим немцев. А нужно подумать и об Ине, и о других товарищах. Тем более находимся мы под самым носом у гарнизона. Но Гриша - старший. Решение принимает он.

Цепочкой растянулись вдоль шоссе, по краям встали ребята с гранатами. Слышим гул приближающейся машины. Оказывается, идет возвращение военнопленных со строительства

под охраной немцев. Так что пустить в ход гранаты никто не рискнул, зато буквально "пукнули" из цепи два винтовочных выстрела. Нас как ветром сдуло с шоссе. Отошли не меньше чем на три километра. На лице командира - горечь, отчаяние. Мы его успокоили как могли. Сделанного не вернешь. Надо сосредоточиться на минировании. Погода стала нашим лучшим союзником. Небо затянуло тучами. Чуть моросило. Мы снова подошли к шоссе. В одну сторону отправился Макаша, в другую - Игорь. Другие остались в засаде. Так мы прошли весь участок, поочередно меняясь. Двое несли охрану, двое долбили покрытие, углубляли ямки под мины и тол, двое относили подальше лишнюю землю. Трудились до пота, до крови на руках. Я лично поставил три мины. Другие не отставали. К рассвету у нас оставалась одна, самая коварная мина. В походе мы потеряли запал, но мину решили все-таки поставить, применив запал от гранаты Ф-1. Для исполнения этого плана понадобилась бечевочка. Собрали все концы, шнурки, бинты, которые имелись. Бечевка получилась длиной метров 50.

Последнюю мину ставил я. Место выбрали для нее хорошее - под мостиком. Далее продолжал Березкин. Отошли в укрытие. А Макаша как дернет за самодельную веревку! А она возьми и порвись. И так несколько раз подряд. Макаша дергает, веревочка рвется. Уже рассветает, а мы все возимся. Наконец Макар выдернул злосчастную чеку. А взрыва опять нет. В отчаянии мы даже забыли, где находимся. Стреляем по мине из карабина - результат нулевой. Кто-то бросил гранату РГД. Бесполезно. Леша Субботин бросает противотанковую гранату. Не долетев до мины, она задевает за дерево, разрывается совсем близко от Леши. Подбегаем к товарищу, а он мертв.

Взяли его документы, оружие, спрятали тело в сторонке от шоссе. Нужно спешно уходить. Однако потеряли ориентировку, ворвались на окраину какой-то деревни. Оказывается, Малое Таланкино. Вышли к следующей деревне. Нужно пройти поле с высокой травой, а за ним - такой спасительный лес. Но тут Гриша взмолился - в кирзовых сапогах он натер ноги. Каратели воспользовались нашей задержкой. Началась перестрелка. Мы приняли самое разумное в данной ситуации решение - отрываться от противника поодиночке.

Макаша сиганул в одну сторону, Гриша и Игорь - в другую, мы с Сережей, не приближаясь к кустам, залегли в сторонке, в высокой и густой траве. Видим, совсем рядом движутся двое полицейских. Сергей взял одного на мушку, но не стрелял. Так мы их и проводили под прицелом, пока они не скрылись из виду. Прикрывая друг друга, доползли до кромки леса. И тут такой проливной дождь хлынул, а мы ему очень даже обрадовались. В такую погоду нас никакая собака не сыщет, только на время спрятались в хорошем укрытии. А потом продолжили движение и вышли на окраину деревни Суково, которая чуть не стала последней в нашей жизни, потому что опять нарвались на засаду. Хорошо, что вовремя заметили.

В партизанский лагерь мы пришли позднее других. В пути нас остановил выстрел. Впереди виднелась какая-то деревня.

Видим, на другом ее конце вооруженные люди. Один из них внимательно смотрит в нашу сторону. Говорю Некрасову:

- Я пойду к ним, а ты держи меня на "мушке". Если чужие - стреляй в меня смелее.

Подхожу ближе, демонстрирую радость.

- Наконец-то свои!

А мне в ответ:

- А вы кто?

- Вас больше. Отвечайте вы...

- Мы партизаны.

- Мы тоже.

А сам думаю: если бы мне ответили - "Полиция", я бы ответил тем же словом. Но сомнений не было. Оказалось, это разведчики идущего следом отряда. Мы обменялись необходимой информацией. Товарищи остались в деревне, наш путь лежал дальше. Встретили мы в пути и основной отряд, обменялись добрыми словами.

Наконец, добрались до своей бригады. На доклад комбригу Арбузову даже сил не хватило. Сначала нам разрешили отдохнуть, а уж потом мы собрались все вместе.

Вот такая она, война, совсем не похожая на занятия по всеобучу и тем более - на прогулки по Москве с пулеметными лентами крест-накрест.

А потом много еще было боевых эпизодов, и далеко не каждый кончался благополучно. Потеряли мы Гришу Шевелева, Сережу Некрасова, других отличных ребят. На наших глазах

погиб в смертельной схватке с врагом комбриг Арбузов - замечательный человек, прирожденный военный.

Не одного коня я сменил в партизанских походах. Не раз переходил линию фронта. Бывал и поощрен, и наказан. Получил отпуск и свалился подкошенный сыпным тифом. Провалился без сознания 12 суток, потом полтора месяца лечился и обратно в партизанскую семью уже не вернулся, был направлен во Владимирское пехотное училище. Воевал в составе 129-й Орловской стрелковой дивизии, снова попал в госпиталь с брюшным тифом. После Гороховецких лагерей сменил воинскую специальность, стал артиллерийским разведчиком. Встречался с американцами на Эльбе, штурмовал Берлин. Захватил и войну с Японией. Хватило на мою долю службы и в авиации, и на флоте.

В 1949 году был признан годным к нестроевой службе и демобилизован из рядов Вооруженных Сил.

Не поймите, что я расхвастался. Я рассказал об обычной судьбе обычного русского партизана, ставшего солдатом.

Б. КУЛАКОВ,
командир взвода 2-й
Калининской партизанской бригады

Когда говорят о войне, я всегда вспоминаю родной дом, возле которого росли две красивые липы с гнездом аистов. На одной из них каждый год своим прилетом радовали они жителей деревни Ноувино, что в Пустошкинском районе. Но в 1941 году аисты не прилетели, и отец мой, Парфененков Василий Назарович, сказал, что это плохая примета, быть беде. Так оно и случилось.

В том самом сорок первом я закончила 10 классов в Пустошке. 15 июня отшумел выпускной бал. Время сбываться мечтам. А я, например, мечтала стать артисткой, часто выступала на школьной сцене, песни пела. За это мне вручили дорогой подарок - красиво оформленную библиотечку произведений А. С. Пушкина.

День 22 июня порушил все планы. Не знаю, как для высших сфер, а для нас война оказалась неожиданностью. О войне мы как-то не думали.

Но с первых дней военкомат в Пустошке был переполнен добровольцами. Ушел добровольно в армию и мой брат Петр, приехавший из Ленинграда в отпуск. Две недели их готовили в Пскове, затем отправили в сторону Великих Лук через Пустошку. Он сумел забежать домой, еще раз проститься, прихватил кое-какие продукты и побежал догонять свою часть.

Наша армия отступала. День и ночь шли бойцы через деревни, многие были уже ранены, не имели ни касок, ни винтовок. Население выносило им на дорогу хлеб, молоко, сало, воду.

Началась эвакуация мирного населения. Наш колхоз "Ленинец" Соинского сельсовета до войны был миллионером. Общественный скот мы сумели отправить в тыл и уже в Бежецке передать Красной Армии. Оставшееся распределили между крестьянами. Отец получил хорошую лошадь, мы поехали на восток, но добрались только до Козьего Брода и обнаружили, что фашисты уже впереди нас. Оккупанты через усиленители требовали, чтобы люди в течение трех дней вышли

из леса и вернулись по домам, иначе будут расстреляны как бандиты.

Вернулись и мы. Проселочная дорога была утрямбована как асфальт. Под Пустошкой запахло гарью. Глаз отмечал следы недавнего боя. На земле валялись пустые гильзы, кое-где были видны свежие могильные холмики. Горели разбитые машины. У деревни Фалистово встретились два немецких всадника с плетками в руках.

Дом свой мы застали разоренным и ограбленным. В сарае неподалеку от вокзала станции Пустошка разместился лагерь военнопленных. Раненые стонали, просили помощи, выкрикивали свои фамилии, имена, адреса, чтобы местные жители каким-либо образом сообщили родственникам о их судьбе. Но по тем, кто подходил к лагерю поближе, немцы открывали стрельбу. И все-таки мне удалось несколько раз приблизиться и перекинуть через проволоку продукты и перевязочный материал.

В августе в Пустошкинском районе появились партизаны и подпольщики. Иногда партизаны заглядывали и в нашу деревню. А в 1942 году мы уже знали о партизанских отрядах. В отряде оказался и мой брат Петр, попавший в плен под Великими Луками, но удачно из плена бежавший. Он для маскировки поступил в полицию, прихватил там две винтовки и ушел во 2-ю Калининскую бригаду, в отряд Александрова, руководил там группой подрывников.

Настал и мой черед. Я стала партизанской связной. Часто под видом молочницы ходила в Пустошку, уточняла дислокацию подразделений противника и карательных частей. Мне содействовал устроившийся в полицию Александр Николаев, он добывал необходимые сведения и вообще много помогал партизанам.

Надо заметить, что наша молодежь по домам не сидела. Ушла в отряд Ефименкова Мария. Погибла при зверской расправе власовцев Аня Малкова. Многие воевали в отряде А. А. Александрова, вели разведку, громили гарнизоны. Находился в партизанах и мой дядя Григорий Назарович Парфененков с сыном Василием, которому было всего 13 лет. Они входили в отряд И. К. Никоненка.

Глубокой осенью 1943 года выпал свежий снег. Дядя с сыном стояли на посту и мальчик заснул. А нагрязнули каратели. Вася

заметил их поздно, он был ранен в ногу. Каратели схватили его. Отец видел, как Василия поволокли по дороге, посадили, избитого, на лошадь. Он упал, его били, кололи штыками, наконец, пристрелили и бросили.

Отец ничего не мог сделать, любые его действия выдали бы расположение партизан. Он только сумел предупредить товарищей об опасности. Выбрав момент, Григорий Назарович все-таки подобрал тело сына. Неделю он носил его на плечах, поскольку похоронить мальчика не было никакой возможности. Каратели постоянно преследовали партизан, и только в Идрицком районе удалось откопать могилу юному партизану. Уже после войны отец отыскал это место и перезахоронил сына в Селе Соино. Школа, где учился мальчик, шефствует над его захоронением. Рядом похоронен и Парфененков-старший.

15 октября 1943 года я в последний раз увидела своего брата Петра. Он заглянул в родной дом ночью - отряд менял место дислокации.

Тем временем фронт приближался к Пустошке. Ожесточились каратели. Партизаны небольшими группами уходили в соседние районы. При выполнении задания 20 октября гестапо арестовало отца. Мы об этом не знали. Затем арестовали меня и мать. Вели нас по деревне предатели из карательного отряда Волкова, переодетые партизанами. Маму избили и бросили, а меня привезли в Пустошку, где я увидела окровавленного отца. Семь дней нас пытали, хлестали плетками, но признания в связях с партизанами так и не добились. И начался наш скорбный путь по тюрьмам и концлагерям. Пустошкинская тюрьма, лагеря в Опочке, Моглине, Саласпилсе. В 1944 году нас вывезли во Францию, где отец умер.

В августе 1944 года с тремя женщинами я бежала из концлагеря. Две ночи мы прятались в холодном сыром лесу, а когда, голодные и ослабевшие, вышли на свет, увидели посреди чистого вспаханного поля маленький сарайчик (сторожку). Мы добрались до него, зарылись в солому и уснули. Неожиданно в дверь постучали. Мы очень испугались, думали, что опять попали в лапы к фашистам. Но это оказался мальчик-француз, который принес еду... скрывавшимся в том же лесу беглецам из концлагеря. Еду он бросил нам и убежал, а вскоре

привел отца, мать и девятилетнюю сестренку. Семья французского крестьянина спрятала нас у себя до прихода американских войск. После освобождения от оккупантов хозяин фермы отвел нас в лагерь и на прощание подарил фотографии своих детей.

Первым русским, кого мы встретили в том новом лагере, был известный советский корреспондент Даниил Федорович Краминов. Как мы обрадовались этой встрече! Вместе с ним была пожилая, очень красивая женщина - артистка Мария Муратаева. Они привезли нас в Брюссель, где в доме Муратаевой собралось уже много оказавшихся за рубежом родины и ныне освобожденных пленных. Муратаева была эмигранткой, но сын ее командовал в Бельгии антифашистским партизанским отрядом.

Осенью 1944 года в Брюсселе начала работать советская военная репатриационная миссия. Мы были приглашены сотрудничать в ней. Так что День Победы я встретила за рубежом и с нетерпением ждала выезда в Россию.

А вернулась, много пришлось пережить и трудностей, и обид. Узнала я, что мой брат погиб на фронте в 1944 году.

Артисткой я не стала, стала медицинским работником. Вместе с мужем, военнослужащим, пришлось кочевать по дальним гарнизонам. А с 1961 года поселилась в Калинин, работала фармацевтом.

*А. ЛАПИНА (ПАРФЕНЕНКОВА),
связная 2-й Калининской
партизанской бригады*

"ЗАКОЛДОВАННЫЙ" АЭРОДРОМ

В установившиеся безоблачные жаркие дни июля 43-го налеты фашистских стервятников на деревни партизанского края не прекращались. Гибло мирное население, полыхали дома. Самолеты со свастикой летали низко. Летчики неторопливо выбирали цели для атаки, вызывая панику. Вот в это время и вступила в действие партизанская "противовоздушная оборона". Первым отличился Иван Волов из отряда Ершова. На вбитый в землю кол с колесом от телеги он укрепил свое ПТР и в тот же день со второго выстрела поразил гитлеровский "юнкерс". Самолет под восхищенные возгласы партизан упал за деревней Аверково и взорвался.

После этого пулеметчики начали стрелять по воздушным пиратам. Вскоре еще один вражеский бомбардировщик был сбит. Кто поразил самолет, установить было трудно - по нему стреляли многие, но теперь немецкие "юнкерсы" стали осторожными и летали только на значительной высоте. В результате многие их бомбы просто не попадали в цели. Однако пожары в деревнях не прекращались. Женщины, старики и дети уходили в леса и болота.

- Идрицкий аэродром для нас - сейчас главное, - так определил задачу представитель штаба партизанского движения Алексей Штрахов.

Валентина Васильевна Дроздецкая, проживавшая с сыном Владимиром в деревне Яковлево, расположенной в двух километрах от идрицкого аэродрома, яростно ненавидела оккупантов. Ее муж до войны служил на Себежской погранзаставе командиром. Она перенесла много тяжелых испытаний, поэтому, когда ее сестра по нашему заданию попросила ее собирать сведения об аэродроме, сразу согласилась. Еще в апреле Васильевна, как мы ее звали, передала Сумбарову важные данные об этом объекте. А ее семнадцатилетний сын Владлен, действуя самостоятельно перед уходом в партизаны, незаметно для охраны аэродрома пробрался к складу горючего на краю взлетного поля и в двух

самых больших емкостях открутил вентили. Струи бензина полились в песчаный грунт. Кустами выйдя на дорогу, Дроздецкий через Идрицу пошел в деревню Борки. Однако диверсия, в которой гитлеровцы потеряли большое количество авиационного горючего, для парня не прошла бесследно. В тот день полицейские в райцентре задержали всех местных мужчин и подростков. Схватили и Дроздецкого. На допросе начальник районной полиции Грязнов заставил Владлена раздеться догола. Полицейские по очереди обнюхали всю его одежду и тело, но запаха бензина не обнаружили. После этого его доставили в комендатуру к майору Фогсту на допрос. Два жандарма жестоко избили парнишку и бросили в камеру. Узнав о случившемся от деревенских женщин, видевших, как арестовали Владлена в Идрице, на следующее утро Валентина Васильевна пришла в районный центр и упростила переводчицу комендатуры Антонину Лупа вступить за ее сына. Улик против Дроздецкого не было, и Лупа согласилась. Войдя в кабинет майора Фогста, она сказала:

- Владлен Дроздецкий задержан по ошибке. Он из порядочной семьи. Прошу господина майора освободить юношу.

Через неделю выпущенный на волю Владлен пришел в деревню к матери. Парню явно везло. В это время из нашей бригады в Яковлево с небольшой группой партизан прибыл Николай Бородулин набирать молодежь для пополнения отряда Панова. Из деревень под Идрицей он сумел скомплектовать целый взвод партизан. Вместе с Владленом Дроздецким из Яковлева ушли его друзья Юрий и Семен Дроздецкие, из деревни Рубежник - Мефодий Зинченко, Антон Паташенков, из деревни Малые Гвозди - Ефрем Устиненков и другие местные парни. Перед уходом в бригаду Бородулин скомплектовал две группы. Трофим Ефимов со своими людьми ночью уничтожил двадцатиметровый мост через речку Неведрянка, а группа Анатолия Клюбина у деревни Яковлево сожгла деревянный мост длиной сорок метров на реке Великой. Этот первый успех воодушевил молодых партизан. Пройдя подготовку в Россонском районе, многие из них освоили подрывное дело и вскоре стали ходить на боевые задания.

Вот об этих парнях, выросших в деревнях вблизи идрицкого аэродрома, командование бригады вспомнило в дни массовых налетов фашистской авиации на партизанский край. Перед ними

была поставлена задача провести тщательную разведку аэродрома и его охраны. Действовать предстояло в треугольнике между железнодорожной магистралью Себеж - Пустошка и шоссейными дорогами Себеж - Опочка и Пустошка - Опочка. Тут, за рекой Великой, постоянно базировался только партизанский отряд Ивана Никовника. А охранных войск было много, поэтому оккупанты все еще чувствовали себя хозяевами. Старший группы Николай Бородулин, осмотрев уходивших с ним ребят, улыбнувшись, произнес:

- Ничего, прорвемся.

Ночью, вблизи станции Нащекино, перейдя железную дорогу, партизаны направились в лесной массив за деревней Яковлево. Переправившись через реку Великую, Владлен Дроздецкий, шедший за проводника, вывел группу на высокий холм, на котором росли раскидистые сосны.

- По прямой до аэродрома километра три,- произнес Владлен, указывая рукой в сторону Идрицы.

На четвертую ночь, с момента ухода связных, над Идрицей ночью повисли яркие осветительные ракеты на парашютах, а затем волна за волной самолеты сбрасывали бомбы на аэродром. Около часа стояли сплошной гул бомбардировщиков, сильные взрывы бомб и непрерывная стрельба зениток. Партизаны, прижавшись к стволам сосен, с затаенным дыханием наблюдали за всем происходящим.

- Наша работа дает себя знать,- довольно заметил Юрий Дроздецкий.

Однако, когда с небольшим интервалом вспыхнули и упали на землю два сбитых наших самолета, ребята притихли. И еще больше партизаны огорчились на другой день. Основная часть бомб упала в лес, не причинив фашистам заметных потерь. Утром сорок пять "юнкеров" улетели в восточном направлении. Через час, при обратной посадке, наши наблюдатели на Васелиховой горе недосчитались только трех бомбардировщиков. Но эта потеря гитлеровских самолетов не удовлетворяла партизан. Они думали, что после такого налета нашей авиации аэродром перестанет действовать.

- Что они, замороженные?- рассуждал Филипп Яковлев.

Несмотря на участвовавшие проезды патрульных команд на мотоциклах по окружающим месторасположение группы лесным дорогам, партизаны продолжали выполнять задание. Еще

несколько ночей советские самолеты бомбили аэродром, но результаты по-прежнему были неутешительными. Бородулин и его товарищи стали нервничать.

- Да, заколдованный этот аэродром,- в сердцах сказал Николай.

После обсуждения сложившейся обстановки Бородулин сам связал семь двухкилограммовых зарядов из тротильных шашек и к ним подготовил зажигательные трубки из капсулей детонаторов и метровых концов огнепроводного шнура. Два взрыва наметили произвести в штабелях бомб и пять на стоянках бомбардировщиков. Задача нелегкая, но настрой у всех был боевой. После диверсии место сбора установили за рекой Великой в лесу на месте первой стоянки. Там находились Антон Паташенков и Алексей Романенко, ожидавшие возвращения партизан, направленных в бригаду.

Перед вечером, обойдя лесом деревню Яковлево, партизаны пробрались в полосу кустарника, примыкавшего к взлетному полю с северо-западной стороны. И тут случилось непредвиденное. Они столкнулись с немецкими офицерами, которые в десяти шагах неожиданно вышли из-за широкого куста. Высокий ростом гитлеровец выхватил из кобуры пистолет и выстрелил.

- Партизан, партизан!- закричал второй немец и побежал за куст.

Шедшие впереди Николай Бородулин, Федор Ворожейко и Семен Дроздецкий несколькими очередями из автоматов срезали фашистов. Сейчас решали минуты. Партизаны, быстро забрав планшеты, документы и оружие летчиков, убежали в лес. Задуманная диверсия сорвалась. Аэродромная охрана подняла тревогу. В Идрице с Романовской горы открыли частый огонь зенитные орудия. Снаряды с воем и треском рвались на большой площади лесного массива. Под этот беспорядочный гром группа Бородулина переправилась через Великую и без потерь добралась к месту сбора. Наступили сумерки. У лесной возвышенности, кроме оставленных партизан, Бородулина и его товарищей встретил и Егор Дроздецкий. Его группа днем прибыла сюда из Белоруссии. Отдельные снаряды еще разрывались за рекой, над аэродромом взлетали частые осветительные ракеты.

- Вот это канонада. Как они провожают вас,- сказал Дроз-

децкий, указывая рукой в сторону аэродрома, и продолжил, — мы уже не знали, что и делать.

— Об этом потом. С чем пришли? — нетерпеливо спросил Бородулин.

— Начальник штаба бригады капитан Хубехин приказал всей группе срочно прибыть в расположение бригады.

Хотя немцы и усилили охрану местности, Бородулин увел своих людей из опасной зоны и перед рассветом сумел благополучно перейти с ними железную дорогу. Ночью партизаны прибыли под Россоны в деревню Двор Черепето. В штабном доме их сразу же принял комбриг Гаврилов. Доложив об аэродроме, о налетах нашей авиации и неудачной диверсии, Николай Бородулин передал комбригу документы и два планшета с картами, взятыми у убитых офицеров идрицкой авиабазы.

— За сведения и документы спасибо, но диверсия на аэродроме в вашу задачу не входила. Тебя понимаю... Из-за неудачи не расстраивайся, всякое бывает. Теперь вот слово за ними, — Гаврилов указал на двух незнакомых военных в летных кожаных тужурках, находившихся в избе.

Они внимательно рассмотрели доставленные документы и карты гитлеровских летчиков. Оказалось, что представители командования советских летных частей прилетели из-за линии фронта в бригаду специально для того, чтобы установить причины неэффективности полетов нашей авиации на аэродром.

Спустя двое суток после отлета авиаторов на Большую Землю, наши бомбардировщики нанесли массированный удар по идрицкому аэродрому. В результате бомбежки было уничтожено и повреждено значительное количество "юнкеров" и других самолетов противника, выведено из строя много зенитных расчетов. Одновременно наши самолеты разбомбили два железнодорожных состава на станции Идрица.

Мирное население деревень и партизаны получили передышку. Вскоре фашистская авиация надолго прекратила массовые налеты на партизанский край. Комиссар бригады Васильев, приехав в отряд Панова, собрал партизан группы Бородулина и от имени командования объявил им благодарность за успешное выполнение задания под Идрицей.

*В. ЗАБОЛОТНОВ,
разведчик 3-й Калининской
партизанской бригады*

ПАРТИЗАНСКАЯ КЛИНИКА

Город Опочка, расположенный на реке Великой, где до войны после окончания медтехникума я работала заведующей райздравотделом, находился в западной части Калининской области (ныне это Псковская земля). Опочецкий район, граничивший с Латвией, считался благодатным краем. Полноводные реки, голубые озера, боровые леса, ухоженные поля.

Никто не думал, что солнечный, воскресный день 22 июня 1941 года станет черным днем для нашего народа.

Спешная мобилизация людей, отступление наших войск, поток беженцев, бомбежки, пожарища, паника, слезы женщин и детей, стоны раненых – все это слилось в одну зловещую круговерть, в которой никто не мог разобраться. Фронт приближался стремительно. На восемнадцатый день войны, 9 июля, Опочку захватили гитлеровцы.

Мне со своими медсотрудниками с трудом, но все-таки посчастливилось эвакуироваться. Это было как в кошмарном сне. И, разумеется, я не думала, что через три года, после оккупации, мне вновь придется вернуться сюда.

В Калинин мне дали направление в Кесову Гору, где я год проработала заведующей райздравотделом.

Летом 1942 года меня вызвали в обком партии и... предложили командировку в партизанский отряд. Я согласилась без колебаний, хотя хорошо сознавала, что впереди ждет жизнь суровая и опасная.

Вскоре нас, небольшую группу добровольцев, доставили в деревню Шейно Торопецкого района, где находилась база подготовки для работы в тылу врага. Здесь мы прошли курсы, нас учили владению разными видами стрелкового оружия, конспирации, несению караульной службы.

Моя же задача состояла в том, чтобы научиться выносить с поля боя раненых, перевязывать тяжелые раны и вылечивать их. Что касается лечения болезней, у меня опыт имелся.

В конце августа меня привезли в село Урицкое Велико-

лукского района. Там в это время проходило формирование партизанского корпуса.

После перехода корпусом линии фронта в сентябре 1942 года наша 3-я Калининская партизанская бригада под командованием Алексея Гаврилова разместилась в партизанской зоне Белоруссии - в деревне Двор Черепето.

Меня направили в 1-й взвод первого отряда. Постоянно шли бои с немецкими гарнизонами, велась разведка, и раненые поступали и размещались среди населения.

Учитывая сложность оказания медицинской помощи в разрозненных пунктах, в марте 1943 года командование бригады решило организовать госпиталь 3-й Калининской бригады во главе с хирургом и лечащим врачом Вадимом Дмитриевичем Щегловым, а меня назначили его первым помощником.

По оснащению медицинским оборудованием, а, главное, медикаментами наш госпиталь, конечно, далеко отставал от госпиталей прифронтовых, но задача перед нами была та же: лечение и уход за больными и ранеными. Боевые действия бригада вела постоянно, раненые поступали, лечились и возвращались в строй, но большие боевые операции, такие, как "Савкинский мост", значительно осложняли работу госпиталя, так как поступало много раненых и размещать их приходилось не только в госпитале, но и по избам местного населения.

В том бою был ранен осколком и командир нашей бригады А. М. Гаврилов. Отправить его за линию фронта было невозможно, так как самолеты к нам не прилетали. Операция прошла в госпитале, а ее сложность заключалась в том, что без рентгена трудно было установить положение осколка.

Все-таки хирург Щеглов операцию провел удачно. Лечение под его наблюдением проводилось на дому.

Нередко к нам в госпиталь обращалось и население с различными заболеваниями, и мы помогали чем могли.

Весною 1943 года случилось ЧП: бойцы заболевали сыпным тифом. Источников заражения было предостаточно. Требовалась срочная госпитализация заболевших. Открыли дополнительно изолятор в деревне Корзуново. Заболел сыпным тифом и доктор Щеглов. Мне пришлось возглавить госпиталь. Не хватало медицинских работников по уходу, не было медикаментов. Большая нагрузка легла на партизанских сани-

тарок Катю Иванову, Женю Корзину, Лену Лисову, Феню Синицыну, которые в труднейших условиях выполняли свой долг. Но, к нашей чести и счастью, смертельных случаев при сыпном тифе не было.

Тяжело мы переживали потерю в боях под Долосцами санитарок Шуры Ивановой, Шуры Романовой, политрука 1 взвода Егорова. Из двух братьев Ивановых Петр был убит, а Александр тяжело ранен.

В июле 1943 года наш госпиталь подвергся немецкой бомбежке. Были выбиты окна и двери. Бригада перешла в лес, в землянки у деревни Юховичи. Туда перевели и госпиталь. Но относительно спокойная жизнь в лесу продолжалась недолго. Уже в августе 1943 года бригада получила задание перенести боевые действия в Опочечский район. Ввиду трудности перехода, госпиталь решили оставить пока на месте в лесу. Я оказалась здесь старшей. Первые два месяца были относительно тихими, но фронт приближался к партизанскому краю. В ближайших населенных пунктах появились немецкие гарнизоны. Продукты питания у нас подходили к концу. Нависшая опасность заставила принимать дополнительные меры предосторожности. А в конце ноября выпал большой снег, и пройти или проехать, не оставляя следов, стало невозможно.

Выезд за продуктами питания Кати Ивановой с ездовыми братьями Киселевыми и Александром Жуковым чуть не закончился трагедией. При возвращении из деревни Корзуново от Анны Савельевны Горецкой, которая собирала продукты по деревням Корзуново, Глоты, Черепето и помогала госпиталю чем могла, у деревни Юховичи их заметили немцы, открыли огонь и начали преследование. С большим трудом обоз сумел оторваться. Ночь наши товарищи провели в большом напряжении.

Утром партизаны, находившиеся в охране, увидели цепь карателей. К счастью, они прошли стороной. Оставаться госпиталю в лесу было опасно, могли погибнуть все. С наступлением холодов многие партизанские отряды, бригады и население уходили за линию фронта. У нас же выхода не было, связь с бригадой отсутствовала, а выходить самостоятельно, без поддержки, мы тоже не могли.

Мы узнали, что 20-я партизанская бригада тоже решила выходить за линию фронта. Я обратилась к ее командованию

с просьбой взять наш госпиталь. Командир бригады М. А. Ершов согласился. На следующее утро, когда еще было темно, мы покинули землянки и вышли в путь, а вскоре влились в поток белорусских, латышских, калининских партизан, уходивших за линию фронта. Вместе с партизанами шло и местное население. Лавина людей в сумерках подошла к переправе через реку Нища. По обледенелым бревнам, устланным по еще не замерзшей реке, люди устремились на другой берег. Слышались крики, началась паника, откуда-то гитлеровцы ударили из пулеметов. Вступило в бой охранение партизан. Часть отрядов реку все-таки перешли, но перед рассветом к переправе подошли немецкие танки, и мы вынуждены были отойти.

Решение командира было единственным: переходить линию фронта только небольшими группами, а пока вернуться в землянки.

Ершов предупредил меня, что переход будет труден, особенно для больных, но выбора не было.

Десять дней в конце декабря 1943 года длился изнурительный переход за линию фронта, без крыши над головами, без продуктов питания. По пути набрали в лесу на партизанские запасы зерна и ржаной муки, и это очень помогло подкрепить остаток сил. Инстинкт самосохранения был очень велик: больные с высокой температурой при опасности даже находили силы бежать.

4 января 1944 года наша разведка - Юрий Барабанов, Геннадий Сафронов и Виктор Шестов - принесла радостную весть, ребята встретились с бойцами Красной Армии. Через несколько минут они были в теплой землянке среди своих и доложили, что по нашему следу выходит вся 20-я партизанская бригада. Трудно описать радость этих встреч. Многие плакали.

Вскоре меня откомандировали в Калининский облздравотдел. Через месяц я снова была в прифронтовой полосе и вплоть до освобождения Опочецкого района от гитлеровских оккупантов работала в эпидемиологической бригаде Невельского района. Я была счастлива вернуться в Опочку и заняться любимой и нужной работой.

*А. АНИСИМОВА,
начальник госпиталя 3-й Калининской
партизанской бригады*

ОПЕРАЦИЯ “САВКИНСКИЙ МОСТ”

Начало 1943 года ознаменовалось крупными успехами Красной Армии. Мы, партизаны, естественно, не знали, будут ли в ближайшее время (после освобождения в результате штурма города Великие Луки) новые наступательные операции на фронте. Но весть о нашей победе под Сталинградом добавила нам свежих сил. Жадно ловили мы каждое сообщение из Ленинграда. Действовали мы тогда в четырехстах километрах от него, но добрая половина наших ударов приходилась по коммуникациям врага в направлении к берегам Невы.

Весной того же памятного года я командовал 1-й Калининской партизанской бригадой. В ее рядах насчитывалось около 1300 человек. Делилась бригада на 7 отрядов, на вооружении которых было 54 пулемета, 13 минометов и 3 пушки.

Еще в первые месяцы партизанской жизни вместе с артиллеристами-энтузиастами Петром Цапаевым, Иваном Аленьким, Михаилом Клименко, Петром Котовым и Александром Селедковым мы добыли противотанковую пушку, а позднее нашли в лесах и собрали еще две. Польза от нашей артиллерии была большая, особенно в психологическом плане. Откроют, бывало, гитлеровцы ураганный автоматный огонь, а мы молчим, молчим, и вдруг как бабахнут наши орудия - и пыл у карателей сразу остывает. Сила, значит, раз партизаны из орудий палят.

А силой в 1943 году мы были действительно немалой. Там, где раньше действовали отдельные отряды и две-три небольшие бригады, теперь на берегах рек Великой, Иссы, Синей, Ущи, Неведрянки, Сороти сражалось с врагом целое партизанское войско.

Внутреннюю спайку бригады, дисциплину цементировали коммунисты. Когда я становился на партизанскую тропу, в нашем отряде было четыре кандидата в члены партии. Даже комиссар отряда Павел Александрович Новиков не был еще членом партии. В марте 1943 года партийная организация

бригады состояла из 297 коммунистов. Комсомольцев у нас было 272 человека.

Особенно усилилась партийная прослойка в бригаде и стала еще заметнее авангардная роль коммунистов с приходом к нам Идрицкого подпольного райкома ВКП(б) во главе с Василием Алексеевичем Дунаевым, который стал комиссаром бригады.

То были нелегкие для партизан дни. Потерпев поражение под Великими Луками и боясь новых ударов советских войск, фашистское командование решило очистить свой тыл от партизан в треугольнике, образуемом городами Невель - Полоцк - Себеж. В карательную экспедицию против калининских, белорусских и латышских партизан было брошено до пяти полков охранных войск и сводные отряды из гарнизонов Себежа, Идрицы, Пустошки, Красногородска. Командовал карателями генерал-майор Якоби.

Две недели мы отбивали натиск экспедиции. В боях в районе деревни Павлово 10-11 февраля противник потерял только убитыми более трехсот человек. Эту деревню обороняла наша бригада при активной поддержке бригады Гаврилова и латышского отряда Самсонса.

В конце февраля на нас обрушилась вторая карательная экспедиция. В ней участвовало до 20 тысяч солдат противника с артиллерией и авиацией. Каратели уничтожили все населенные пункты на своем пути. Двигались они со стороны Латвии. Возглавлял их командующий войсками СС и полиции Прибалтики Еккельн.

28 февраля калининские, белорусские и латышские партизаны объединили свои усилия и активными действиями остановили продвижение карателей, а затем заставили их покинуть контролируемые нами районы.

В случае необходимости мы могли оперировать большими силами, нападать на вражеские гарнизоны и объекты несколькими бригадами. Примерами подобных действий и была операция, вошедшая в историю под известным названием "Савкинский мост", осуществленная в марте сорок третьего года. Многометровый мост у деревни Савкино был расположен на открытой болотистой равнине. Фашисты создали вокруг него сильную оборону: проволочные заграждения в четыре кола, минные поля, станковые пулеметы и минометы на насыпи, несколько

дзотов поблизости. Ночью подходы к мосту по полотну железной дороги закрывались "ежами" из колючей проволоки. Охрана моста то и дело освещала местность ракетами.

Руководство подготовкой операции и командование было поручено уполномоченным штаба партизанского движения И. Веселову и А. Штрахову. На состоявшемся 20 марта совещании командиров они предварительно расставили силы бригад и отрядов, определили задачи по разгрому и блокировке пяти гарнизонов противника и уничтожению железнодорожного и шоссейных мостов через реку Неведрянка восточнее Идрицы. Мне с отрядами Задерина и Ботова, комбригу Гаврилову с отрядами Чернова и Панова, отрядам Карпенкова и Ахременкова из бригады Семина предстояло разгромить гарнизон в деревне Савкино, уничтожить охрану и взорвать железнодорожный мост.

Разведка велась очень тщательно. Сведения о количественном составе, вооружении и характере обороны представили разведчики отрядов Карпенко и Задерина. Разведчик Андрей Тарасенко из отряда Карпенко был местным жителем. Он хорошо знал многих жителей населенных пунктов, где располагались гарнизоны. Тарасенко был главным проводником командирской разведки и отрядов во время операции.

Заместитель командира отряда по разведке Александр Соловьев с разведчиками из отряда Задерина - Николаем Аникиным, Татьяной Москвиной, Марселем Кабулиным через местных жителей братьев Николая и Василия Обуховых также представил в штаб бригады точные сведения о характере оборонительных сооружений и численности охраны Савкинского моста.

После второй разведки Веселов и Штрахов отдали приказ: в ночь с 30 на 31 марта 1943 года разгромить гарнизоны в Савкино, Могильно и Нащеккино, взорвать Савкинский железнодорожный мост, а гарнизоны в Идрице и Сутоках блокировать. Особенно нас беспокоила Идрица, где находилось около двух тысяч вражеских солдат и офицеров. Чтобы помешать им подтянуться к Савкину, взводу Боярова из нашей бригады было приказано подорвать несколько небольших шоссейных мостов, уничтожить линии связи, подорвать железнодорожное полотно у станции Идрица. Все дороги, по которым противник мог подбросить подкрепления к месту боя, минировать.

В 12 часов дня 30 марта все двадцать два отряда двинулись в путь. Жители деревень, где мы проходили, были удивлены и говорили, что если бы сами не видели, никому бы не поверили, что партизаны располагают такими силами. В селе Чайки старухи, стоя у дороги, осеняли крестным знаменем партизан, прося бога помочь нам "одолеть супостата, очистить землю-матушку от фашистских нехристей".

Стояла сырая пасмурная погода, временами моросил дождь. Недавно стоял снег, и дороги были труднопроходимыми. Колонна двигалась пешим строем. Было лишь несколько повозок со взрывчаткой, да пара лошадей тащила 45-миллиметровую противотанковую пушку.

Совершив 50-километровый переход, перейдя незамеченными через шоссейную и железную дороги, в 4 часа утра 31 марта партизанские отряды подошли к Савкину и начали занимать исходную позицию для броска. У моста в это время раздалось несколько выстрелов. И почти сразу в небо взвились две зеленые ракеты - сигнал для нашего удара.

По приказу начальника штаба бригады Халтурина наши отряды открыли по деревне огонь из всех видов оружия. Под дружное "ура" партизаны устремились в Савкино. Гитлеровцы встретили их сильной, но беспорядочной стрельбой. Уже через полчаса посланные Халтуриным связные доложили мне, что отряды полностью овладели деревней и вместе с бойцами шестой бригады ведут бой, уничтожая очаги обороны, расположенные между деревней и мостами.

Бойцы отряда Чернова под огнем противника пересекли железнодорожное полотно, овладели южной стороной железной дороги и достигли моста. В первых рядах наступающих был командир взвода автоматчиков Чайкин. Бесстрашно действовали бойцы Бойкин, Яременко, Иванов, Александров. Смертью героя пал у моста командир взвода Николай Петрович Иванов.

Теперь опорный пункт противника у моста был окружен с трех сторон. Можно было, не ожидая полного уничтожения его, приступить к минированию мостов.

В разгар боя на берегу реки, между мостом и деревней, фашисты подожгли отдельно стоящий сарай. Его пламя освещало прилегавшую местность. Теперь гитлеровцы хорошо видели наступающие партизанские цепи и усилили обстрел.

Ружейно-пулеметным огнем партизан от деревни Савкино и взвода автоматчиков от железнодорожного моста огневые точки врага на противоположном берегу реки были подавлены. Командир отряда Задерин, воспользовавшись этим, приказал нескольким бойцам спуститься с обрыва к реке и разведать берег. Те вскоре вернулись, доложили: берег свободен.

Теперь основной опорный пункт врага был полностью окружен. Я приказал стрелять только тогда, когда партизаны были твердо убеждены в том, что не поразят своих. Бойцы, пробираясь через проволочные заграждения, забрасывали фашистов гранатами. Огонь противника вскоре прекратился. А в шесть часов утра, сотрясая воздух, прогремели два мощных взрыва. Посланные на мост разведчики доложили: ферма моста упала в воду.

К 7 часам утра нам были известны и результаты операций на станции Нащекино и в поселке Могильно. Отряды третьей бригады под командованием Михаила Алексеевича Ершова внезапно ворвались в Могильно и овладели им после короткого боя. Были подорваны и сожжены два крупных шоссе-ных моста на реке Неведрянка. Полному разгрому подвергся и гарнизон Нащекино.

Начальник центрального штаба партизанского движения П. Пономаренко писал в 1943 году в журнале "Большевик": "Такие операции, как операция украинских партизан, разгромивших Сарнский железнодорожный узел, взрыв Савкинского моста и разгром Сутокского гарнизона, совершенный калининскими партизанами, войдут блестящими страницами в историю Отечественной войны".

*Ф. БОЙДИН,
командир 1-й и 4-й Калининских
партизанских бригад*

В этот тяжелый для Родины 1942 год Калининским обкомом ВКП(б) и штабом партизанского движения Калининской области недалеко от города Кувшиново в селе Прямухино была создана и начала работу спецшкола, в которой стали готовить командный состав, инструкторов подрывного дела, подрывников, пулеметчиков, минометчиков, разведчиков для партизанских бригад и отрядов, действовавших в оккупированных фашистами районах Калининской области.

Спецшкола начала готовить партизанские кадры в июле 1942 года, а уже в ноябре по инициативе Калининских обкомов ВКП(б) и ВЛКСМ, в основном, из молодежи, окончившей спецшколу, была сформирована 4-я Калининская партизанская бригада в составе трех партизанских отрядов.

Командирами отрядов были назначены Петр Добряков, который до поступления в спецшколу за бои в тылу врага на белорусской земле был награжден орденом Красного Знамени; Григорий Мальцев - он до школы участвовал в боях на Калининском фронте. Третий отряд, которым командовал Цепелев, уже вел бои с врагом в Великолукском районе. Этот отряд в полном составе был включен в бригаду.

Комсомольско-молодежной мы назвали свою бригаду потому, что из 216 партизан и партиzanок, которые были зачислены в бригаду, 96 были комсомольцами и среди них 12 добровольцев-сибиряков, которые прибыли в спецшколу по направлению ЦК ВЛКСМ из Новосибирской области.

Возглавили бригаду 18 коммунистов и среди них командир бригады, работник штаба партизанского движения Василий Лисовский, начальник штаба бригады Иван Васьков, заместитель командира бригады по разведке Василий Баранов.

Приказом штаба партизанского движения местом действия и базирования бригады был определен Себежский район.

Получив вооружение (винтовки, автоматы, пулеметы, противотанковые ружья, ротные минометы), необходимые боеприпасы и взрывчатку, продовольствие, литературу (газеты,

листовки, брошюры), проведя партийно-комсомольские собрания и митинг, посвященный 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, бригада материально и морально была готова к предстоящим боям и походам.

Погрузившись в вагоны, бригада прибыла в город Торопец, из которого походными колоннами направилась в деревню Шейно, где тогда располагалась оперативная группа штаба партизанского движения для связи с войсками Красной Армии.

Отдохнув в Шейно, получив дополнительно боеприпасы, продовольствие, свежие газеты и приняв в бригаду радистов с радиостанцией "Север" (радисткой в тыл врага шла девушка с Урала Зоя Копылова), бригада начала движение к линии фронта. Чтобы не обнаружить себя и не попасть под бомбежку вражеской авиации, двигались только ночью.

Прибыв на границу Великолукского и Локнянского районов, где проходила линия фронта и намечался переход в тыл врага, бригада начала готовиться к трудному и опасному маршу. Командиры отрядов, заместители командиров по разведке намечали и изучали маршруты движения по карте, провели собрания отрядов, на которых были обсуждены задачи во время похода в тылу врага.

Все было готово, но по радио вдруг был получен приказ штаба партизанского движения: "До особого указания линию фронта не переходить".

Шли дни, в отрядах проводили занятия по изучению оружия врага, разведчики вели учебную разведку, но вот 3 декабря в место расположения бригады прибыл латышский партизанский отряд в составе 70 человек. Командовал отрядом Вилис Петрович Самсонс, ныне Герой Советского Союза. Латышский отряд направлялся для организации партизанского движения в Латвии, прошел весь путь до Себежского района с нашей бригадой и не порывал связи с нами до конца борьбы в тылу врага.

Сообщив в штаб партизанского движения о прибытии латышей и получив радиогранму, в которой разрешалось начать поход, бригада, обсудив все вопросы с командованием латышского партизанского отряда, в 18 часов 4 декабря начала движение к линии фронта.

Здесь необходимо сказать о том, что в районе, где намечался переход в тыл врага, сплошной линии фронта из-за боль-

шого количества болот и бездорожья не было. Наши войска и войска противника занимали оборону только на возвышенностях и в населенных пунктах.

Пройдя по тропе, проложенной разведчиками великолукского партизанского отряда по болоту, разведчики бригады подошли в районе станции Насва к железной дороге Новоскольники - Ленинград, провели разведку, и около двух часов ночи 5 декабря 1942 года бригада, преодолев железную дорогу и проходящее рядом шоссе, начала свой путь по тылам врага.

Перед рассветом, пройдя за ночь около пятнадцати километров, бригада остановилась в деревне Поддубье (Локнянский район) переждать день и отдохнуть, а с наступлением темноты начать движение на запад.

Обнаружив следы и получив данные о движении в свой тыл вооруженных партизан, фашистское командование направило на преследование около 70 солдат, которые находились на отдыхе в Локнянском районе.

В полдень, обнаружив врага, бригада заняла оборону. Бой был коротким. Бросив оружие, 15 убитых, 8 раненых, гитлеровцы в панике бежали. Захватив оружие (пулеметы, автоматы), боеприпасы, документы, пленных и не понеся потерь (в этом бою у нас не было даже раненых), наша молодежь поняла, что врага можно бить.

Десять ночей, в пургу и мороз, длился этот переход по оккупированной захватчиками территории Локнянского, Кудеверского, Пустошкинского и Опочецкого районов. Редко выдавался день, чтобы не было схваток с врагом.

9 декабря в деревне Тимохово Кудеверского района бригада уничтожила 21 фашистского вояку, предателей-полицейских и среди них - начальника монинской полиции. В деревню Тимохово начальство кудеверского гарнизона выехало по данным, полученным начальником полиции о том, что в ней остановились около сорока плохо вооруженных бандитов (так фашисты называли партизан). Все это стало известно позднее из записной книжки, которая была найдена у убитого начальника полиции. Выезжая в Тимохово, фашистские вояки рассчитывали получить от своего фюрера железные кресты, а получили наши, березовые.

В каждой деревне, где останавливалась бригада, мы рассказывали населению о жизни в советском тылу, об уничто-

жении трехсоттысячной фашистской армии фельдмаршала Паулюса, окруженной в Сталинграде, о последних сводках Совинформбюро.

Обязательно оставляли свежие газеты с докладом И. В. Сталина "О 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции". Таких газет политработники несли в тыл врага около трехсот. Вручая газеты, мы просили, чтобы после прочтения в своей деревне их передали надежным людям в следующую деревню.

Только благодаря тому, что наш народ, оставшийся на оккупированной врагом территории, помогал нам продовольствием, обеспечивал проводниками и транспортом, рассказывал, в каких населенных пунктах располагались фашистские гарнизоны, бригада смогла почти без потерь (за время похода у нас был только один убитый и трое раненых) прибыть в район базирования и действий.

Ранним утром 13 декабря бригада расположилась в деревне Адерева, находящейся в 30 километрах к северу от Себежа, а уже к 14 часам была установлена связь с Себежским подпольным райкомом ВКП(б). Установить ее нам помогли жители деревни Адерева. Под вечер к нам прибыли секретарь райкома партии Андрей Семенович Кулеш и командир себежских партизанских отрядов, заведующий районом Владимир Иванович Марго.

Себежский подпольный райком партии создал на территории района три партизанских отряда. Позднее из них была сформирована 5-я Калининская партизанская бригада, которую возглавили Марго и Кулеш, но один из местных отрядов в количестве 95 человек под командованием Малаховского и Волисова был передан нашей бригаде.

Вернемся к вечеру 13 декабря. Беседа с руководителями района затянулась допоздна. Мы интересовались положением в районе, где и какие расположены вражеские гарнизоны, как относится к партизанам население, как партизаны обеспечены продовольствием, а Марго и Кулеш расспрашивали о жизни на Большой земле, о последних событиях на фронтах Отечественной войны. В этой беседе активное участие приняли и руководители латышского партизанского отряда Самсонс и Ошкалн, они интересовались связью себежских партизан с Латвией.

Тогда мы и не знали, что фашистское командование уже 5 декабря, когда мы вели бой в Поддубье, дало задание всем гарнизонам, расположенным на нашем пути, во что бы то ни стало уничтожить нашу бригаду. И получив данные, что мы остановились в деревне Адерева, фашистские гарнизоны Себежа, Идрицы, Опочки в спешном порядке, ночью вышли на уничтожение партизан.

После крепких морозов наступила оттепель, пошел дождь, снег почти полностью растаял. Ночь с 13 на 14 декабря была темной. Разведка гитлеровцев, двигавшаяся из Опочецкого района, убив нашего часового, ворвалась в деревню и забросала первый дом, в котором располагались партизаны отряда Мальцева, гранатами.

Начался ночной бой, который длился до 8 часов утра. Наша бригадная разведка, обнаружив стык между фашистскими частями, окружившими Адерева, в густом, поднявшемся к утру тумане, по ложине вывела бригаду в направлении деревни Афанасьева Слобода, вместе с нами из этого окружения вышли отряд латышей и руководители Себежского района Марго и Кулеш.

С высоты, что расположена около Афанасьевой Слободы, мы наблюдали в бинокли, как около 12 часов дня, когда рассеялся туман, фашисты открыли ураганный огонь из минометов. Деревня Адерева горела. Минут через тридцать после огня из минометов со всех сторон гитлеровцы начали наступление на деревню, но там уже не было ни партизан, ни населения.

Дорого заплатили захватчики за попытку уничтожить партизан. Более двухсот солдат и офицеров было убито и ранено в этом ночном бою. Но и мы не досчитались своих боевых товарищей: 8 человек погибли, семеро получили ранения.

К вечеру через урочище Лоховня бригада вместе с себежскими партизанскими отрядами и латышами пришла в деревню Заболотники, а в ночь с 14 на 15 декабря, перейдя через Бондаревский переезд железную дорогу Себеж - Зилупе, прибыла в южную часть района и расположилась в деревнях Волцня и Орловичи.

После короткого отдыха, приема партизанского отряда Малаховского, бригада перебазировалась в деревни Лисно, Волесы, Кобыльница Белорусской ССР - эти деревни находятся на границе с Себежским районом. В одной из деревень

Белоруссии, расположенной в партизанском крае, был создан партизанский госпиталь, возглавлял который фельдшер, пришедший с бригадой из советского тыла, Павел Цветков.

Бригада приступила к выполнению приказов штаба партизанского движения, которые мы регулярно получали по радио.

Долгих 558 дней, в пургу и мороз, днем и ночью находясь в боевой готовности, шли на задания разведчики, группы подрывников, "охотники" за фашистскими солдатами и офицерами, взводы и отряды, а в отдельные дни - в полном составе бригада.

Ежедневно в далеком советском тылу штаб партизанского движения получал от бригады по радио данные о противнике, который находился на территории Себежского района, и о передвижениях гитлеровцев по железной дороге Рига - Москва и шоссейным дорогам, проходящим по Себежскому району.

Вели работу среди населения района наши агитаторы. Они разносили по деревням сводки Совинформбюро, а иногда газеты и листовки, получаемые нами с Большой земли. Летом 1943 года, когда штаб бригады и отряды располагались в деревнях Кортенки, Бондари, Козинка, из советского тыла к нам прибыл киномеханик с кинопередвижкой. Более недели в деревнях партизанского края для партизан и колхозников показывали кинофильмы "Чапаев", "Щорс" и "Разгром немцев в Сталинграде".

В Себеже, Стеймаках, Глубочице стояли фашистские гарнизоны, а за 8-10 километров от них советские люди смотрели фильм о разгроме фашистов Красной Армией.

После прибытия в район действия бригадные и отрядные разведчики под руководством заместителя командира бригады по разведке Василия Филипповича Баранова создавали подпольные разведывательные группы в городе Себеже и населенных пунктах, в том числе и в фашистских гарнизонах. Дмитрий Алексеев, Борис Сушилов и Модест Сенченков через мать Модеста Анну Семеновну держали постоянную связь с подпольной группой себежан, возглавлял которую Иван Квич. Немало ценных разведывательных данных дала эта группа, а в одну из поездок в Себеж Анна Семеновна привела из города австрийца, который решил уйти к партизанам.

Много сделали наши славные разведчицы Мария Натунич, Мария Пынто, Фрося Капитонова.

23 февраля 1943 года, по данным Фроси Капитоновой, бригада нанесла удар по фашистскому гарнизону на станции Запрудня. В этом бою были взорваны семафоры, железнодорожные стрелки, убито и ранено более 20 фашистов.

Иван Лукин, из числа добровольцев-сибиряков, со своей подрывной группой из 5 человек за полтора года пустил под откос 11 воинских эшелонов, взорвал 2 железнодорожных моста, подорвал 5 автомашин, танк, бронепоезд. Много мин, поставленных на железной дороге группой Лукина, фашистами однако были сняты. В июне 1943 года мы получили данные, что все эти мины складировались в сарае в деревне Логунь, где в то время стоял гарнизон. Рассказали об этом Лукину. Соорудив мину замедленного действия, установив для маскировки взрыватель нажимного действия, он поставил эту мину на железную дорогу в районе Логунь и плохо замаскировал.

Мина немцами была обнаружена, снята и положена в сарай вместе с другими, но через несколько дней комендант Себежа приказал все партизанские мины, снятые с железной дороги, доставить в город.

Мины были доставлены, а 31 июля в 3 часа дня в подвале школы, в котором хранились взрывчатка и боеприпасы, произошел взрыв. Вместе со школой, от которой ничего не осталось, были уничтожены и 69 гитлеровцев.

В начале 1943 года партизан Мартын Мартынович Валлас с группой товарищей из отряда Малаховского доставил в бригаду 45-миллиметровую пушку, которая была оставлена нашими войсками при отступлении в 1941 году. Снарядов было мало, и только бронебойные, но было решено: 31 декабря 1943 года в 23 часа 30 минут обстрелять из орудия Себеж, не дав фашистам встретить новый 1944 год.

Партизанская пушка, как мы ее называли, к 23 часам была доставлена артиллеристами, которыми командовал Валлас, на Лысую гору около деревни Селявы, и через 30 минут по Себежу было произведено около десяти выстрелов. Вместо встречи Нового года фашисты и их полицейские прихвостники всю долгую новогоднюю ночь сидели в обороне, ожидая наступления партизан.

Пополнение бригады шло за счет молодежи района и бежавших из фашистских лагерей. Все они приходили в бригаду

с оружием. Уже к февралю 1943 года наша бригада насчитывала 534 человека, объединенных в пять партизанских отрядов.

С 25 февраля по 10 марта 1943 года, почти 15 дней, 4-я и 5-я Калининские бригады совместно с Латышской бригадой Самсонса и Белорусской партизанской бригадой Освейского района сдерживали натиск карателей, которые рвались в партизанский край с запада. Другие же партизанские бригады и отряды белорусов, находящиеся на территории Россонского и Дриссенского районов Белоруссии, и калининские бригады - на территории Идрицкого и Себежского районов вели ожесточенные бои с карателями, наступавшими на партизанский край с юга, востока и севера.

Ни самолеты, ни артиллерия, ни сотни карателей, до зубов вооруженных автоматами, пулеметами и минометами, не сломили партизан. Понеся большие потери, они ни с чем возвратились в свои укрепленные гарнизоны, а население партизанского края до прихода Красной Армии продолжало жить по законам советской власти.

В апреле 1943 года приказом штаба партизанского движения командиром нашей бригады был назначен Федор Тимофеевич Бойдин, а Лисовский принял 1-ю Калининскую партизанскую бригаду, которая базировалась и действовала тогда в Идрицком районе.

Боевая жизнь бригады продолжалась. 29 апреля 1943 года, в подарок Международному пролетарскому празднику 1-е Мая, два отряда бригады устроили засаду на шоссе Себеж - Опочка в двух километрах севернее деревни Заверняйка, там, где шоссе вплотную подходит к реке Великой. Из засады было уничтожено четыре солдата из гарнизона Заверняйки, а один взят в плен (в это время в гарнизоне стояли немцы и армяне из так называемого "армянского легиона"), были убиты четыре лошади, захвачено оружие и боеприпасы. Эта засада дала нам возможность через пленного, которого мы зачислили в состав бригады, связаться с командиром роты в Заверняйке Бабасяном и склонить армян перейти к нам. Всю работу по связи с гарнизоном и переходом его к партизанам провел отряд, которым командовал Василий Филиппович Рыбаков.

В начале июля гарнизон Заверняйки в количестве 80 человек, уничтожив немцев и взорвав танк, который немцы прислали

для устрашения партизан, с двумя станковыми пулеметами, с полным вооружением и боеприпасами, вместе с отрядом Рыбакова, который вошел в Заверняйку, когда там началось уничтожение немцев, прибыл в деревню Замкова Морозовка Томсинского сельского Совета.

Приняв партизанскую присягу, армяне до освобождения района вместе с партизанами бригады били фашистов.

Почти в это же время из гарнизона Кузнецова, сагитированные нашими разведчиками Марией Пынто, Фросей Капитоновой, в бригаду перешли 22 власовца.

18 июня 1943 года бригада вела бой в деревне Томсино, в этом бою было убито 35 и ранено 40 немецких солдат и офицеров. Особо отличился в том бою отряд под командованием Петра Добрякова.

Весь июнь и июль 1943 года, получив приказ штаба партизанского движения Калининской области, бригада готовилась к "рельсовой войне". В это время во все партизанские бригады почти каждую ночь прилетали самолеты У-2, доставляя тол, взрыватели, бикфордов шнур, а также письма и свежие газеты. Принимали мы эти самолеты на посадочной площадке на территории Томсинского сельского Совета.

В ночь на 4 августа на участок между Кузнецовкой и Зуевским переездом вышли подрывники. Одновременно на железную дорогу Москва - Рига вышли все калининские и латышские партизанские бригады и отряды, действовавшие вблизи этой железной дороги.

В 24 часа начался "концерт": в течение двух часов взрывами гремела вся железная дорога от НовоСокольников до станции Зилупе. После этого более недели движения поездов по железной дороге не было.

За время "рельсовой войны", а она продолжалась до освобождения района, бригадой было уничтожено свыше тысячи рельсов.

Выполняя приказ штаба партизанского движения по взаимодействию с наступающими частями Красной Армии, наша бригада с 9 июля 1944 года действовала на путях отхода противника на запад - на железной и шоссейной дорогах Себеж - Зилупе, а 14 июля в районе деревни Симаново был разгромлен артминдивизион 369-й пехотной дивизии немцев.

15 июля в районе урочища Лоховня бригада встретилась с

воинами 150-й Идрицкой стрелковой дивизии полковника Василия Митрофановича Шатилова. Ни командование, ни воины дивизии, ни мы, партизаны бригады, не знали тогда, что в победоносном 1945 году воины этой дивизии Егоров и Кантария водрузят над рейхстагом Красное знамя Победы, что дивизии будет присвоено наименование Берлинской и она будет награждена орденом Кутузова II степени.

Приняв участие в боях за деревню Борисенки и распрощавшись с воинами 150-й Идрицкой дивизии, завершившей освобождение Себежского района от захватчиков, мы возвратились в Лоховню в свои партизанские лагеря.

Встретившись с работниками штаба партизанского движения, собрав захваченные трофеи и передав их трофейным командам нашей армии, отряды бригады походными колоннами, с развернутыми боевыми Красными знаменами отрядов, с боевыми песнями двинулись через деревню Дубровка к озеру Белое Идрицкого района на расформирование.

5 партизанских отрядов под командованием Добрякова, Рыбакова, Малаховского, Макуха и Ахмедчика - 660 партизан и партиzanок 4-й Калининской - пополнили ряды Красной Армии и тружеников народного хозяйства.

За 19 месяцев боев и походов по тылам врага мы потеряли убитыми и ранеными более двухсот своих боевых друзей - товарищей по оружию. Всех их в этих коротких воспоминаниях назвать невозможно. Их имена золотыми буквами выбиты на мемориальных досках, установленных на могилах. Это командиры партизанских отрядов Цепелев и Душечкин, заместитель командира бригады по хозяйственной части Яков Корольков, разведчик Васютенков, разведчицы Мария Натунич, Мария Пынто, Кристина Иванова, шестнадцатилетние комсомольцы, пришедшие из-за линии фронта, Воронов и Чернышов и многие другие.

Мы, ветераны Великой Отечественной войны, верим, что молодежь России вечно будет помнить и из поколения в поколение передавать имена тех, кто не дожил до великого Дня Победы.

В. ВАКАРИН,
комиссар 4-й Калининской
партизанской бригады

Оставив позади передовой рубеж наших войск, проходивший по скованной льдом и укрытой снегами реке Ловать, сформированная в Прямухинской спецшколе 4-я Калининская партизанская бригада двинулась на запад. В ее составе взвод разведки, отряды Петра Добрякова, Григория Мальцева, Ивана Цепелева, а также вошедший в бригаду на время совместного пути латышский отряд Вилиса Самсона. Колонна из 234 партизан растянулась цепочкой более чем на полкилометра. Лесами и болотами она преодолела многокилометровую нейтральную полосу и с наступлением темноты севернее станции Насва вышла к железной дороге, которая на этом участке была и передовой линией войск противника.

Разведана полоса прохода, выставлены боковые заслоны, партизаны пересекают "железку" и шоссе. Вдруг из-за кустов засветились фары приближавшихся автомашин, и разорванная надвое колонна залегла, затаилась в глубоком снегу. Мучительно долго тянулись минуты до неминуемого, казалось бы, боя. Как поведут себя в нем еще необстрелянные люди? Не постигнет ли нас трагическая участь бригады С. М. Максимова, которая совсем недавно в этих же местах была рассеяна в жестоком бою и понесла большие потери? К счастью, мы оказались удачливее. Не слышно тревоги во вражеских гарнизонах, от которых нас отделяют какие-нибудь сотни метров и ночная мгла. Кое-где взлетают ракеты, слышны пулеметные очереди, а мы идем вперед, обходя гарнизоны и деревни, идем по бездорожью, нередко утопая по пояс в снегу, стремясь скорее выйти из насыщенной немецкими войсками прифронтовой полосы. Каждый знает, что судьба бригады, его собственная судьба во многом зависят от скорого продвижения вперед. Тут уж не до отдыха...

Время полночь. Привал, первый настоящий привал более чем за двенадцать часов тяжелого пути, на голом, открытом морозному ветру холме. Комиссар Вакарин обходит колонну, беседует с бойцами. Поднимает на ноги тех, кого сморил

сон. Казалось, предусмотрели все, вплоть до дежурных, до взаимоконтроля и взаимопомощи, и все же, когда последовала команда на дальнейшее движение, встать смогли не все, многих поднимали и помогали сделать первые шаги. В ту первую походную ночь более тридцати партизан получили обморожение, восемь надолго выбыли из строя.

После привала темп движения замедлился. Колонна растянулась, возникла угроза ее распада еще на отдельные группы. Некоторые падали от усталости и не могли подняться. Как будто мало этих испытаний - вызвездило небо, усилился мороз, заледенела мокрая одежда и обувь. Невероятными усилиями люди заставляли себя идти, освобождаясь от ставших непомерно тяжелыми фляг, котелков и даже вещевых мешков вместе со всем содержимым. Постоянно передается приказ - идти, не останавливаться и не бросать оружия. Остановимся - значит замерзнем или погибнем в бою, который нам тут же навяжет противник. Только вперед!

Но всему есть предел. Люди теряли сознание и умирали. Так погибли радистка Мария Гурская и еще пятеро наших товарищей.

Латыши шли замыкающими, и, казалось бы, им легче, но под утро сдало сердце у бойцов этого отряда Алксниса и Дмитриева. Нести их на себе ни у кого не было сил, и тогда с ними остались фельдшер Леонид Рейзиньш и Виктор Крайнанс. Командир дал им карту в надежде, что, отдохнув, они вчетвером смогут по следу догнать бригаду.

С рассветом мы вошли в деревню Поддубье и остановились здесь на дневку. Позади остались более пятидесяти километров пути. Было 10 часов утра 5 декабря 1942 года. Деревня ожила: задымили печи, засуетились хозяйки, на столах появилась горячая еда. В это время в дом вбежал связной: "В ружье!"

Немцы шли к деревне, рассыпавшись как зеленый горох по заснеженному полю, шли неспеша, будто не в бой, а на прогулку, заранее уверенные в успехе. Их было около восьмидесяти, и, конечно же, о нас достаточными сведениями они не располагали. Длинными очередями бьет их пулемет. Подпустив фашистов, мы открыли огонь. Такой встречи они не ожидали и были вынуждены спасаться бегством, оставив на поле пятнадцать трупов, шестнадцать винтовок и автоматов. Один раненый в ноги солдат был взят нами живым. Среди

подобранных трофеев оказался автомат одного из оставшихся ночью латышей, а в планшете убитого офицера была найдена та самая карта, которую командир латышского отряда оставил своим обессиленным товарищам.

В сумерки мы покинули Поддубье. В середине колонны двигался обоз – местные жители дали нам лошадей. Они помогли уложить в санях обмороженных партизан, совали нам в руки еду и говорили, что и их сыновья где-то воюют и им тоже помогают наши советские люди. Что стало с этими поддубенскими жителями? Пощадила ли их судьба? Довольно часто вот так мы покидали деревни, оставляя там стариков, женщин с детьми, оставляя одних, беззащитных перед озверевшим лютым врагом, который убивал, вешал, сжигал, угонял в неволю. Сколько же мужества было у этих людей, волею судьбы и обстоятельств вынужденных жить на занятой врагом территории!

Снова мы месим ногами нескончаемый глубокий снег, и нет ему конца. Очень трудно идущим впереди разведчикам. Но мы не просто идем, а работаем: всматриваемся, прислушиваемся, делаем перебежки, иногда ползем, сверяем маршрут с картой и компасом, оцениваем окружающую обстановку и действуем в соответствии с обстоятельствами. Такая работа, вместе с огромной ответственностью, держит нас в постоянном напряжении, подчиняет и физическую усталость, и сон, и даже чувство опасности.

Когда утром мы опять остановились в деревне на дневку, то с удивлением отметили, что за большую декабрьскую ночь прошли всего четырнадцать километров. Такой же тяжелой, изнуряющей была и третья походная ночь.

Там, в тылу врага, в суровой и полной опасностей обстановке, очень важна вера партизан в своих командиров, в их опыт и знания, способности разгадать коварные замыслы врага, умение организовать бой или совершить маневр и уйти из-под удара, вера в справедливость и отеческую заботу, в то, что эти люди в случае необходимости плечом к плечу с тобой пойдут в последний бой. И вера эта крепла в нас с каждым днем, с каждым часом.

Комбриг Лисовский. Даже внешний вид говорил о его большом жизненном и военном опыте. Так оно и было в действительности. Василий Митрофанович – участник граж-

данской войны, бывший партизан-дальневосточник, чекист. Человек, умеющий владеть собой в любой обстановке, всегда спокойный, корректный, но требовательный. Он верил своим подчиненным, а подчиненные верили ему - своему командиру, и эта взаимная вера обеспечивала высокую дисциплину и боевую способность бригады в условиях тяжелого похода.

Комиссар Вакарин - неунывающий человек, присутствие которого ощущаешь всегда и везде. Он постоянно среди партизан, первый расскажет содержание сводки Совинформбюро, теплым отеческим словом вселит новые силы. В должности политрука роты он защищал Прибалтику, дважды в невероятно трудных условиях выходил из окружения, и хотя был еще молод, войну успел узнать с самого близкого расстояния.

Лейтенант Васьков Иван Тимофеевич - самый молодой из наших командиров. Всегда подтянут, точен и аккуратен. В армии с 1940 года, а войну начал с первых дней на Западном фронте. После ранения окончил ускоренные курсы младших лейтенантов. Командуя ротой под Ржевом, был снова тяжело ранен. Начальником штаба партизанской бригады стал в возрасте двадцати лет.

Таковыми были наши командиры, и мы - молодежь - учились у них мужеству и стойкости, умению преодолевать любые трудности и бить врага.

Утром 7 декабря мы остановились в деревне Лежакино. Одетыми и обутыми, с боевым ремнем на поясе, в обнимку с винтовкой или автоматом спят на полу партизаны, не реагируя ни на стук дверей, ни на плач хозяйского ребенка, ни на лай дворняжки. Они спят крепко, но нервы напряжены и остро реагируют на любые сигналы опасности. И когда с опушки леса раздались пулеметные очереди, эти измученные люди мгновенно проснулись и приготовились к бою. Бил крупнокалиберный. Пули прошивали стены домов, разбивали стекла в окнах. По приказу комбрига один отряд с левого фланга атаковал противника. Враг отступил, оставив на опушке леса трупы трех полицейских. У нас были ранены пятеро. Предполагалось, что это была разведка. Вместо запланированного отдыха мы снова выступили в поход.

На очередную дневку остановились в деревне Тимохово Кудеверского района, расположенной в виде буквы "Т" на

открытой холмистой местности. С одной стороны деревни протянулась низина с баньками и колодцами-журавлями, с другой - примыкали поля, местами поросшие кустарником. С группой разведчиков я оказался на постое в маленьком, крытом соломой домике посреди деревни. Метели почти под крышу замели его снегом, и потому внутри было тепло. Хозяева - полуглухой дед и старенькая бабушка - постелили на пол солому, но отдыхать не пришлось - небольшими группами мы были разосланы по разным направлениям на разведку, и, только возвратившись к вечеру, узнали, что остаемся здесь еще на сутки.

Рано утром 9 декабря нас разбудила едва различимая автоматная очередь. Выбегаем из дома и совсем рядом - у соседнего сарая, где был наш пост, у бани и колодца - видим перебегающие фигуры в маскировочных халатах, вспышки одиночных выстрелов и мерцающие огоньки автоматных очередей. Всего в нескольких шагах от порога в снегу рвутся гранаты. Упорный и жестокий бой пришлось вести разведчикам, офицерам штаба и отряду Добрякова, чтобы остановить противника. Заработали партизанские пулеметы с другой стороны деревни - там отбивают атаку гитлеровцев отряды Мальцева, Цепелева и Самсонса. Скоро фашисты отступили с их направления, а на нашем участке продолжали драться. Но когда рассвело, они оказались в безнадежном положении и были уничтожены. 21 убитого устали гитлеровцы, в том числе трех офицеров. Были потери и у нас - погиб молодой партизан, стоявший на посту и первым принявший бой с фашистами, и пулеметчик Николай Паршин из отряда Добрякова, несколько бойцов были ранены.

В бою был захвачен полицейский, входивший в группу, которая пыталась забросать гранатами штаб и соседние с ним дома, в которых находились партизаны. И снова, как выяснилось, немцы не располагали о нас достоверными сведениями, но активно вели разведку и готовили нам западню. Фронтная зона осталась за спиной, а впереди были шоссе Опочка - Пустошка, железная дорога Опочка - Идрица и река Великая. Где же, как не на этих рубежах, попытаются гитлеровцы подкараулить бригаду. И чтобы обыграть противника, Лисовский повел бригаду на северо-запад, к Опочке. Когда же до нее остался один переход, он круто повернул на юг, к озеру Велье.

Неутомимые бригадные разведчики Слава Малеин, Иван Васюченко, Кристина Иванова, Костя Чернышов, Евгений Федосеев, Мария Натунич, Валерия Платонова, Бруно Гексель, Николай Анохин, Николай Смирнов обеспечивали переход бригады через шоссе, железную дорогу и реку Великую. Маневр удался!

Здесь, за рекой Великой, нам предстояли долгие месяцы партизанской войны, здесь мы обретем новых друзей, здесь многие из нас, в том числе и разведчики, оставшись навсегда молодыми, погибнут в боях за честь и свободу Родины.

Еще вчера погода была морозной и ветреной, а сегодня теплый для этой поры ветерок принес с собой туман, а затем и дождь. По улице деревни Адерева, где мы остановились на дневку, бежали ручейки, освободились от снега вершины холмов, в низинах образовались серые - смесь воды со снегом - лужи. В тот день к нам приехал командир Себежской партизанской бригады Владимир Иванович Марго. Он рассказал нашим командирам, что его бригада разбила несколько вражеских гарнизонов, освободила от оккупантов и держит под своим контролем значительную часть района. Укладываясь спать, Владимир Иванович разделся до белья и уверял, что немцы не посмеют сунуться в его зону. И все же комбриг Лисовский лег не раздеваясь. Его примеру последовали и остальные.

Лежа на сенной подстилке, я думал о маме и сестре, о погибшем на фронте отце, о вышневолоцком партизанском отряде, в составе которого еще в марте начался мой боевой путь, а потом стал считать, сколько же дней прошло с тех пор, как мы перешли линию фронта, и вдруг вспомнил, что вчера, 13 декабря, был день моего рождения и мне исполнилось 15 лет. Приподнявшись, я хотел поделиться этой радостью с товарищами, но они крепко спали.

Как и несколько дней назад в Тимохово, сквозь сон я услышал сначала одиночный выстрел и тут же автоматную очередь.

Выбегаем на улицу. Ночь настолько темная, что едва видны соседние дома. В конце деревни взорвались гранаты, началась беспорядочная стрельба и загорелись два дома. Раздается громкое "У-р-р-а!" - это отряд Мальцева отбрасывает фашистов за деревню. Бой нарастает с каждой минутой. При свете зарева от горящих домов и скотного сарая немцы ведут губи-

тельный огонь и под его прикрытием предпринимают одну атаку за другой, а мы с упорством защищаемся и отбиваем их. Однако чувствовалось, что обложили нас плотно и большими силами. Нужно уходить пока темно, спасти раненых и больных. Мы усиленно ищем возможность вывести бригаду из деревни. В неравной схватке погибает первая группа разведчиков. В темноте нарвалась на фашистов и почти в упор расстреляна вторая. И только третьей группе удастся найти свободный проход и по нему вывести бригаду на дорогу к Афанасьевой Слободе.

Кто из партизан, моих боевых товарищей, не сохранил самых добрых воспоминаний об этой деревне! С ее высоких холмов на многие километры просматривается вся местность вокруг, и за три года оккупации здесь проведено немало боев с фашистами. Мы пришли сюда с рассветом, а в это время горела расстреливаемая немцами деревня Адерева.

В том бою фашисты потеряли 215 солдат и офицеров. Немалыми были и наши потери: 8 убитых, 7 раненых. Нужен был отдых после изнурительного многосуточного похода, нужны были условия для лечения раненых и больных, нужно было какое-то время пожить в спокойной обстановке, чтобы наладить снабжение продовольствием, организовать разведку и подготовиться к предстоящим боевым операциям. С этой целью бригада направилась в белорусские леса.

Там, в Освейском районе, завершила свой поход 4-я Калининская партизанская бригада. Ее бойцы и командиры с честью выполнили стоявшую перед ними задачу.

В боях против регулярных фашистских частей они не только победили противника, но и нанесли ему значительный урон. Они пришли к месту назначения более организованными и сплоченными, сильными духом и дисциплиной, приобрели боевой опыт. Центральный штаб партизанского движения поздравил партизан с успешным завершением рейда и присвоением бригаде почетного имени славного русского полководца А. В. Суворова.

Трудным был трехсоткилометровый партизанский рейд! Пройдет много лет, и из архивных документов штаба войск охранения и тыла округа "Норд" генерала фон Рокка станет известно, что как только за линией фронта появилась наша бригада, был разработан план ее ликвидации, носивший

кодовое наименование "Буря". Против двухсот партизан были выставлены два батальона 281-й охранной дивизии, рота из 107-го полка охранения, а также полицейские подразделения нескольких гарнизонов. Но не успели гитлеровские вояки перекрыть партизанам путь. Проворонили! "Буря" не состоялась. Не думал фон Рокк, что партизанские командиры обыграют его, а один из них, В. П. Самсонс, спустя 43 года после этих событий в своей книге "Сквозь метели" опубликует некоторые из архивных документов штаба охранных войск и, таким образом, еще раз посрамит гитлеровского генерала.

*Н. ЕРШОВ,
партизан 4-й Калининской
партизанской бригады*

ИЗ ДНЕВНИКА ЗОИ КОПЫЛОВОЙ, РАДИСТКИ 4-Й КАЛИНИНСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ

1942 год

11. 10. Получили радиостанцию "Север".

30. 10. Были у майора, где узнали о другом пути, не к Рындину, а к Лисовскому. Были у Бельченко (нач. штаба партизанского движения), который пожал нам руки. Здесь мы увидели на карте красные точки - одна наша.

Вечером - в кино.

31. 10. По дороге в Замощье встретили капитана Лисовского - нашего комбрига. В Замощье встретились с лейтенантом Барановым (зам. комбрига по разведке). Получили документы, питание и рации.

Вечером в клубе.

1. 11. Кувшиново. Прямухино. Встретили майора Титок, капитана Лисовского, комиссара Вакарина. В 8 часов первая связь.

3. 11. Мельница. Какая речка Осуга! Какое красивое место - дубы, скамейки, плотина.

4. 11. Вечер посвящен отправке.

6. 11. В 9 часов отправились на вокзал - погрузка.

7. 11. В 4 часа утра отъезд. В честь праздника выпили у Баранова по 10 граммов.

9. 11. В Торопце. Первое боевое крещение. Нас бомбили немецкие самолеты, но все целы.

11. 11. Шейно.

17. 11. Тронулись. Теперь идем пешком, дальше дороги разбиты.

18. 11. Гавриловка - горох, клюква.

19. 11. Ночлег. Михаи, Марково.

24. 11. Продвинулись до деревни Завод. Путь закрыт.

25. 11. Обратно в Марково.

1. 12. Подъем в 12 ночи. Поход в Дроздово. Встретились с Максименко, комбригом партизанской бригады, вышедшей из тыла врага. Тревога была ночью, т. к. немцы продвинулись на одном направлении. Наши войска отбросили немцев.

2. 12. Обратно в Марково.

3. 12. Вышли в деревню Завод. Встретили латышский партизанский отряд.

4. 12. Выход из Завода. Продвинулись по нейтральной полосе. Дорога трудная, болотистая. Дот. Почва заледенела, но день солнечный. Кое-где прогретая солнцем почва проваливается, ноги измочили. Вечером снова подмерзает, и довольно резко, ноги мерзнут. Подошли к опасности...

5. 12. В начале этих суток перешли линию фронта, удачно. Отстали моя любимая подруга и мой помощник Муся Гурская. Отстало 6 человек латышей. Идти было трудно, устали, ноги не шли. Приходилось и мне два раза отставать от своих, но мысли появившиеся предсказывали более страшное - быть у немцев в плену - и таким образом появилась сила и отвага. Утром привал в деревне Поддубье. Отказалась от завтрака, не могла. Чувствую себя так себе, устала, ноги болят, отморозила ухо. Все остальные тоже устали, все одинаково измучились и проголодались. Здорово осунулись за эти сутки. Пережить пришлось порядком. Бой в 3 часа дня. Взяли в плен "языка".

9. 12. Ночлег в деревне Тимохово. Утром слушали с комиссаром радио, а через 5 минут третий бой. Ранен наш часовой, убита медсестра, которая, проявив отвагу, повела в атаку взвод. Все 25 фашистов, напавших на Тимохово, убиты, захвачены трофеи.

13. 12. Деревня Адерева. Печка - сегодняшняя моя спасительница. Ночлег. В 12 часов четвертый бой. Еще днем были у нас Марго и Кулеш. Радость, что стали встречаться с партизанами. Марго и Кулеш присутствовали в бою. Немцы окружили нас со всех сторон тремя тысячами, а утром...

14. 12. В 8 часов утра - туман сильный, отступили в лес. В 13 часов встретились с отрядом Никонова. Адерева горит.

19. 12. Волесы. Нечерцы. Начинаем приводить себя в порядок, а самое главное - ликвидировать вшей, накопленных за 16 суток нашего славного боевого похода.

20. 12. Пришел Сергей - моряк Балтики. "Шары, комы, кокоры" - поговорка Сергея Черевкова.

1943 год

8. 1. Узборье. Кобыльница. (Деревни в Белоруссии).

26. 1. Городиловичи. Бои под Освеей.

С 7. 3. по 9. 3. Немцы бомбили нас в Мельнице, сожгли деревню Кобыльница. Мы ушли в деревню Милеево.

7. 4. Лисовский ушел в 1-ю бригаду, а к нам пришел комбригом капитан Ф. Т. Бойдин.

22. 4. В деревне Дуплево взорвался миномет. В отряде Цепелева погибло 11 человек и ранено 16 человек. Погибли командир отряда Цепелев, начальник штаба Яша Корольков, командир отряда Яшечкин, Петька - сын комиссара отряда, военфельдшер Вася и другие.

26. 5. Бой в деревне Брод.

1. 6. Уничтожив немцев в Заверняйке, к нам перешло 70 человек армян.

2. 6. Беседа утром с комбригом, вечером - с комиссаром.

8. 6. Прилетел самолет, и из дома получила сразу 11 писем.

19. 6. Из-за железной дороги прибыли рыбаковцы и добряковцы - все в порядке.

3. 8. Все ушли на боевые задания. В 12 часов ночи загремело, засверкало с разных сторон. Это наши взрывали железную дорогу.

8. 8. С Сашей были у Марго. Потанцевали немного. Встретили Сергея и радистов.

22. 8. Вечер в отряде Малаховского.

24. 8. Допрос пленных немцев и полицейского в Аф-Слободе.

27. 8. Сегодня тоже рвут железную дорогу - вечером и в 2 часа ночи.

29. 8. Комсомольская конференция.

5. 9. Вечер провели в штабе бригады и у бригадных разведчиков.

13. 9. Комбриг и комиссар выехали в Белоруссию на совещание.

15. 9. Немцы предприняли наступление. Горят Брод, Апро-сово.

20. 9. Теплое, тихое утро, но к 12 часам дня разведка стала доносить о продвижении противника. Немцы с танками, артиллерией, при поддержке самолетов, большой силой двигались

на партизанские районы, сжигая деревни и убивая мирное невинное население. В 3 часа ночи перешли спокойно через Бондаревский переезд железную дорогу в южную часть района. Самолеты летают в поисках партизан. Пламя пожаров не уменьшается. Много дум, а что сейчас и как у нас, на нашей земле, на Родине.

3. 10. Штаб Малаховского. "Цыганочка", "Барыня".

5. 10. Припеша. В отряде Вахрушева. Танцы.

8. 10. Слушали радио. Войска Калининского фронта заняли Невель - большая радость.

12. 10. Вечер у бригадных разведчиков, были штатские.

17. 10. Утро прохладное, пока спокойно. Густо и сильно бомбят. Обоз отправлен в лес. Беженцы с детьми, коровами, с котомками проходят мимо. Рваные, голодные, холодные, измученные переходом, все дальше уходят они от немцев в лес. Настроение паршивое. Сажу у костра, не в состоянии смотреть на эту картину.

Зашла в один дом: сидят партизаны. Узнала сестренку Нины Цыпиной - Веру. Девочка, разутая, раздетая, слегка прикрытая одеяльцем, играет в углу. Несчастная. Разве знает ее мать, в каких условиях она живет? Конечно, не знает.

18. 10. В Припешах смотрим кино "Щорс".

19. 10. Всю ночь идет фильм "Разгром немцев в Сталинграде".

20. 10. Фильм "Дочь Родины".

22. 10. Приехала Саша. Все хорошо. Закончив показ всех фильмов, киномеханик Женя с кинопередвижкой уехала в другую бригаду.

23. 10. Комбриг и комиссар уехали на совещание в оперативную группу.

24. 10. С Ниной Цыпиной ходили в деревню Бойдаково. Люди живут в землянке 2 x 3 метра. А как живут? Ни ведра, ни ложки, ни кружки - ничего нет. Все сожгли немцы. В голоде, в холоде, а жить надо. Сами едва-едва живут и нам помогают.

3. 11. Вечер. Играет патефон. Комиссар рассказывает забавные сказки.

6. 11. Слушали по радио выступление Сталина на торжественном заседании, посвященном 26-й годовщине Великого Октября.

7. 11. Слушали радио. Музыка доносится до всех. Собра-

ние, посвященное годовщине Октября. Вечером в штабе танцы. У нас в гостях комбриг 3-й бригады Гаврилов. В столовой встретила праздник стаканом горилки.

11. 11. В бригаду приехал А. И. Штрахов - начальник оперативной группы в тылу врага. И снова два дня смотрели кинофильм "Дочь Родины" и "Разгром немцев в Сталинграде".

30. 11. Были в гостях у радистов бригады Халтурина.

15. 12. К нам прилетел самолет. Получили письма, газеты, питание к рации и боеприпасы. Отправили раненых.

16. 12. Шли в северную часть района через Бондаревский переезд. Железную дорогу перешли хорошо. Немцы сидели в засаде, но огонь открыть побоялись.

20. 12. В деревне Петухово каратели-лжепартизаны убили разведчиков из отряда Макухи - Бекетова и Леню Алеекеева. Разведчики убили трех и ранили четырех карателей, в том числе и бандита Мартыновского.

24. 12. В южной части района каратели провели экспедицию, в нашем госпитале погибло шесть человек, и среди них разведчицы Лера и Фрося.

25. 12. С разведчиком Модестом ездила в Хвошценки, в Боровиках слушали лекцию Штрахова.

30. 12. Боевая тревога. Карательная экспедиция. Немцы сожгли Иваны, Карелы и Замкову Морозовку.

1944 год

5. 1. Ездила в деревню Огурьяново в бригаду Марго. Сергей-моряк работает у Штрахова. Вечером наблюдала и слушала, как наши самолеты бомбили Идрицу.

8. 1. Наши самолеты вечером бомбили Идрицу и Себеж.

16. 1. Были на танцах в отряде Добрякова. Ранен Володя Крестинин.

18. 1. Ленинградская бригада, находящаяся в нашем районе, ушла в свой район действия.

26. 1. Тревога. Немцы ушли из Себежа на Гаспарово, Овсянки, из Лавищей - на Томсино.

6-7. 2. Немцы начали наступление с Мозулей и сожгли все деревни. Самолеты У-2 сбросили нам груз - боеприпасы.

10. 2. Утром тревога. Немцы шли из Себежа и Лавищей, сожгли остальные дома в нашей зоне. Целый день в лесу. К вечеру заняли деревню Власово.

16. 2. Были в деревне Карпово у Бобруся (командир спецгруппы).

4-5. 3. Отряды заняли оборону, но под напором карателей и из-за недостатка боеприпасов отошли в "город Лоховня". Построили и для нас "дом". Печь дымит, в землянке холодно.

9. 3. В Бельчанинове убит разведчик из отряда Добрякова.

14. 3. На mine подорвался бригадный разведчик Иван Иванович Васюченков.

15. 3. Через Лоховню прошли немцы с пушкой. Немцы стоят в Гришманах и Дубровке. Разведка установила, что немцы выходили против партизан на восемь дней, но ввиду того, что Красная Армия прорвала фронт на дриссенском направлении, немцы были отозваны.

26. 3. 12 часов слышны артиллерийская канонада, гул самолетов на идрицком направлении. Все это радует нас.

27. 3. Наши ушли в засаду на Куксиху. Уничтожили группу саперов, которые проверяли дорогу Томсино-Себеж.

28. 3. Группа разведчиков Красной Армии, которая находилась в нашей бригаде, ушла действовать самостоятельно. Отряд Макухи (командир отряда нашей бригады) ушел действовать на юг района вместе с латышами.

14. 4. Прибыли связные из Белоруссии. Там снова крупная экспедиция. У Малаховского (командир отряда нашей бригады) 50 человек больных. Голод, свирепствует тиф.

15. 4. Завтрак готовить не из чего. На кухне готовится суп из последнего гороха с кониной.

16. 4. Хочется кушать, но нечего. Настроение у нас и наших боевых ребят исключительное - весеннее, хотя и голодное. Фашистский самолет сбросил на лагерь две бомбы, одна взорвалась у кухни. Никто не пострадал. Немцы в Видоках, двигаются на Лоховню. Самолеты бомбят. Мы ушли к Барсукам. Бригады: наша, Марго и Халтурина, - ушли из Лоховни. Переправа через реку Веть у деревни Мишин Остров. Началась карательная экспедиция.

19-22. 4. Убит Гриша - писарь штаба бригады. Мы пришли в свой лагерь, в Лоховню.

30. 4. Тревога. Немцы в Симанове, Слянове. Мы в лагере у Макухи. Кушать нечего. Из последней муки печем на железной лопате лепешки на костре.

6. 5. Разведка доложила: немцы рыщут по Лоховне.

Хлеба нет, продуктов тоже, только один постный суп и горох. Подвоз продуктов невозможен. Идут дожди. Когда же мы дождемся Красную Армию? Немцы готовят экспедицию на 13 и 15 мая. Это хуже. Но что они, сволочи, с нами могут сделать? Погоняют да и все.

15. 5. Немцы из Заситина вышли на Борисенки и Лубьево, но вечером вернулись обратно.

16. 5. На mine подорвалась наша боевая разведчица Иванова Крестя.

18. 5. Прилетели наши самолеты. Я получила письмо от мамы.

26. 5. Под вечер над партизанской зоной кружил фашистский самолет-разведчик. Что-то опять задумали фашисты.

2. 6. Все ушли на аэродром, а я принимала сводку Совинформбюро, слушала концерт Лемешева.

4. 6. Прилетели наши самолеты, мы получили посылки - обмундирование, обувь. К нам прибыл радист Сергей Гомазов для разведотряда, который мы должны сформировать.

21. 6. Тревога. Немцы напали на лагерь латышей.

29. 6. Прилетели наши самолеты с боеприпасами. Получили свежие газеты, а я письмо от мамы.

8. 7. Бригада вышла на Залосемские горы. Семь машин немцев с пушкой из Себежа прибыли в Залосемье.

11. 7. Слышна сильная артиллерийская канонада. Неужели наши перешли в наступление!?

12. 7. Наши ушли на задание. В 10 часов 45 минут радио сообщило: войска 2-го Прибалтийского фронта взяли Идрицу. Сколько шума, радости. Мы этого ждали долго.

13. 7. Артиллерийская канонада. Наши самолеты бомбят отступающих немцев на шоссе Себеж - Заситино, Себеж - Опочка. Наши партизаны были в засаде на Куксихе.

14. 7. Почему-то сегодня затишье на фронте. Наши ушли на задание. У выхода из лагеря столкнулись с немцами, двух убили, остальные удрали. Всю ночь не спали. Утром пришла бригада с задания с трофеями: радиоприемником, рацией, тремя телефонными аппаратами, оружием и другим имуществом. В районе деревни Симаново был разгромлен артминдивизион фашистов.

15. 7. Вот этот день, который мы ждали с нетерпением. Над нашей землянкой взвился красный флаг. Мы соединились с

войсками Красной Армии. И не верится почему-то. Дали радиogramму в штаб партизанского движения Калининской области о соединении.

16. 7. Были на "центральной" дороге в Лоховне, где встретились с бойцами Красной Армии. Вот тут-то и поверили, что мы снова на Большой Земле. Впервые увидели наши боевые "Катюши".

19. 7. Уходим из Лоховни, видимо, навсегда. Салют в честь отправки. Идем свободно, чувствуем себя счастливыми. Вот эти дороги, по которым часто приходилось курсировать. Знакомые места, где приходилось часто бывать. Фашисты, зверствуя, всюду оставили свои следы. Где раньше красовались деревни, сейчас только пепелища. Народ из лесов, болот возвращается в свои деревни, вернее, на те места, где раньше были дома. Но это Родина. Теперь свободные люди начинают снова жить.

22. 7. Сегодня, видимо, уходим туда, где собираются все партизанские бригады - в деревню Островно. И так, откололась от бригады, иду к своему командованию, связистам штаба партизанского движения. Как сдружились мы за эти 20 месяцев. Жаль расставаться.

ДОРОГАМИ ПЯТОЙ БРИГАДЫ

Когда мне предложили рассказать о боевой деятельности 5-й Калининской партизанской бригады, политической работе ее бойцов в тылу врага, я сначала отказался. Трудно уже в моем возрасте писать о событиях полувековой давности, тем более сам я участия в формировании бригады не принимал, да и высоких должностей в партизанской иерархии не занимал. Так что многого мог и не знать.

Был я сначала в отряде В. Н. Никонова, затем в марте 1943 года попал в состав отряда, который был сформирован для похода в советский тыл за оружием. В этом отряде я был уже политруком и секретарем парторганизации. Но поход за линию фронта кончился неудачей, мы были вынуждены вернуться в бригаду и затем действовали на территории Себежского района вплоть до его освобождения.

Но когда мне разъяснили, что к пятидесятилетию Победы готовится книга о калининских партизанах, и если я ничего не напишу, то о нашей пятой бригаде и упомянуто не будет, поскольку все наши командиры, к сожалению, до этих дней не дожили и писать больше некому, я все-таки взял, как говорится, перо в руки. Последние 15 лет, после выхода на пенсию, работал я в Себежском музее, так что с документами о пятой бригаде знаком, часто доводилось встречаться с участниками партизанского движения. Да и некоторый личный опыт все-таки дает право на рассказ.

Так вот о себе. До самой оккупации я работал директором школы в дер. Мостище Идрицкого района. От службы в армии был освобожден по зрению. Но мне, как и некоторым другим деревенским жителям, были выданы винтовки - на всякий случай, для борьбы с диверсантами. Когда немцы вошли в Себеж, начальнику местной почты П. Л. Максимову и мне было поручено организовать эвакуацию населения в наш тыл.

На лошадях, со скарбом, с домашней скотиной двинулись мы 8 июля 1941 года по проселочным дорогам на восток. Был

при мне сельсоветский радиоприемник. На привалах ловили мы последние новости, сообщения с фронта.

12 или 13 июля под Пустошкой во время ночевки в лесу немцы обошли нас. Я собрал людей, рассказал им о задачах, которые поставил И. В. Сталин перед населением. Решили возвращаться домой. Моя семья, мы с женой и двое малолетних детей, отправилась к родителям, которые жили на самой границе с Латвией, в деревне Софийское.

Оговорюсь, что немцы поначалу показывали свою корректность по отношению к местному населению. Дескать, вот они какие, освободители - были случаи, когда они отпускали даже военнопленных из лагерей, если только находились поручители, утверждавшие, что этот самый военнопленный - муж, брат, сын. Так оказалось в наших краях немало командиров и красноармейцев, пришедших впоследствии в партизанские отряды.

У родителей работал я в поле, помогал с урожаем, с заготовками на зиму. Тем более к отцу с матерью заявили еще три дочери.

Никаких партизан в ближайшей округе не было. Беседы с людьми я вел, но до вооруженных акций или каких-либо диверсий еще не доходило. И тут узнали мы от сестер Алексеевых, что в деревне Горки при отступлении наших войск было заброшено в колодец и пруд много оружия. Собралось нас шесть человек - я, мои сестры Оля и Катя, еще одна Катя Захарова из деревни Гаспорово, сестры Алексеевы. Вычерпали мы воду из колодца, но оружия обнаружили немного. Хотя то, что нашли, уже положило начало нашему "арсеналу".

В это время прошел слух, что в соседних сельсоветах все-таки объявились партизаны, однако попытки выйти на связь с ними заканчивались безрезультатно.

После поражения немцев под Москвой они заметно ужесточили оккупационный режим, начали в массовом порядке отправлять на работы в Германию молодежь и военнопленных, осевших по деревням. Все это активизировало, на мой взгляд, партизанское движение. Как известно, еще до оккупации Калининский обком ВКП(б) дал указание райкомам партии создавать на захваченной территории диверсионные группы и партизанские отряды. В Себеже такой отряд был создан во главе с начальником милиции Виноградовым и секретарем

райкома Кривоносовым. Партизаны провели несколько боевых операций, но вскоре из-за тяжелой обстановки в районе вынуждены были уйти за линию фронта. Оккупанты и созданные ими органы власти почувствовали было себя комфортно.

Но к весне 1942 года в северной части района появились партизанские группы И. С. Леонова, П. П. Конопаткина, А. С. Володина и другие. Несколько раньше на юге района возник отряд Сергея Моисеенко. С группой Володина нам довелось вступить в контакт и получить от нее задание. В сентябре сорок второго из-за линии фронта в Себежский район прибыл отряд В. И. Марго и А. С. Кулеша в количестве 67 человек. Этому формированию как раз и удалось связаться со всеми партизанскими группами и отрядами и подчинить их себе.

На это же время пришелся и боевой ударный рейд по району Калининского партизанского корпуса под командованием В. В. Разумова. Отряд Марго вырос в несколько раз, стал пятой бригадой, объединившей уже три отряда, прославившейся крупными боевыми операциями и диверсиями.

9 октября, например, был разбит немецко-полицейский гарнизон в дер. Борисенки. 10 октября была разгромлена Томсинская волостная управа, уничтожен маслосырзавод, сожжен склад сена, захвачено 30 тонн хлеба и 50 пудов соли. 15 октября партизаны сожгли мост через реку Исса на шоссейной дороге Москва - Рига.

Немцы и их ставленники впали в панику и бежали в Себеж и другие населенные пункты под защиту гарнизонов. Но и в гарнизонах им не было пощады. В ночь с 30 на 31 декабря 1941 года был захвачен охранный гарнизон в деревне Глубочица на дороге в Белоруссию. На сторону партизан добровольно перешли 30 полицейских, с которыми предварительно была проведена разъяснительная, разлагающая замыслы противника работа.

К концу года отряд Э. И. Малаховского был передан в состав 4-й Калининской партизанской бригады, но число бойцов не уменьшилось. Из местного населения были сколочены отряды Н. С. Степанова и И. С. Бабакина.

Наладились совместные действия с белорусскими, латышскими и, конечно, с другими партизанскими бригадами, позволившие проводить крупные операции по разгрому немецких гарнизонов и карательных экспедиций. В результате их была

освобождена большая территория примерно 120 на 90 километров, на которой проживало до ста тысяч человек. Оккупанты сохраняли за собой только Себеж, Идрицу, Пустошку и несколько гарнизонных пунктов на железной дороге Москва - Рига.

В партизанском же крае население фактически жило по законам советской власти. За каждым административным районом были закреплены партизанские бригады. В частности, за Себежским районом - 4-я и 5-я бригады. Здесь же находились латышская бригада Виллиса Самсонса, партизанская бригада имени Дениса Давыдова, которую население звало "москвичами", и некоторые другие спецгруппы. Себежский район стал центром этого края.

Он был поделен партизанским командованием на семь комендантских участков. Комендантов назначало руководство 5-й бригады. Коменданты решали все оперативно-хозяйственные вопросы, собирали для партизан оружие, продовольствие, одежду, обувь, руководили самообороной деревень, передавали партизанам необходимую информацию. В помощь комендантам была выделена группа партизан, которые проводили среди местных жителей политико-массовую работу, знакомили со сводками Совинформбюро, рассказывали о зверствах гитлеровских палачей и т. д. Эту сферу деятельности направлял подпольный Себежский райком партии во главе с комиссаром бригады А. С. Кулешом. Подпольный райком комсомола во главе с Иваном Малиновским также находился при 5-й бригаде.

Но я отвлекся от рассказа о боевых действиях, а они не прекращались ни на один день. Стоит вспомнить только "рельсовую войну", в результате которой железная дорога Рига - Москва стояла несколько дней, перевозки к фронту были парализованы. Для восстановления коммуникаций немцы вынуждены были отвлекать большие силы. Они старались уничтожить партизан. Их гнев вымещался на мирном населении Себежского района.

Особенно памятна кровавая "пасхальная экспедиция" фашистов в апреле 1944 года, когда были сожжены почти все населенные пункты, а убитым не было числа!

Но враг так и не поставил народ на колени. Партизаны, дислоцировавшиеся в лесном массиве Лоховня, вырвались из окружения и 17 апреля переправились через реку Веть, смяли

немецкую засаду на том берегу и ушли в опочечские леса. Через несколько дней, восстановив силы, они вернулись. И, казалось, не было границ их чувству гнева и мести.

А что было летом сорок четвертого года, хорошо известно из многих источников. Фронт вплотную придвинулся к партизанскому центру. Немцы прочесывали леса и болота, где укрывались местные жители, раненые и больные партизаны, убивали всех без разбора. По просьбе партизанского командования была организована эвакуация детей, женщин и раненых партизан на самолетах в советский тыл. Были спасены сотни людей.

Успешные действия народных мстителей были бы невозможны без хорошей разведки, широкой сети осведомителей-патриотов, проникавших в самое логово врага. Только на нашу бригаду в Себеже и других гарнизонах работали свыше 160 подпольщиков. Они не только снабжали нас разведданными, но и выступили в качестве проводников передовых отрядов Советской Армии при ее наступлении, помогали преследовать отступающего противника.

После полного освобождения Калининской области наша бригада была расформирована. Большинство партизан ушло в действующую армию. Часть товарищей была оставлена для мирной работы на мирной земле. Я был назначен инспектором РОНО, а затем заведующим отделом народного образования в новом Пореченском районе.

Очень жаль, что не дожили до полувекового юбилея наши славные командиры бригады и отрядов. Но память о героях вечна.

В. ИВАНОВ,
политрук отряда 5-й партизанской бригады

СТОРОНА МОЯ МИЛАЯ, БОЕВАЯ РОДНЯ

---

1. Так начиналось...

Когда встречаешься с молодежью, обычно первый вопрос всегда повторяется: как пришел в партизаны?

Конечно, о партизанской судьбе я не думал, не гадал. Учился в Кашине в средней школе № 1. Очень хорошая была школа, замечательные учителя. Больше полувека прошло, а всех назову по имени-отчеству! Директором у нас была Александра Ивановна Атрушкевич, молодая, в 1938 году окончила истфак Калининского пединститута. Обстановка в коллективе была дружная и требовательная. А нас с 7 по 10 класс вела, то есть была классным руководителем, Вера Васильевна Константинова, впоследствии жена партизана и мать партизанки. Что еще может характеризовать человека? В нас она всю душу вкладывала. Преподавала она географию, и ее уроки часто посвящались международному положению.

Военным делом занимался с нами пограничник, старший лейтенант Лапшин, участник боев с белофиннами.

Очень живо работали комсомольская организация, ученический комитет, обязанности секретаря которого мне довелось выполнять. А какая самодеятельность у нас была! Причем пели, плясали вместе, ученики и учителя. В больших масштабах проводились оборонно-спортивные мероприятия. В феврале-марте 1941 года мои школьные друзья Иван Стулов, Иван Минин, которым исполнилось 18 лет, уехали в автобронетанковое училище в город Пушкин. Это была мечта многих ребят - попасть в военное училище. Я лично, например, мечтал об учебе в Ленинградском военно-политическом училище военно-морского флота.

16 июня в школе прошел выпускной вечер, на который были приглашены мы - девятиклассники. И, знаете, почему-то самой популярной песней на нем была "Прощай, любимый город..." Как какое-то предсказание или предчувствие.

22 июня мы готовились к футбольному матчу Кашин - Калязин, но он по понятным причинам не состоялся.

В новом учебном году сесть за парты нам так и не пришлось. В школе был развернут госпиталь, занятия проходили в здании нарсуда. Парни 1924 года рождения составили основу истребительного батальона. Мы охраняли мосты (а их было три), контролировали все подъезды к городу. Бойцы истреббата даже задержали двух немецких летчиков-парашютистов, выбросившихся с подбитого самолета. Меня избрали секретарем комитета ВЛКСМ батальона.

В середине октября группа наших ребят во главе с Мишей Ушаковым - Женя Дилигентов, Николай Чистяков, Саша Куликов, Рэм Меньшиков - была направлена райкомом комсомола в расположение разведотдела штаба Калининского фронта. Несколько недель пробыли они за линией фронта, добыли важные сведения о численности и системе обороны противника, но при возвращении к своим наши товарищи были обнаружены. В завязавшейся перестрелке Михаил Ушаков был ранен в живот, Рэм Меньшиков - в обе ноги. Друзья вынесли их с поля боя. Но Мишу спасти не удалось. Он умер в госпитале в Бежецке. Рэм же вылечился и даже окончил морское училище. Дилигентов и Чистяков были зачислены в другие спецгруппы, Куликов ушел в армию.

А меня и дружка моего Анатолия Петухова вместе с девятнадцатью комсомольцами-добровольцами из разных районов Калининской области обком комсомола направил в распоряжение ЦК ВЛКСМ.

В Москву мы прибыли в декабре и сразу были приняты первым секретарем ЦК Н. А. Михайловым. Судьба наша решилась быстро - мы с Толей были определены в группу подрывников спецшколы оперативно-учебного центра Западного фронта. Месяцем раньше через эту школу прошла Зоя Космодемьянская.

Обучение было поставлено по тому времени весьма основательно: матчасть оружия, топография, и, конечно, конструкция различных мин - ПМС-2, МЗД-1, магнитных, которые казались поистине волшебным оружием. Хотя зимой налеты на Москву были реже, чем осенью, попытки фашистских самолетов прорваться к столице имели место, и нас, слушателей

курсов, привлекали к тушению зажигательных бомб и очагов пожаров.

В конце апреля 42-го года были сформированы группы по 5-7 человек для отправки в тыл противника. С речью перед нами накануне отправки выступил секретарь ЦК КП(б) Белоруссии тов. Малин. А когда в начале мая 11 наших групп подрывников прибыли в район Торопца (Пожня - Шейно), с нами встретился Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Судя по всему, нас готовили к заброске в Белоруссию. Да и группы состояли в основном из белоруссов.

Так я оказался в рядах калининских партизан. И не один из нашего города.

Летом 1942 года многие комсомольцы обратились в райком партии с просьбой о добровольной отправке в партизаны. Был сформирован и прибыл в район северо-западнее Великих Лук партизанский отряд под командованием Жогина. В июле того же года разведчицы этого отряда Нина Барсукова, Шура Петрова, Сима Королькова получили задание выйти к железнодорожной станции Насва и выяснить расположение сил противника. При возвращении с задания в деревне Заболотье они поддались на провокацию, приняли полицейских в красно-армейских фуражках за партизан, были схвачены и после пыток расстреляны.

В августе при формировании партизанского корпуса личный состав этого отряда был передан другим отрядам.

В июле 1942 года группа кашинских ребят поступила в распоряжение комбрига 7-й Калининской бригады и участвовала во всех операциях. Виталий Валеев и Миша Субботин погибли при разгроме вражеского гарнизона.

Наша группа получила задание в штабе 3-й ударной армии - во взаимодействии с Великолукским партизанским отрядом И. А. Мартынова и разведротой 257-й стрелковой дивизии минировать и спускать под откос немецкие эшелоны на участке Новосokolьники - Насва. Было нас семь человек: Василий Першонок, Николай Латышев - из Белоруссии, Владимир Петушков - столяр из Великих Лук, две девушки - Клавда Афанасьева (москвичка), Мария Романова (из Рязанской области), которые уже побывали в тылу врага, а я и командир группы Степан Степанович Казак шли в тыл врага впервые.

На меня, как на человека, имеющего образование 9 клас-

сов, а это по тому времени кое-что значило, были возложены обязанности внештатного политрука и "начальника штаба".

2. Как мы воевали

О своем командире я хочу рассказать особо. Мы познакомились в феврале 1942 года, когда учились быть саперами-подрывниками, жили в одном общежитии, занимались в одной команде. Высокий, стройный, неизменно подтянутый, Степан Казак отличался среди нас скромностью, спокойствием, рассудительностью. Мало кто знал, что этот человек, которому не исполнилось и тридцати, прошел школу подпольной работы в панской Польше. За распространение листовок и запрещенной литературы он был арестован и заключен на 5 лет в Слонимскую тюрьму. В застенке Казаку выбили зубы, переломали пальцы на руках, вырывали с корнями волосы. А он ухитрился вмонтировать в стены камеры детекторный приемник, и вся тюрьма знала правду о Лейпцигском процессе над Георгием Димитровым.

После 1939 года работал в Советах, служил в милиции. Был отобран для участия в подпольной деятельности на оккупированной врагом территории.

Под его командованием мы и вышли на участок железной дороги Насва - Новоскольники.

У меня сохранилась записная книжка с пометками той поры. Попытаюсь их расшифровать. Речь идет о 1942 годе.

13 июня. Пасмурный день. Изредка накрапывает дождь. Готовимся к выходу на задание. После обеда Казак, Петушков, Першонок, я и наш проводник Бойков отправились минировать дорогу. Шли осторожно, так как накануне во всех деревнях были немцы, угоняли население в Германию. Встретили много людей, пытавшихся укрыться от отправки. К полотну подошли незаметно. Мину ставили вдвоем с Казаком. Остальные в дозоре. Только стали отходить, прошли с километр, как услышали шум состава. Скорость движения небольшая. Неужели чувствуют? И вдруг взрыв! Лязгают колеса, шипит паровоз. Немцы открыли сначала одиночную, а затем групповую стрельбу по кустарнику. Потом даже стал бить миномет. Но нас там уже не было.

Вечером Леша Бойков ходил в разведку к месту взрыва. На мину наскочил эшелон с 30 платформами. На них автомашины, орудия. Несколько вагонов с боеприпасами. Вся техника

оказалась под откосом. Жители деревни Гамаево рассказали: на выручку подходил аварийно-восстановительный поезд. Два раза отходил и вновь возвращался.

15 июня. Вновь отправились на задание. В разведотряде дали нам четырех бойцов. Взяли с собой 11 килограммов тола. Минировать полотно решили между деревней Синцово и ж. д. будкой. Заминировали благополучно. Зашли в деревню Гамаево к дедам и остались понаблюдать. Всю ночь поезда не ходили, лишь на рассвете появился на горизонте дымок. Казак, чтобы лучше было видно, забрался на березу. Взрыв! Вагоны летели как спичечные коробки. Это произошло в шесть утра. Леша Бойков на своем удалом коне помчался в разведроту сообщить результаты. Оттуда по радиции доложили в штаб. Вскоре прилетели два штурмовика, добивали.

В это же время партизанские отряды Панова и Гаврилова подорвали несколько эшелонов на участке Насва - Локня. Фашисты пришли в ярость. На станции НовоСокольники они установили мощный прожектор, на самых уязвимых местах колеи провели снаружи белую известковую линию, чтобы обнаруживать поставленные нами мины.

Вечером и утром у Насвы и Локни появлялся бронепоезд (ну, не совсем так, это был состав из 10-12 платформ, на которых стояли полуразбитые танки, способные вести секторный обстрел). Разрывными пулями из пулеметов он вел огонь по подходам к дороге.

Мы изучили все повадки этого "чуда техники" и решили его уничтожить. Но у нас кончились мины ПМС-2. Командир отправил меня и Володю Петушкова к старшему батальонному комиссару А. И. Штрахову, представителю штаба партизанского движения. Алексей Иванович дал нам мины МЗД-2 (замедленного действия, с часовым механизмом) и пожелал отметить годовщину начала Отечественной войны подрывом вражеского поезда.

22 июня 1942 года в сопровождении бойцов из отряда Мартынова мы отправились к железной дороге. Мину от мины мы установили на расстоянии полукилометра: одну - с вводом в рабочее состояние между 10 и 11 часами дня, в момент самого интенсивного движения поездов, другую - для действия сразу, прогиб рельса на 5-6 миллиметров - и взрыв.

Спрятались и стали ждать. Бронепоезд появился на рассвете.

Но на этот раз впереди шла дрезина, на которой были установлены два скорострельных пулемета. Прогиб рельсов был достаточный, и они взлетели в воздух. Бронепоезд поднял сумасшедшую стрельбу и через два часа, после восстановления пути, удалился в сторону Новосокольников. Прошел один груженный состав, другой. Но рано, еще рано. Время - близко к 11 часам. Движения нет. И хотя Казак считал появление поезда со стороны Насвы маловероятным, но факт остается фактом: именно оттуда опять появился эшелон. Ничего не скажешь - повезло. Над полотном магистрали вздыбился столб огня, дыма, пара. Под обломками вагонов были погребены десятки гитлеровцев. Даже беспорядочной стрельбы не последовало.

За два неполных месяца пребывания в районе севернее Великих Лук наша группа пустила под откос 4 эшелона с техникой и живой силой противника. Было разбито 3 паровоза, 50 вагонов, взорвана дрезина.

Мы тогда задавались вопросом - много это или мало? А Степан Казак отвечал:

- Можно и больше.

В своем деле он был великим мастером, ювелиром.

Когда осенью партизанские отряды были объединены в бригады, а бригады - в корпус, наша спецгруппа была придана 4-й Калининской бригаде. И начался новый отсчет.

В ночь на 18 сентября вместе с отрядом Г. П. Ахременкова мы участвовали в нападении на станцию Новохованск, подорвали водокачку, два стрелочных перевода, 200 метров железнодорожного полотна.

Через пять дней, 23 сентября, мы поднялись по общей тревоге. Началось наступление на партизан трехтысячной немецкой воинской части. Каратели предпринимали яростные атаки. Фашисты подтянули артиллерию.

В нашу бригаду в район оз. Язно прибыл начальник штаба корпуса майор И. И. Веселов. Он руководил боем и принял решение взорвать паром через р. Язница, поскольку немцы стремились во что бы то ни стало переправиться через эту речку. Произвести подрыв Веселов поручил Казаку. Тот взял с собой только меня. "Вдвоем пробираться незаметнее", - сказал он майору.

Ситуация была еще та - грохот боя, стрельба, разрывы. Мы

бросились к переправе. У каждого в одной руке взрывчатка, в другой - связка гранат. Фашисты открыли ураганный огонь, но было поздно. Мы успели укрыться за сваями уже взорванного моста. Минута, и наши фугасы, а затем гранаты полетели на паром. Задание было выполнено. Но гитлеровские пулеметы попытались отрезать нам пути. Мы оказались в огненном кольце. Стрельба не утихала. Под самым носом у "фрицев" не отсидишься. Надо прорываться. Стремительный бросок - и камнем на землю. Всакиваем вместе, бежим. Но нас настигает автоматная очередь. Обоих. Сразу.

Партизаны обрушивают на гитлеровцев огонь - не знаю даже как сказать - невиданной силы. Они делают все, чтобы отвлечь от нас внимание, устремляются на помощь.

Партизанский лазарет, куда нас, раненых, доставили после боев на озере Язно, находился в дер. Шерстово Россонского района Белоруссии. На полу, почти до самых окон, застеленных соломой, лежали около двух десятков раненых. И единственная медсестра Варя Воронкова - одна на всех.

На следующий день в лазарет прибыл врач корпуса Вадим Дмитриевич Щеглов. Операции он делал нам словно на потоке. Только у меня он обработал раны на правой руке, подбородке, левой ноге. Но было еще слепое ранение разрывной пулей в тазобедренный сустав с 34 осколками. Нужно было стационарное лечение, начиналась инфекция.

Больше месяца возили нас, раненых, на подводах вдоль линии фронта, чтобы передать в армейский медсанбат, но такой возможности не было.

Зато мне "повезло": во время этих "странствий" я встретился с земляками-кашинцами - заместителем командира 2-й бригады по разведке Александром Павловичем Константиновым и его дочерью разведчицей Иной. В Кашине мы жили на соседних улицах, а с Иной учились в одной школе. За линией фронта такие встречи - сильнее лекарств.

Наконец, наш лазарет остановился на одном из хуторов Невельского района. Состояние было уже отчаянное. У многих раненых появились признаки гангрены, в повязках завелись черви.

Но не было бы счастья, да несчастье помогло. На хутор совершенно случайно вышли два наших летчика, спустившиеся с подбитого немецкой зениткой самолета. Они, конечно,

обрадовались, что напали на партизанский след, а мы узнали новости о начале наступления под Сталинградом и - что было для нас самым главным - под Великими Луками. Летчики оставили нам стерильные индивидуальные пакеты.

Увы, попытка переправить раненых через линию фронта опять успеха не имела. Лазарет был расформирован, и раненых передали в свои отряды на попечение отрядных сестричек. Так я снова оказался в госпитале отряда "Буря" (командир Г. П. Ахременков). Госпиталь дислоцировался в зимнем лесном лагере. Когда немцы предприняли очередную чистку лесов, медленно продвигаясь в трех-пяти метрах друг от друга и поливая каждый косогор винтовочно-автоматным огнем, командование приняло единственно верное в такой обстановке решение: нетранспортабельных больных спрятать в хорошо замаскированной землянке метрах в двухстах от основного лагеря. Всем остальным любимыми путями прорываться.

Ценой невероятных усилий нам удалось просочиться сквозь цепи карателей. Однако далеко мы не ушли. Вместе с таким же раненым партизаном Сергеем Клеменченком нашел я прибежище в одной затерявшейся землянке, а дней через десять мы вышли к деревне Замощье, где раньше стоял наш госпиталь. Счастливая звезда видимо сопутствовала нам, потому что в деревне Погорелое в полукилометре от Замощья семьи Рощенкова, Крупенкова, Клевикова в ходе карательной немецкой экспедиции были расстреляны, а их дома сожжены. Страшные трагедии разыгрались в ближних деревнях Хмелинец, Тарасиха. Здесь тоже были расстреляны местные жители, а их дома разрушены или спалены.

В пяти километрах от Замощья стоял немецкий гарнизон. И все-таки нас здесь поили, кормили, прятали в лесу, несмотря на все угрозы и расправы.

9 марта 1943 года нас нашли разведчики партизанского отряда Г. П. Ахременкова. Через трое суток мы уже были на "малой земле" Россонского партизанского края.

Я подлечился. Некоторое время обучал подрывному делу товарищей в новых отрядах. В мае 1943 года был назначен заместителем комиссара 6-й Калининской партизанской бригады и избран членом бюро подпольного Невельского райкома комсомола. Бригада действовала в районе озера Язно, вдоль

шоссе Невель-Россоны вплоть до соединения с частями Советской Армии и освобождения значительной части Невельского района.

Уже в мирное время мне не раз приходилось бывать в этих местах. Для меня это милая сердцу сторона, где родился я, кажется, во второй раз. Встретил людей, которые спасали меня в Замошье – деда Филата Ларионова, а затем и его дочь Александру Филатовну Поднебесную, других славных женщин – Фетинью Андреевну Рощенкову, Полину Семеновну и Ольгу Михайловну Коваленковых. Разыскал в Невеле Сергея Клеменченка. Какие это были замечательные встречи!

Нашел я и медсестру Варю Воронкову. По архивным материалам было установлено, что ее следы потерялись после карательной экспедиции немцев в треугольнике Невель-Витебск-Полоцк. Доходили слухи, что Варя погибла в неравном бою вместе со своими ранеными. Были даже очевидцы. Обо всем этом я рассказал землякам девушки – нелидовцам на страницах районной газеты. Сам я в то время (конец 60-х годов) работал председателем Нелидовского райисполкома. И вдруг телефонный звонок:

- С вами говорит Варонкова...
- Роза? (В Нелидове жила сестра Вари Роза Демьяновна).
- Почему Роза? Варя. Варвара Демьяновна.

Можете представить всю трогательность ситуации, когда мы встретились через 24 года.

Судьба Варвары сложилась драматически. Из отряда Г. П. Ахременкова "Буря" она попала в другой отряд. Спасая больных тифом партизан, сама заболела тифом, и в июне 1943 года ее в бессознательном состоянии, в бреду схватили каратели. После выздоровления она оказалась в Германии под Гамбургом. Испытала всю тяжесть подневольного труда. Особенно усердствовала в издевательствах над русскими людьми хозяйка, убежденная нацистка.

Сразу после войны вернулась на Родину, работала в сельских медпунктах, а после ухода на пенсию 18 лет – на здравпунктах Нелидовской шахты № 7.

К сожалению, не дожил до Победы Степан Степанович Казак. С образованием на базе отряда "Буря" 21-й Калининской партизанской бригады он командовал в ней специальной

ударной группой, потом был комиссаром разведотряда спецназначения, более известного как отряд Г. И. Гришмановского. Погиб Степан Казак в бою в июне 1944 года, всего за месяц до соединения отряда с частями Красной Армии при разгроме вражеского гарнизона в Кудеверском районе.

Мне очень повезло в том, что моя партизанская судьба формировалась под влиянием этого красивого, мудрого, закаленного жизнью человека.

* * *

Конечно, всего не расскажешь и не перескажешь. У нашего брата-партизана сейчас, на склоне лет, появилось горячее желание выговориться, вспомнить, оставить людям честные правдивые рассказы о том времени, в котором мы жили, о людях, рядом с которыми воевали. Если не мы, так кто же?

И у меня лежат еще записки о боях на Невельской земле, о комсомольцах 6-й Калининской партизанской бригады. Но, видимо, всему свое время.

Биография же моя с той поры оказалась навсегда связанной с лесом, лесом-спасителем, лесом-кормильцем, лесом-другом! Был комсоргом леспромхоза в последние месяцы войны, закончил лесной техникум, лесотехнический институт, снова работал в леспромхозах, возглавлял лесное хозяйство Калининской области. За серьезные разработки по части лесовосстановления вместе с группой товарищей был удостоен Государственной премии.

*Г. ЗАЙЦЕВ,
подрывник, заместитель комиссара
6-й Калининской партизанской бригады*

ИДУТ ПО ВОЙНЕ ДЕВЧАТА...

Автор этих писем Дарья Александровна Дергачева - ветеран педагогического труда из Великих Лук и к тому же отважная партизанская разведчица. Адресаты писем - ее друзья партизанской юности, в том числе Полина Александровна Богданова (Тихомирова), проживающая ныне в Москве.

Письма публикуются в сокращении.

1.

Дорогие друзья! Чем ближе пятидесятилетие нашей великой Победы, тем настойчивее и тревожнее воспоминания, от которых никуда не деться, воспоминания, которые проверяют и честь нашу, и совесть, и прошлое, и настоящее.

Кажется, была в нашей жизни и довоенная пора, но отсчет биографий все равно начинается у нашего поколения с одной даты - 22 июня 1941 года. Разве не так? Каждый день отделяет нас от нее, но парадоксально - все детали, краски, запахи того июня со временем становятся естественнее, осязательнее.

У нас в Березянской средней школе Пустошкинского района выпускной бал десятиклассников закончился под утро. Мы уже расходились по домам, но что-то вдруг насторожило: какие-то хлопающие разрывы вдали, красная заря на западе. Не война ли? И сомнения наши развеялись, когда почти совсем рядом, очень низко пролетели самолеты со свастикой на крыльях.

А спустя несколько часов радио донесло официальное сообщение о начале войны. В нашей деревне Михеево (тогда еще Идрицкий район, ныне - Себежский) люди как будто онемели. Потом одна за другой в голос запричитали женщины, заплакали дети.

Как всегда, нашлись свои местные политики и предсказатели. Кто-то говорил о том, что война продлится месяца два-три и врага мы разобьем на его собственной территории. Кто-то уверенно предполагал, что победа, конечно, будет за нами, но придет не так скоро. А кто-то нашептывал, что немец победит

в полгода, так как с ним вся Европа, а мы - одни.

В первые же дни хлынули беженцы из Прибалтики и пограничных деревень. В страшную жару шли женщины с узелками, ведя детей за руки. Ехали семьи на повозках. Из колхозов гнали крупный рогатый скот. А фашистские самолеты безжалостно расстреливали эту спешившую на восток массу.

Отступала и армия, бои подошли совсем близко.

Жители нашей деревни рыли для себя окопы и щели, закапывали в лесу хлеб и одежду.

Идрицкий военкомат спешно вручал повестки военнообязанным, но многие шли на призывной пункт без всяких повесток. Находились, увы, и такие, кто, получив повестки, рвали их и прятались по домам до прихода немцев. Быстренько разобрали они колхозный инвентарь и хлеб, быстро взяли себе лучших лошадей, обделив при этом стариков, женщин-солдаток и вдов, чьи мужья не вернулись с финской войны. Было и такое.

Отцу нашему было в то время 42 года. Он ушел с отступающими частями, отрыв для семьи большой окоп со стенками из досок и бревенчатым покрытием. Оставил он семью и девять душ, и все женщины. Бабушке - 70 лет, самой младшей - два годика. Я была старшей дочерью, мне шел восемнадцатый год. В окоп мы несли кто что мог: бабушка - богатую красивую икону, а мы - еду.

Числа 10-12 июля завязался бой в Сутоках, это рядом с нашей деревней. Длился он три-четыре часа. Дети плакали. Бабушка и мама истово молились, и мы, комсомольцы, пионеры, безбожники старательно крестились вместе с ними. А в окоп к нам набились и другие люди, в том числе и две учительницы местной школы, одна из них со своей матерью, еврейка.

Наконец, наступила тишина. Все деревенские пристально следили за дорогой. И вот появились грузовые машины и десятка два мотоциклов с солдатами. Остановились посреди деревни. У солдат автоматы наизготовку. Немцы забегали, осматривая постройки, залезая на чердаки, отбирая мелкий скот. Люди же стояли в полном оцепенении.

Вдруг один офицер заметил в толпе стройную белокурую девчушку лет пятнадцати-шестнадцати и бесцеремонно стал приставать к ней. В испуге бросилась она бежать по высокой

ржи. Вслед ей прогремел выстрел. И толпы не стало.

Учительницу Риву Моисеевну и ее мать моя сестра увела в дальнюю лесную деревушку. Там фашисты не появлялись долго. Но когда сестра через некоторое время пошла навеситить бедных женщин, их уже не было в живых. Оккупанты заглянули в ту деревню неожиданно, увидели евреек и здесь же их расстреляли. Так что вернулась сестрица расстроенной, в слезах.

Другая же учительница, прятавшаяся у нас, во время оккупации устроила в своем большом красивом доме в селе Сутоки настоящий притон для немецких офицеров, где по субботам они забавлялись с молоденькими девочками. Наглядела она и в нашей семье двоих смазливых девчушек, стала заманивать их на эти оргии. Мать откупилась мукой, молоком, другими продуктами. После того, как фашистов прогнали, эта, с позволения сказать, преподавательница литературы вдруг явилась ко мне, партизанке, чтобы я дала ей справку, что она, дескать, спасала молодежь от угона в Германию. Я решительно отвергла эту гнусную просьбу. Но и такое тоже было в нашей жизни.

Но я отвлеклась от своего повествования. А надо было жить дальше. Землю нам отрезали далеко от дома, мелкими участками и самую неплодородную. А ни лошади, ни инвентаря никакого на дворе. По лесам же и полям носилась совсем одичалая хромая кобылица, брошенная красноармейцами. Ловили мы ее всей семьей, позвали на помощь соседских мальчишек. Поймали мы ее только на третий день. А еще сколько времени потребовалось приучить ее к работе с плугом и в повозке!

Все лето убирали мы тела убитых красноармейцев. Это тоже было тяжелое испытание. Трупы разлагались, от них шел запах. А хотелось все сделать по-людски, по-христиански. Мы осматривали карманы гимнастерок, пытались установить имена, адреса павших, находили много писем - матерям, женам, любимым. Такие теплые, такие нежные, с такой уверенностью в нашу победу. Читали мы эти письма, и сердце обливалось болью, и душа саднила. А немецкие самолеты засыпали деревню разноцветными листовками. Чего только в них было не нагорожено! И что правительство Москву покинуло, и что

бойцы и командиры тысячами сдаются в плен, и что до победы немецких войск остались считанные дни.

На заборах появились приказы оккупационных властей с паучьей свастикой: "За хранение оружия - расстрел, за собрание более трех человек - расстрел, за слушание радио и хранение приемников - расстрел". И это были не пустые угрозы. Хорошо помню, как в деревне Тимохово были расстреляны отец и дочь, потому что в их доме нашли какую-то детальку от самодельного приемника.

Как же горько и обидно было, друзья мои, от беспомощности! Сколько ночей прошло в бессонных раздумьях!

И вот как-то встретила я уставших, оборванных, изможденных людей, которые попросили показать безопасную дорогу. Это были советские люди, бежавшие из плена. Все я сделала как надо. Потом обратились ко мне тайком партизаны - им нужна была помощь. Наступила пора боевой работы. Надо было уходить в отряд. Но это означало и другое - обречь семью на опасность, на гибель.

Когда бойцы 6-й Калининской партизанской бригады пришли к нам в дом, чтобы забрать меня с собой, было решено инсценировать насильственный уход. Возле избы, на глазах у соседей, наши гости устроили большой шум, под конвоем, толкая в спину прикладами, вывели меня на улицу. И когда приехали каратели, чтобы разобраться с семьями партизан, им было сообщено, что девчонку из дома Дергачевых насильно взяли какие-то незнакомые вооруженные люди - может, партизаны, а может, и лжепартизаны, которых в наших краях хватало.

А заданий, как вы знаете, довелось мне выполнять немало, и самых разных: разведка, связь, проводка партизан к немецким гарнизонам, дважды я работала непосредственно в гарнизонах.

Помните конец марта сорок третьего? Тогда решено было одновременно разгромить сразу несколько вражеских гарнизонов с привлечением больших партизанских сил. Все эти гарнизоны располагались в 3-10 километрах от моей родной деревни. И вот посылают меня в последнюю перед боем разведку - нужны самые точные сведения о немцах.

Вспомнила, что в деревне Толкачеве живут мои дальние родственницы; видела я их только в далеком детстве.

Пришла к ним поздним вечером. Первое, что вижу, сидит человек в полицейской форме, в углу - винтовка. Рядом две пожилые женщины, должно быть те самые сестры, которые мне и нужны. Я растерялась. Но растерялась только на какой-то миг, на долю секунды. А они все так вопросительно смотрят на меня, ждут чего-то. Обращаюсь к старшей, что иду из Идрицы, да вот заблудилась. Моя бабушка приходится им двоюродной сестрой. Женщина поинтересовалась, не дочь ли я Сашки Дергача. Я подтвердила. И снова тягостное неопределенное молчание. Потом она многозначительно так протянула: "Да-а-а..." Мне стало ясно, что она догадывается, кто я есть в истинном свете и почему здесь. Земля слухом наполнилась. Но вот старушка обращается к полицейскому: "Скажи ей все, что ей надо, и проводи так, чтобы ничего не случилось..."

Оказалось, что полицейский - это брат тех женщин. Он бежал из плена, а теперь служит у немцев. Зашел домой обогреться, потому что вместе с солдатами находится в засаде метрах в 300-500 от избы.

Вышла на улицу. Сердце замирает: а вдруг сдаст меня этой самой засаде? Но выполнил братец повеление старшей сестры.

Так и существовали рядом мужество и трусость, преданность Родине и измена ей, доброта и корысть, добродетель и жестокость.

Развспоминалась я, и на сердце полегчало.

Извините, если затруднила вас своим длинным рассказом. Но, думаю, и вы предаетесь иногда таким воспоминаниям, с которыми, может быть, не сравнится самая буйная писательская фантазия.

Ваша Д. ДЕРГАЧЕВА

2.

Здравствуй, мой дорогой друг!

Прости, что так редко пишу, хотя вспоминаю очень часто. Ведь наша дружба может отметить 50-летний юбилей. В начале ноября уходящего года мы с Зинаидой Николаевной Степановой (ты ее знаешь, это наша партизанка, а теперь - педагог), во главе поискового отряда средней школы № 4 Великих Лук, посетили места наших разведзаданий лета 1942 года - шли через линию фронта между железнодорожными

станциями Новосокольниками и Насвой, через переезды Феловский и Киселевичи.

Зина обстоятельно рассказала ребятам, как все тогда было, об удачах и промахах, как однажды фашисты схватили разведчицу из ее группы Розу Прусакову и повесили в Насве. Мужественно вела себя Роза при пытках, никого не выдала.

Смотрела я на ровную, открытую местность, и возникали некие партизанские ассоциации - все просматривается, негде укрыться, а слева и справа вражеские гарнизоны. И вот по такой местности нужно было пройти 20-30 километров.

Ребята удивлялись, как в такой обстановке можно было выполнить задание и уцелеть. Я сказала, что только смелость, самообладание и находчивость могли спасти разведчика, и рассказала им о вашем с Валею Кутейщиковой случае.

Помните, как возвращались Тихомирова и Кутейникова из длительного похода с добротными сведениями? Ночи длинные, холодно, осень. Пришлось передвигаться по открытым дорогам. Здесь и задержала вас команда пьяных полицейских. Привели вас в деревню к старосте, а тот сам подрядился доставить девочку в немецкий гарнизон на станцию Самолуково.

Полиции ушли, хлопнув по стакану самогона. А ты, Полинка, перешла в наступление на немецкого холуя. Дескать, самолично знакома с офицером господином Мюнхаузеном, он накажет старосту сполна.

Мужик отобрал у разведчиц одежду и обувь, оставив переход в гарнизон до утра, лег в постель и захрапел. А девочки, как были в летних платьишках, босиком проскользнули в дверь и были таковы. Какими прибыли "личные знакомые барона Мюнхаузена" в 6-ю бригаду Буторина, сегодня трудно и представить. Но ведь вырвались из невозможной ситуации, выполнили задание...

Я вспоминаю об этом, чтобы и ты вспомнила все это - и обрадовалась и всплакнула.

Ну, а ребята сначала хохотали до слез, а потом как-то посерьезнели и задумались. Да, были люди в наше время...

Посетили мы братские захоронения в деревнях Монаково и Алексеевское. Сколько там лежит наших солдат и партизан! В Монакове - 1145 воинов, в Алексеевском - 149, и среди них Николай Горячев, партизан, Герой Советского Союза.

А еще, Полинка, припомнился мне случай, как летом 1943

года, ранним утром, нас с тобой переправляли товарищи на пароме на другой берег озера Язно. Оставалось 2-3 метра до берега, мы уже собирались прыгнуть в воду, на мель, и вдруг услышали громкие угрожающие выкрики. И, не подумав, как только выбрались на берег, помчались выяснять, что происходит. К счастью, то были наши армейские разведчики. Их группа возвращалась с задания, они с противоположной стороны шли к переправе, чтобы попасть в деревню Старый Двор, где была их стоянка.

Среди них был и наш общий знакомый, с которым мы уже не раз встречались на наших маршрутах. (Его звали Миша, такой смелый, симпатичный паренек). И все мы, девчонки, замечали, что он засматривался на тебя. Он и сказал нам, что у них была стычка с фашистами, которые по зарослям пробирались к парому. Если бы не этот случай, то, как заметил один из тех бойцов, мы были бы схвачены как цыплята. Страшно подумать: если бы не эти ребята, еще минута, и нас бы...

А через несколько дней нашего Мишу однополчане принесли на плащпалатке убитым. Мы жалели этого паренька, как родного брата, который никогда не вернется в свою родную Вологду. Вы ведь с ним были земляки.

Полинка, любила я ходить в разведку с тобой. С тобой, в минуты опасности, было надежно, а во время затишья - весело. Ты много и хорошо пела, особенно "Креолку". А в смехе заливалась как колокольчик.

Девчонки, девчонки... Сколько их было на том трудном пути, красивых, умных, смелых и очень порядочных. И как много их не вернулось домой.

Фрося Кондруненко, ей было 14 или 15 лет, когда она с матерью пришла в партизаны. С ними были еще фросина пятилетняя сестренка и трехлетний братишка. Их отец погиб в финскую войну, а старший брат успел погибнуть уже в эту. Мать Фроси вела хозяйство у нас, в отдельном женском отряде. Молоком от своей коровы она кормила нас.

Рая Михеева. Подруга Фроси из деревни Печенево. Эти две девочки ходили в разведку, иногда с Тамарой Синицыной, а то и с Ларой Михеенко. Все они до войны жили рядом. Ходили в разведку по знакомым, родным местам.

Однажды Фрося Кондруненко и Рая Михеева были посланы в разведку в свою деревню. Мать Раи в ту ночь не могла уснуть: мать есть мать. Тем более, накануне туда прибыло много немцев, они заняли деревни Тимоново, Волково и другие. А в Печеневе расположились их кухни и обоз. Мать не спускала глаз с дороги, по которой Рая и Фрося должны были вернуться в отряд. Обстановку они уже знали, но занималось утро, и возвращение было опасно. Кроме того, валила с ног усталость. Мать спрятала их на чердаке в бане. А утром немцы решили затопить баню. А баня топилась по-черному. Через все щели на чердак пошел дым. Девочки задыхались, а мать боялась, что они кашлем выдадут себя. Наконец, ей удалось отправить немцев к сараю за дровами (сарай был все-таки метрах в двухстах от бани). Она кое-как стащила девчонок с чердака и, заговаривая с немцами и отвлекая их, дала девчонкам возможность незаметно уйти.

Когда они добрались до болота и прошел страх (а на болоте им надо было ждать темноты), они вдруг глянули друг на друга и увидели, что лица их закопчены и перемазаны сажей - черным черны. Сначала девчонки оцепенели от такого вида, а потом расхохотались. Вот, говорили, явились бы сюда немцы, подумали что это черти, да еще в болоте!

Без мыла им было не отмыться, и вот такими они и явились в деревню Екимово, где у дальних родственников только и смогли придать себе человеческий облик.

И еще воспоминание. В городе Великие Луки в средней школе № 4 есть музей партизанской славы. В центре его экспозиции огромное полотно - картина ленинградского художника Владимира Лыча. На ней изображен юный партизан в полушубке цвета болотной ржавчины. Он с противотанковыми гранатами с тылу подобрался к дзоту, который непрерывно бьет из пулеметов по наступающим партизанам.

Все так и было в действительности. Именно такой, окруженный рядами колючей проволоки дзот стоял на высокой насыпи у железнодорожного моста у деревни Савкино до тех пор, пока изображенный на картине партизан не заставил его замолчать.

Героя своей картины художник впервые увидел в деревне Борисоглеб, что на берегу реки Ловать, километрах в сорока от Великих Лук, где он отдыхал летом. Как-то, обратив

внимание на энергичного стройного мужчину без руки, Лыч стал присматриваться к нему, часто встречал то отдающим распоряжения, то за рулем трактора или УАЗика. К нему тянуло как магнитом, но все не было случая завести разговор с человеком. Но однажды повезло. Художник встретил его на рыбалке. Они познакомились и проговорили до глубокой ночи.

Семнадцатилетним встретил Виктор Мурзич войну. Вместе с другими жителями деревни Кошелупы вступил в партизанский отряд Георгия Ахременкова. Сначала был адъютантом командира, а потом - метким дерзким пулеметчиком. Первый свой бой он принял здесь же, в деревне Борисоглеб, где живет и сейчас, и бой тот был всего метрах в пятистах от места, где они с художником разговаривали.

В конце августа 1942 г. немцы решили обойти наши оборонявшиеся под Великими Луками войска и зайти им в тыл. Путь их пролегал и через Борисоглеб. А о встрече с партизанами здесь они и не думали. Шли не соблюдая строя, весело болтая. Когда подошли к Ловати, человек десять отделились и пошли к мосту, а остальные расположились на привал на другом берегу.

Когда же десять, что отделились (наверно - то была разведка), дошли до середины моста, партизаны, которые держали их на мушке, дали очередь из пулемета. Убитые остались на мосту, живые бросились в воду. Партизанская засада, занявшая позицию неподалеку, открыла огонь по остальным, не давая им очухаться и занять оборону. А в реку бросились смельчаки - Леша Виноградов, Виктор Мурзич и еще один парень по имени Саша. Они вступили в рукопашную в воде. Оставшиеся на берегу, на привале немцы - вся их растрепанная колонна - в панике побежали назад.

Особенно же тогдашнему юноше запомнился бой в Пустошкинском районе, у реки Великой. Это на шоссе Ленинград-Киев. Партизаны разобрали мост через реку, а сами удобно устроились в засаде. Подошли четыре немецких машины. Увидели, что нет моста, в растерянности остановились. Партизаны в упор расстреляли врага, сожгли три машины, освободили восемь человек наших пленных, а в четвертую машину сели сами (командир Ахременков до армии был первоклассным шофером) и, уехав от места засады километров на 30-40, уничтожили машину и ушли на базу.

А в последний день марта 1943 года Виктор участвовал в крупнейшей операции калининских партизан - подрыве Савкинского моста. На долю их отряда выпало наступление на самом опасном участке. То было открытое болотистое место, раскисшее от недавно растаявшего снега, а напротив дзот - тот самый, что изображен на картине в школьном музее. Жерла его глядели как раз в сторону болота. Отряд должен был уничтожить дзот, чтобы дать возможность другим подразделениям партизан пройти к мосту и взорвать его.

Когда начался бой, фашисты осветили местность ракетами и подожгли сарай с сеном. Видно было все как на ладони.

В отряде погибли все командиры взводов, были разбиты все пулеметы, в том числе пулемет Виктора. Тогда он, не раздумывая, схватил две противотанковые гранаты и пополз в обход дзота. Его полушубок болотного цвета отчасти маскировал его. Ему удалось подобраться к дзоту с тыла, и гранаты он бросил удачно. Дзот замолчал. Партизаны бросились к мосту и вскоре он взлетел на воздух, были разбиты и гарнизоны в Нащекине и Сутоках. Разгром гарнизонов и взрыв двухколейного железнодорожного моста остановили движение на этой важнейшей магистрали более чем на десять суток.

Тогда Мурзич отделался легким ранением. Но судьба не обошла его и тяжелой раной. После соединения партизан с регулярной армией он участвовал в боях за село Турки-Перевоз (Невельский район). Здесь, осенью 1944 года, он был весь изранен. Нашедшие его санитары унесли его, почти не подававшего признаков жизни, сняв с него окровавленную одежду и бросив ее. Другие же, подобрав эту одежду, а в ней документы и адрес матери, передали их в штаб, и вскоре она получила на сына "похоронку". Но, к счастью, крепкий молодой организм выдержал, партизан выписался из госпиталя, вернулся в родные края. Но без руки.

Его приглашали на работу во многие районные организации, но он остался верен тем местам, где родился, начал войну. Много лет он руководил колхозом "Красный партизан", а затем - отделением совхоза "Мир". С одной рукой он ловко управляет разной сельскохозяйственной техникой, водит автомобиль. Заботливый дедушка и прадедушка.

А с войны он вернулся двадцатилетним инвалидом.

Вот о чем мы говорили с нашими учениками, что им показывали, И, кажется, не без результата.

Опять письмо получилось длинным. Но пепел минувшей войны клокочет в наших сердцах, если говорить языком художественных образов.

*До встреч.
Д. ДЕРГАЧЕВА*

3.

Дорогие мои, здравствуйте!

Не замучила ли я вас своими воспоминаниями? Но, поверьте, сегодня не вспоминать нам нельзя. Уйдем мы - и кто вспомнит?

Меня же все больше волнуют судьбы наших замечательных девчат-партизанок. Помните слова Юлии Друниной?

*Идут по войне девчата,
Похожие на парней...*

Мы действительно прошли всю ту войну. Но в одном я не согласна с поэтессой. Мы не похожи на парней. Мы походили на самих себя. Вот почему сегодня я так хочу вспомнить одну нашу светлую подружку. Уж не обессудьте...

В моей памяти особенно большой след оставили самые юные партизанки-разведчицы из 6-й Калининской партизанской бригады, которым значительно труднее было пережить все тяжести и невзгоды в те суровые дни, и среди многих - Тамара Синецына.

Война застала ее в деревне Тимоново Пустошкинского района, где жил и работал учителем ее отец. Она тоже мечтала стать учительницей, сдала экзамены за первый курс Невельского педучилища и приехала домой на каникулы.

Отец Тамары и ее старшая сестра Мария, до войны работавшая заведующей избой-читальней, стали по ночам слушать радио и рассказывать правду односельчанам.

Оккупанты 24 января 1942 года арестовали, а через три дня расстреляли отца Василия Макаровича и сестру Марию лишь за то, что в их доме были найдены детали самодельного радиоприемника. Это муж Марии Ермолай Григорьевич Воробьев, преподаватель физики Тимоновской семилетней школы, когда-то занимался радиолюбительством. Настоящий же приемник был укрыт в надежном месте.

Не оставили гитлеровцы в покое пятнадцатилетнюю Тамару, ее мать Марию Кузьминичну, а с ними осиротевших мальчиков - детей Марии и Ермолая. Лене было четыре года, а Гене - три. Уже позднее стало известно, что их отец погиб на фронте.

В конце 1942 года Тамара и ее мать получили повестки о явке в комендатуру города Пустошки. Полицейские хвастливо заявляли, что наступил конец "волчьему гнезду". Из боязни за себя многие односельчане отстранились от Синицыных. Где найти защиту, что делать?

В зимний ясный день пришли в деревню партизаны, сожгли Тимоновский мост, а в помещении школы провели собрание сельчан и жителей близлежащих деревень. На собрании выступил комиссар отряда Васильев Яков Васильевич. Он рассказал о событиях на фронте, призвал молодежь вступать в партизанские отряды. Васильев посоветовал Марине Кузьминичне с детьми немедленно покинуть деревню и выехать в партизанскую зону, а Тамаре - уйти в партизанский отряд.

В январе 1943 года Тамара приступила к выполнению боевых заданий в отряде Кости Козлова.

В середине февраля мы с Ниной Афанасьевой возвращались с задания, в пути были несколько дней. Проголодались и устали, а до базы нашей было еще далеко. Наступила ночь. А рядом деревня Ефимовщина, в ней стоял в то время отряд, которым командовал Козлов. Не долго думая завернули на ночлег. Разыскали избу разведчиков. Нас тогда очень удивило, что среди десятка ребят была всего одна-единственная девчонка. Невысокого росточка, стройная, голубоглазая. Как мелкий мак рассыпаны веснушки по лицу, с более густой грядой на носу. Пышная светлорусая коса, красивая улыбка и задорный смех ее были особенно привлекательны. Знакомиться нам с ней не пришлось, так как ребята к ней без конца обращались, называя кто Тамаркой, а кто Синичкой. Она запросто шутила с ними и как-то умела держать их от себя на расстоянии, не унижая их мальчишеского достоинства. Завязалась беседа. Разведчики рассказали нам откровенно о своих успехах и провалах. От Тамары мы услышали, что ей уже несколько раз пришлось ходить на связь. А на днях весь их отряд ходил на задание. Отряд залег на опушке леса, а разведка двинулась к деревне Засвечье Невельского района и нарвалась на группу

гитлеровцев, завязала с ними перестрелку и быстро вернулась назад. В перестрелке был убит фашистский солдат. Тамара, не зная о случившемся, отпросилась у командира забежать на несколько минут в деревню. В деревне Засвечье в то время жила ее мать с детьми. Навстречу девушке выбежала мама и несколько женщин. Они знаками показывали ей, что в деревне немцы. "Беги, Тамара!" - захлебываясь слезами, крикнула мать. Бросилась Тамара к лесу, а вслед ей немцы открыли стрельбу. Решила она, что настал конец, но погони не оказалось. Потом мать рассказала ей, что немцы, дав очередь из автоматов, хотели живьем схватить Тамару, но женщины выскочили из-за угла наперерез фашистам и так горячо стали доказывать им, что эта "фрау" из соседней деревни пошла домой к маленькому "киндеру", что те поверили. Но зато что потом стало с этими добрыми женщинами! Узнав, что партизаны были в деревне, и обнаружив труп убитого однополчанина, фашисты собрали всех жителей на краю села и, заперев в сарае, сожгли. Чудом, только чудом осталась жива мать Синицыной с внучатами.

Вскоре Тамара была переведена во вновь созданный отдельный женский отряд. Здесь ей приходилось часто ходить в разведку с более юными, чем она сама, девочками Фросей Кондруненко и Раей Михеевой и быть в их группе старшей. "Тамара - уже комсомолка, - с завистью говорили девочки, - а вот мы так и остались в пионерах". Девочки любили говорить: "Идем на опасные дела!" Опасные дела. Все они в войну были опасными. Переправа на плоту через озеро - явно опасно, нарваться на вражескую засаду - опасно, войти в деревню, занятую немцами - опасно. Встретить неизвестных тебе людей - опасно.

Вот однажды, рассказывала Тамара, они с Фросей и Раей пошли на задание к деревне Рукавы. Вроде все тихо. Усталость валит с ног, темно. Решили переночевать в сарае, который стоял в стороне. Зарылись в сено и уснули. Ранним утром услышали шорох сена, шепот. Кого-то ищут. Сердце в пятки ушло. А оказалось, что их выследили деревенские ребята, принесли поесть и сообщили им, что в соседней деревне - полицейские, которые спрашивают у населения о трех незнакомых девушках. Вот-вот здесь будут, надо бежать скорее! Посмотрели в щель и, действительно, колонна из соседней

деревни движется по направлению Рукавов. Сердце стучит, от страха пересохло в горле, поползли до кустов, а там понеслись к лесу, не чувствуя ног под собой. Не вооружены, одна легенда на троих, что "мы - сестры-беженцы, в дороге разлучились с родителями. Вот и разыскиваем их". А в деревне кроме друзей были и предатели.

Случалось, когда нас с Тamarой посылали по известному мне пути. В середине октября 1943 года нашу группу разведчиц переправили через озеро Язно, а в деревне Столпово мы разделились на пары и отправились в разных направлениях: Дуся Башилова и Маша Мелихова - в деревню Конашово Невельского района, Рая и Фрося - в Якимово Пустошкинского района, а мы с Тamarой - в деревню Лужи Идрицкого района. Рассказы местных жителей и наши наблюдения привели к выводу, что фашистские войска оставили Невель и отступили. Однако, они всячески стремятся закрепиться в Пустошкинском, Идрицком и Себежском районах, мобилизовав местное население строить оборонительные линии. Фрося и Рая сообщали, что гитлеровцы схватили в деревне Игнатово Пустошкинского района пионерку-разведчицу, ленинградскую школьницу Лару Михеенко.

Наши судьбы с Тamarой Синицыной не раз скрещивались и после партизанского отряда. В 1945 году мы учились вместе в городе Торопце на курсах комсомольских работников. Здесь встретили и День Победы. Спустя два года работали в Пустошкинском райкоме ВЛКСМ. Сейчас Тамара Васильевна живет и работает в городе Гусиноозерске Бурятской АССР. Разделяют нас тысячи верст, но дружбе мы остались верны.

Вспоминая события тех грозных лет и поступки окружавших тебя людей, не перестаешь удивляться, сколько же в них было силы, воли, терпения, стойкости и мужества.

Мать Тamarы, Марина Кузьминична, уже тогда в возрасте 54 лет, потеряв дорогих ей людей, не только сумела сохранить жизнь и здоровье внуков, она еще приютила у себя девочку-сироту, родителей которой расстреляли фашисты. Оказавшись впоследствии в партизанском отряде, стала полезным человеком, стирала и штопала одежду партизанам, готовила еду, ухаживала за ранеными.

Конечно, только такая мать могла воспитать смелых духом людей. Старшая дочь ее, Мария, достойно себя вела в

последние минуты жизни. Когда каратели выкопали могилы, то, подведя к ним обреченных на смерть, заставляли их снять одежду и встать на колени у ям. Мария и ее отец, Василий Макарович, не разделились и не стали на колени. Очевидцы рассказывают, что когда их попытались раздеть, дочь сняла валенки и бросила их в лицо палачам, а затем обхватив за плечи истерзанного пытками отца и еле держась сама на ногах, крикнула собравшимся людям: "Не бойтесь фашистов. Боритесь. Нас им не победить!"

Чудо спасло Марину Кузьминичну и ее внуков от смерти. Да, чудо. Марина Кузьминична с малышами шла замыкающей в колонне смертников. У одного из мальчиков развязался шнурок, он наступал на него и бесконечно падал. Каратели прикладами подталкивали отстающих, от чего ребяташки падали еще больше и цеплялись за бабушкин подол. А когда колонна перевалила через пригорок, то отстали от нее бабушка с внуками и конвоир. И среди немцев были добрые люди. Он стал подавать знаки Марине Кузьминичне, чтобы быстрее бежала в кусты. Но разве она могла верить в то, что могло дрогнуть сердце немца? И встала в растерянности, ничего не понимая. Немец схватил ее и малышей и толкнул в кювет под кусты. Все поняла бабушка и в знак благодарности бросила конвоиру, сняв с руки, свои варежки. У немца не было их, и красно-синие руки от холода плохо слушались его.

Очнулась она, когда услышала страшные крики ужаса, плач сельчан, автоматную и пулеметную стрельбу. Увидела густой черный дым и почувствовала едкий запах горелого человеческого мяса.

Прижавшись к ней вплотную, лежали испуганные малыши. Запомнилось, как громко стучали их сердечки, вот-вот готовы были выскочить. Сколько так пролежали, Марина Кузьминична не помнила. Крики и стрельба стихли. Догорала деревня. Поднимаясь, падая, ползком, из последних сил добрались к лесу бабушка и внуки.

Опять получился длинный рассказ. Пусть он будет и поучительным для новых поколений бабушек, детей и внуков.

Искренне ваша Д. ДЕРГАЧЕВА

Дорогие мои, здравствуйте!

Что это мы все пишем о боях-пожарищах, о засадах и походах? Я вот хочу вспомнить, как мы встретили самый первый День Победы. Это ведь был такой день, такой день!

Тогда я училась в Торопце, на трехмесячных курсах партийно-советских работников. Наш поток состоял из трех групп, и одна группа - молодежная. Все слушатели, разве кроме пяти, прошли через горнило войны, а к концу ее выбыли из строя - кто по здоровью, кто еще по каким-либо причинам. Были среди нас и партизаны, особенно много наших девчат.

Рано утром радио сообщило самую приятную весть за последние годы. Собрались мы на лужайке, радовались, целовались, смеялись. Но, знаете, смех-то был какой-то ненормальный, словно каждый стремился сдержать подступившие рыдания. У кого-то слезы непроизвольно текли, кто-то по-детски всхлипывал, а у иных даже стон прорывался. Я сама долго держалась, других успокаивала, а потом случилось со мной такое, чего и раньше, и впоследствии не было: настоящая истерика, которую невозможно было остановить. Так сплелись воедино неопишуемая радость и сердечная невыносимая боль.

А кругом стояли товарищи, совсем молодые, и уже инвалиды. Помню, рядом со мною три парня были на костылях, двое - потеряли руки. И совсем мальчишка из Себежа, у него не было обеих рук по локоть. У 18-летнего эстонца Августа Керре была расстреляна вся семья за помощь Советам. Девчонки наши плакали - Вера Бочарова с сыном-малышом, Шура Ефременкова, которая и замужем-то была всего два месяца, подружка моя Тамара Синицына, у которой фашисты беспричинно расстреляли отца и сестру.

Да и у меня-то из большой семьи в десять человек нашелся только отец, вернулся с войны инвалидом первой группы, бабушку зарубили казаки-предатели, 16-летняя сестренка погибла, мать с остальными сестричками была угнана немцами и ничего о них не было известно.

Горе - у каждого. Так мы начинали жизнь без войны. Какой же неимоверно тяжелый труд выпал на долю нашего поколения. А ведь не плакали, не причитали. Было такое грубоватое

слово в ходу - вкалывали. И верили в то, что сделанное нами принесет благополучие и мир нашим детям и внукам. Уверенность в завтрашнем дне все эти годы поддерживала и согревала нас.

За минувшие полвека разными были эти праздники - 9 Мая, но всегда они несли на себе печать нашей славы и гордости. А вот 49-я годовщина Победы была уже отмечена болью тревоги и беспокойства. То, что было добыто кровью, боями, потом, трудом, растаскивается ловкачами-проходимцами. Честные люди оказываются без работы. Молодежь живет одним днем и не видит своего надежного будущего. Нам, учителям, это хорошо видно из постоянного общения с родителями и ребятами.

Но русский народ и терпеливый, и мужественный. Да не покинет нас надежда, дорогие друзья.

До свидания.

*Д. ДЕРГАЧЕВА,
разведчица 6-й Калининской
партизанской бригады*

МЫ - ПОДРЫВНИКИ

У меня, наверное, все было точно так же, как и у других товарищей по оружию 1942 года. Шло формирование партизанских отрядов. Нас, 16-летних подростков, не по возрасту повзрослевших, уже повидавших и горе, и разруху, знавших о войне не по-наслышке, тревожила совесть. Мы были готовы к фронту - и морально, как говорится, и физически, да вот паспортами не вышли. Не скрою, что в наших устремлениях была немалая доля романтики, которая впоследствии как-то быстро "осыпалась".

Мы стучались в двери военкоматов, часами торчали в комсомольских комитетах. Там нас уже запомнили, знали по именам, и время от времени кто-то из нас тихо, незаметно исчезал из компании. Все догадывались, понимали: просьба удовлетворена, товарищ ушел в партизаны.

Вот так и я оказался в селе Прямухино в спецшколе, а, окончив ее, был назначен командиром подрывной группы 10-й Калининской партизанской бригады.

Наша группа была сформирована из местных ребят - себежских, краснотарских.

"Боевой счет" нашей группы достаточно внушителен: 6 уничтоженных вражеских эшелонов, 18 автомашин, которых постигла такая же участь, свыше двухсот взорванных рельсов, 3700 метров порванных вражеских линий связи. Не говорю уже о живой силе врага. Точного учета не вел, но что было, то было. И в немалом количестве.

А теперь о том, как это получалось.

По железной дороге, идущей от Риги к линии фронта, немцы перекидывали войска. Перед нами стояла задача - отслеживать эшелоны, взрывать их. То есть сначала была разведка, выбор удобного места, такого, где состав развивал скорость. Сделать это было непросто. Противник усиленно охранял коммуникации. Метров на сто вдоль железной дороги вырубались деревья и кустарники. Здесь же тянулась, как нам казалось, без конца и края колючая проволока. На определенной

дистанции друг от друга были отстроены бункеры с пулеметами. Полотно патрулировалось круглосуточно, да еще солдаты сопровождали служебные собаки. По ночам окрестности освещались ракетами. Раздавались автоматные очереди - просто так, чтобы нас поугаждать. Словом, все страсти наговариваю. На войне все было как на войне. Так что незаметно подойти к рельсам было рискованно, сложно. Сколько друзей мы потеряли!

И тем не менее, наша группа из семи подрывников все-таки ухитрялась выполнять задания.

Помню, как долго искали мы подходящее место для минирования полотна, чтобы насыпь была повыше. Нашли, ночью поставили две мины с восьмикилограммовым зарядом. Залегли и долго-долго ждали эшелон, которого почему-то не было до самого утра. Представляете, как мы испереживались?

Но вот на рассвете показался поезд - крытые вагоны, несколько платформ с какими-то машинами. И взрыв! Паровоз и вагоны со страшным грохотом поползли с насыпи. Немцы не сразу даже пришли в себя. А когда они опомнились, мы уже были в надежном месте, в ближайшей деревне.

Кто-то совершенно случайно мы узнали, что в одной деревне полицейский отмечает день рождения, а в гости к нему ожидается сам начальник полиции станции Кузнецовка, старший железнодорожный мастер-немец и другие важные "птицы". Ну, как упустить такой случай!

Мы ворвались в дом в самый разгар пиршества. Хозяин и гости остолбенели. Первым очнулся начальник полиции, выхватил парабеллум, да только я сумел его опередить. Он так и свалился возле стола. А остальных мы в целости и сохранности поставили в наш лагерь. От старшего железнодорожного мастера-гитлеровца были получены ценные сведения о перемещении немецких войск в районе станции Себеж.

Впоследствии наша группа непосредственно участвовала в операции "Рельсовая война" на участке Себеж-Зилупе, в разгроме гарнизона в Сутоках.

Рижанин Николай Ладисов, себежане Виктор Михеенко, Павлик Константинов, Василий Тарасов из Красногородского района, белорусс Егор Шваренок - дорогие мои боевые товарищи, дорогие подрывники, с кем приходилось делить

бессонные партизанские ночи, голодать и мерзнуть, радоваться успехам. Для каждого из них в моем сердце есть свой уголок уважения и привязанности.

А что стало со мной после освобождения Калининской области? Как в партизаны, так и на фронт пошел добровольцем. Опыт пригодился и я стал разведчиком 417-й мехбригады, освобождал Краков, Будапешт, Бухарест. При форсировании Одера в марте 1945 года фронтовое счастье мне изменило - был тяжело ранен в ноги и грудь.

За боевые дела награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны двух степеней, Красной Звезды, многими медалями, в том числе "За отвагу". Но особо я горжусь своей партизанской медалью.

С той поры прошло полвека. Я пытаюсь подобрать слова для того, чтобы оценить подвиг народа, подвиг моих ровестников, моих земляков. Думаю, что самым подходящим будет определение - патриотизм. Любовь к Родине для нас - не пустой звук.

*В. КИРЬЯНОВ,
командир группы подрывников
10-й Калининской партизанской бригады*

Родом я из поселка Жукопа ныне Андреапольского района, но перед войной он входил в Пеновский район. Там вступала в комсомол. Секретарем райкома у нас была Лиза Чайкина, для нас, школьников, Елизавета Ивановна. Я ее хорошо знала, часто встречала в райцентре. Она бывала в нашей школе, выступала на комсомольских собраниях, посещала уроки. Запомнились ее красный берет, строгий темносиний костюм и русские хромовые сапоги. Человек она была местный, выросла у всех пеновцев на виду, потому и авторитет ее был не по должности, а по характеру.

Не скрою, мне даже хотелось походить на Лизу. Меня как пионервожатую начальной школы пос. Жукопа заслушивали на бюро райкома комсомола, а итоги обсуждения подводила Чайкина. Речь ее была убедительной, четкой. Я ее слушала и все думала, как бы мне научиться так думать и говорить.

Когда началась война, я еще училась в школе и была на летних каникулах. Немцы приближались к Пеновскому району. Старшее поколение ушло в армию, а молодежи тоже нашлись дела. День и ночь охраняли ребята и девчата мосты на железной дороге от диверсантов. Потом нас отправили под Селижарово на строительство оборонительных сооружений. Мы вообще-то не знали, куда нас повезут, да и родители были за нас в полном отчаянии. Лиза руководила нашей отправкой, она для каждого находила подходящие слова, особенно держала в поле зрения тех, кто терял самообладание.

Как и многие тысячи школьников Калининской области, мы копали противотанковые рвы. Работа была очень тяжелая - недосыпали, недоедали, никаких выходных не знали. Лишь бы немец к Москве не прошел. Но война складывалась не по писанному. Вернулись мы по домам, и вскоре меня и Зою Баринову пригласил один человек и предложил выполнять спецзадания в тылу врага. Мы согласились. 25 сентября 1941 года был наш последний день в Пено. В райкоме комсомола

нас проводила Лиза, сердечно простилась, пожелала благополучного возвращения. Видели мы ее в последний раз.

4 октября в районе ст. Земцы близ Нелидова мы перешли линию фронта. Было нас девять человек - четыре девчонки и пять мальчишек. Вот именно - ни дать, ни взять, девчонки и мальчишки. Перешли фронт и рассыпались в разные стороны. Мне было тогда семнадцать лет, Зое - девятнадцать. Должны мы были через Великие Луки дойти до Невеля и вернуться обратно через Торопец, Андреаполь и другие населенные пункты, все видеть, все запоминать в уме, никаких записей: где и какие у немцев склады, где и сколько солдат, каково движение автомашин. Было ли страшно? Было. Идешь по деревне и натыкаешься на виселицу, и табличку читаешь на повешенном: "активист", "комсомолец". В Невеле довелось видеть, как немцы и предатели издевались над нашими военнопленными. Сердце на части разрывалось, так хотелось людям помочь, а выдавать себя ничем нельзя. Слезы проглотить и пройдешь мимо.

Продвигались мы по большаку. С одной машины ссаят, просишься на другую. Так узнавали о транспортируемых грузах. Одеты мы были в рванье, чтобы особо в глаза фашистам не бросаться. Много тогда на дорогах было обиженного войной народа. За линией фронта мы пробыли больше месяца, ночевали где придется, питались чем попало. Устали, конечно, ноги в кровь посбивали.

Вернулись, чуть передохнули дома, и снова - за линию фронта. Я неожиданно встретилась с нашими ребятами, которые тоже отправлялись на задание в район города Холм. Они были уже хорошо вооружены - автоматами, гранатами. Нам посоветовали подождать их и вместе перейти Волгу напротив деревни Тухачево.

Встретились мы в деревне Кречетово у моей невестки и зашли в Жукопу, к нам домой, перекусить перед дорогой. Только сели, как в дом вбежала соседка Зина Алексеева:

- Вера, немцы! Встретилась мне женщина и предупредила, что они Жукопу обошли.

А вечером заговорили в поселке, что немцы повели Лизу Чайкину. Она шла гордая, в своем красном беретике, в сапогах, как и в мирное время ходила. Взяли ее на хуторе Красное Покатище, сожгли все дома, расстреляли всю семью

Купоровых, только пятилетний ребенок в живых остался. А хутор этот, Красное Показище, в шести километрах от Жукопы. Лизу же расстреляли 22 ноября 1941 года. Как она погибла, знает вся страна. В наших сердцах осталась гордая замета, что комсомольские билеты нам вручала именно она, наша Лиза.

А с задания мы вернулись в декабре. В Кувшинове нам дали длительный отпуск. Меня и Зою наградили медалью "За отвагу" - еще той, на прямоугольной колодочке.

В Кувшинове стоял штаб 22-й армии. Там довелось встретить много наших земляков, пеновских парней, одноклассников. Так было радостно, что живы они, что задание в немецком тылу выполнили. Но теперь, спустя десятилетия, вспоминаешь все это, и на сердце давит тяжесть: все они впоследствии погибли, даже неизвестно где - при выполнении заданий в тылу врага.

В апреле 1942 года судьба на короткое время разминула нас с Зоей Бариновой. Ее направили снова за линию фронта - секретарем Невельского подпольного райкома комсомола, меня же послали учиться в глубокий советский тыл - в город Куйбышев, на межобластные партийные курсы. Но подруга я догнала. После окончания курсов получила назначение... в оккупированный Новоржев, тоже секретарем подпольного райкома комсомола. Район был совершенно для меня незнакомый. Во время "путешествий" до него наша дорожка не доходила. И людей не знала. И опыт какой у меня - восемнадцатилетней? Но куда бы ни шла, с кем бы не встречалась, одно вдохновляло и поддерживало - весь народ, и стар, и млад, поднялся на войну с проклятым фашистом.

Линию фронта на сей раз я переходила со второй партизанской бригадой, которой командовал Георгий Николаевич Арбузов. В бригаде познакомилась со многими смелыми девушками - Юлей Новоселовой, Клавой Барсуковой, Валею Карасевой, Ниной Салазко, с разведчицей Зоей, которую потом все узнали как Машу Порываеву, захваченную немцами и расстрелянную ими патриотку.

Что такое подпольный райком? Это не кабинет и круглая печать, а партизанская землянка и боевые товарищи. Оккупанты в каждом юноше, в каждой девушке видели партизана, разведчика. Да так оно и на самом деле было. Райком партии и райком комсомола находились при Новоржевском партизан-

ском отряде. Он состоял исключительно из комсомольцев и молодежи не занятых врагом районов Калининской области, прошедших подготовку в деревне Шейно Торопецкого района. Там нас учили стрелять, метать гранаты, подрывать мосты и многому другому. Впоследствии наш отряд Большакова вошел в партизанскую бригаду, у которой не было номера, но зато было имя Героя Советского Союза Е. И. Чайкиной. 70 процентов личного состава бригады были комсомольцами.

Бои с гитлеровцами, карателями, разгром волостных управ, гарнизона в Грихнове - все это лицевой счет нашей чайкинской бригады. А мы, комсомольские работники, переходили из отряда в отряд, из деревни в деревню, выясняли настроения в молодежной среде, принимали ребят в комсомол. Одним сразу давали поручение - уходить в партизаны, другим - оставаться на месте, вести разведку.

Обычно со мной шла и моя связанная Тамара Кузьмина (впоследствии Петрова), новоржевская девушка. Мы прихватывали с собой свежие газеты, листовки, много беседовали с народом, убеждали людей, что враг будет разбит и победа обязательно будет за нами. А местное население помогало нам продуктами, одеждой.

Конечно, война без жертв не бывает. Не раз и нам приходилось лично участвовать в боях, и стрелять, и убивать врагов. Во время апрельской карательной экспедиции гитлеровцев в 1943 году бригада в труднейших условиях вышла из окружения, но при этом погибли комбриг С. М. Максименко и начальник штаба азербайджанец Исмаил Алиев.

Новоржевский подпольный райком комсомола просуществовал до мая 1943 года.

А сейчас я на пенсии. Муж мой, Виктор Тихонович Милютин, тоже был партизаном 4-й Калининской партизанской бригады, пулеметчиком. Трое наших детей имеют уже свои семьи, и внуки мечтают о достойной жизни, чтобы можно было трудиться, любить, красиво одеваться, весело и с пользой проводить свободное время.

Только бы не повторилась проклятая война!

*В. МИЛЮТИНА (Бочарова),
секретарь Новоржевского подпольного
райкома комсомола*

ПАВЛОВСКИЙ БОЙ

Усилиями русских, белорусских и латышских партизан в конце 1942 года был создан братский партизанский край, который простирался от Невеля - на востоке до Латвии - на западе, от Полоцка - на юге до Себежа - на севере.

Характеризуя обстановку в треугольнике, образуемом городами Полоцк, Себеж, Невель, немецкая служба безопасности (СД) признавала:

"Движение по дорогам из прифронтовой зоны в зону гражданской администрации вследствие перекрытия шоссе между Идрицей и Себежом, а также Полоцком и Дриссой фактически прекращено. В ходе боевых действий партизанам удалось настолько овладеть районом, что они превратили его в неприступную оперативную базу, служащую для подготовки дальнейших акций".

Братский партизанский край тревожил противника, и немцы принимали все меры к тому, чтобы его ликвидировать, разгромить партизан.

Немецкое командование в январе-феврале 1943 года предприняло большую экспедицию под кодовым названием "Шне-ехазе" ("снежный заяц"). Одна из целей этой экспедиции - захват шоссе Себеж-Полоцк.

В боях с экспедицией принимали участие калининские, белорусские, латышские партизаны. Фронт раскинулся на десятки километров. Угрожала опасность всей партизанской зоне, а она к тому времени составляла несколько тысяч квадратных километров.

В деревне Ровное Поле Россонского района прошло совещание командиров бригад. Калининских партизан представлял А. И. Штрахов, уполномоченный штаба партизанского движения, от первой Калининской партизанской бригады был командир бригады Ф. Т. Бойдны.

К 9 февраля 1943 года немцы, продвигаясь на запад к латвийской границе, заняли значительную территорию пар-

тизанского края и вышли на рубеж шоссе Юховичи - Клястицы. Партизанские бригады заняли оборону вдоль шоссе и решили не пропустить карателей далее этой линии на запад.

В то же время 1-я Калининская партизанская бригада дислоцировалась по обе стороны шоссе Себеж - Клястицы в деревнях Прохорово (штаб бригады и отряд Задерина), Павлово (отряды Ботова и Савиткова), Великое Болото (отряд Чеснокова), а деревня Долгий Бор, где находился отряд Селиванова, стояла непосредственно на самом шоссе.

9 февраля провели в Клястицах совещание представителей бригад, занимавших оборону в этом районе. От 1-й Калининской партизанской бригады был начальник штаба бригады Халтурин.

Командир Россонской партизанской бригады А. А. Охотин сказал мне тогда:

- Давайте будем сражаться как в Клиновом в августе 1942 года.

Тогда мы неприятеля одолели, и деревни Клиновое и Воробьи остались за нами. Но в тот раз мы вели бои на шоссе, теперь же схватка предстояла в самой деревне.

Главный удар немцев был направлен на деревню Павлово Россонского района, расположенную у шоссе Клястицы - Себеж. Деревня Павлово большая, состояла из трех улиц, находилась на возвышенном месте. Вокруг нее чистое, ровное поле. За полем с восточной стороны лес, с западной - шоссе.

Павлово было удобно для обороны, и мы основательно потрудились, чтобы сделать ее неуязвимой. Еще в ноябре 1942 года, когда здесь впервые оказались отряды Ботова и Савиткова, они сумели подготовить окопы и блиндажи.

10 февраля 1943 года противник силами до тысячи человек с тремя танками и артиллерией пошел в наступление, рассчитывая не только выбить нас из Павлова, но и овладеть дорогой. В самой деревне и на ее окраинах в заранее отрытых окопах и блиндажах оборону держали отряд "Мститель" (командир Ф. И. Ботов, комиссар П. С. Таланцев, начштаба И. Д. Муравьев) и отряд "За русскую землю" (командир А. И. Савитков, комиссар И. Т. Юхов). Отряд В. С. Селиванова, находясь в деревне Долгий Бор на шоссе Клястицы - Себеж, занял оборону справа от Павлова, а отряд К. М. Чеснокова - слева.

Все население Павлова было эвакуировано. Отрядами на поле боя в Павлове довелось руководить мне - начальнику штаба бригады. Отряды всей бригады были под командованием Ф. Т. Бойдина.

Противник остановился на ночь всего в четырех километрах от нас.

В его сторону вышел в засаду взвод Василия Боярова из отряда "Мститель" - дать первый бой и несколько задержать его передвижение. Партизаны наблюдали за противником с деревьев. Вскоре они заметили движение немцев на повозках. В Павлово был послан связной предупредить отряды. Взвод Василия Боярова, появившийся из засады неожиданно для немцев, дал им хороший бой. Противник был ошеломлен внезапным ударом, люди не успели соскочить с саней, лошади шарахались в стороны.

Продвижение карателей несколько задержалось. Но ехавшие сзади немцы вскоре открыли огонь по засаде. Партизаны без потерь лесом отошли к деревне.

Неприятель, подобрав убитых и раненых, на повозках двинулся дальше к Павлову. Однако здесь уже отряды поджидали его.

И вот часов около одиннадцати 10 февраля партизаны увидели большое количество повозок, выезжающих из леса.

Первыми начал обстрел немцев от крайнего дома пулеметчик Виктор Богатырев. Затем, когда карательный отряд попытался въехать в деревню, бойцы открыли огонь из пулеметов, автоматов, винтовок. В гущу сгрудившихся повозок минометчики посылали одну мину за другой. А партизанская батарея под командованием Борисоглебского била по опушке леса, рассекая растянувшуюся колонну. Немцы метались по полю, пытались спастись бегством. Устремились назад к лесу, но нигде не находили укрытия. Трупы солдат, убитые лошади, разбросанное снаряжение устилали подступы к Павлову.

Каратели не смирились с поражением. С опушки леса в воздух взвились ракеты. Немцы двинули против партизан свежие силы, охватывая деревню в полукольцо. Но когда они подошли к Павлову на близкое расстояние, наши бойцы снова открыли ураганный огонь. Три партизанские пушки методично посылали снаряд за снарядом на опушку леса, откуда появлялись все новые и новые группы немецких солдат.

Фашисты попытались обойти деревню справа и слева, но там они были встречены сильным огнем отрядов В. С. Селиванова и К. М. Чеснокова. А отряд В. Ф. Задерина и штаб бригады во главе с комбригом Ф. Т. Бойдиным заняли оборону в деревне Прохорово.

Не добившись успеха ни на флангах, ни в лобовой атаке, немцы снова отошли к лесу, прикрываясь сильным артиллерийско-минометным огнем. Несколько атак, одна за другой, следовали против партизан, но успеха не имели. Тогда немцы бросили против партизан танк. Нырря в складках местности, он быстро приближался к деревне. Однако несколько выпущенных по нему снарядов попали в цель. Танк, вздрогнув, остановился. Обстреляв партизан из пушки и пулеметов, он умолк.

Во второй половине дня 10 февраля в Прохорово, где находился штаб бригады, вошел отряд латышских партизан во главе с командиром В. П. Самсонсом. Очень к делу Виллис Петрович Самсонс направил в Павлово группу автоматчиков - человек восемь под командованием П. Ратыньша. Я лично установил им рубеж в центре села. Они поддерживали бой.

Но вот огонь с их стороны прекратился. У них кончились патроны. Мне показали пустой диск автомата - кончились патроны. Автоматчиков-латышей пришлось отпустить до окончания боя. Группа не имела потерь личного состава.

Деревня горела, бойцы задыхались в дыму. Да и бой сам по себе был тяжелым. Партизанские подразделения приходилось менять, пополнять на ходу.

Особенно тяжело было отряду Ботова. Бойцы во главе с комиссаром П. С. Таланцевым и начальником штаба И. Д. Муравьевым отбивали одну атаку за другой. Но вот гитлеровцы снова полезли. Опасность возросла.

В критический момент боя командир взвода бывший пулеметчик комсомолец Сергей Хлоптунов сам взял пулемет и скомандовал:

- За мной!

Взвод улучшил свои позиции и помог всем. Сергей Хлоптунов впоследствии был награжден орденом Ленина. Командир взвода комсомолец Николай Андреев, смертельно раненый в том бою, кричал:

- Дайте подняться, хочу бить немцев!

Начальник штаба отряда "Мститель" Иван Муравьев спросил

у пулеметчика Владимира Леонова, почему он отстал от своего взвода, когда это подразделение отводили. Володя ответил:

- У меня еще были патроны и пулемет работал хорошо.

Политрук Фомин, человек по возрасту старше Хлопунова, Андреева и Леонова, тоже смертельно раненый, в последние часы жизни просил медсестру Тамару Гушину:

- Помоги, хочу жить!

Умер он в ночь с 10 на 11 февраля.

У партизан на исходе были боеприпасы. Фашисты, потеряв большое число убитыми и ранеными, все-таки ворвались в Павлово, но мы прочно удерживали шоссе.

К вечеру наши отряды организованным порядком, не оставив в Павлове ни одного раненого и убитого, отошли в соседнюю деревню Долгий Бор и, заняв оборону на дороге Клястицы - Себеж, подвергли Павлово минометному обстрелу. С рассветом враг под преследованием партизан начал отходить, сжигая последние дома.

Карательная экспедиция немцев, начатая 27 января 1943 года, была разбита, стратегически выгодное для немцев шоссе Клястицы - Себеж осталось у нас, враг дальше не прошел.

Наш партизанский поэт Вавилов сочинил стихотворение, которое заканчивается так:

*... Сотни фрицев там легли
И не встанут боле,
Будут долго вспоминать
Павловское поле.*

В Павлове еще в январе 1943 года похоронили мы под липой наших славных партизан-разведчиков Василия Широкова и Безматерных. Тот же партизанский поэт Вавилов написал тогда на липе:

*На могиле столетняя липа
Тихо ночью от ветра шумит
И о наших погибших героях
Память вечную в сердце хранит...*

В Павлове до сих пор бывают школьники из Великих Лук.

Жители Павлова свой колхоз называли "Красный партизан". Нашему сражению отведено большое место в музее боевого содружества в Россонах (филиал Белорусского государственного музея Истории Великой Отечественной войны).

Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной лежит копия

письма (подлинник находится в музее боевой комсомольской славы имени А. Матросова в городе Великие Луки) отца нашего партизана-пулеметчика, участника Павловского боя Володи Леонова, присланного из города Осташкова 25 октября 1942 года. Александр Дмитриевич Леонов, сам бывший партизан гражданской войны, писал нам тогда: "Почти два месяца не имею известий от сына Леонова Владимира Александровича... Если жив, то передайте ему это письмо, он сам на него ответит. Если нет, жаль, но знать об этом я, как отец, должен". И далее: "Сын - народный мститель, партизан. Как гордо это звучит". Письмо заканчивалось словами: "Бейте больше оккупантов! Чем больше, тем лучше".

Этой святой народной заповеди мы старались следовать каждодневно. Партизан Владимир Леонов прочитал письмо отца и дал на него ответ: "Храбро сражался в Павлове".

Такие письма нам помогали бить немцев в Отечественную войну. Народная поддержка помогла нам разбить и карательную экспедицию в феврале 1943 года.

*Д. ХАЛТУРИН,
командир отряда "Мститель",
начальник штаба Калининской партизанской бригады,
командир 15-й Калининской партизанской бригады*

ГЕРОЕМ БЫЛ КАЖДЫЙ

При разработке оперативного плана у молодого, но энергичного и смелого начальника штаба бригады Сергея Яковлева возникла интересная мысль: в честь 25-й годовщины Октября преподнести Родине хороший партизанский подарок - разгромить и уничтожить немецкий гарнизон на станции Нащекино в семи километрах от Идрицы.

Магистраль, идущая от Риги, на которой находилась эта станция, использовалась немцами чрезвычайно интенсивно, за сутки по ней проходило к линии фронта и обратно 30-35 эшелонов с военной техникой и живой силой врага.

Предложение Яковлева было одобрено и принято командованием. Была сформирована группа из 22 человек. Тут же приступили к подготовке операции. Молодым партизанам Шишмареву, Стогову и Чеснокову удалось установить тесную связь с местными девушками Наташей Половцевой, Дашей Дергачевой и Марией Сергиенко. Наташа Половцева была в волости писарем. Даша Дергачева и Мария Сергиенко по принуждению фашистов иногда работали в гарнизоне на разной черновой работе. Они хорошо знали численность личного состава, вооружения, места расположения огневых точек и подходы к ним, время смены постов караула и даже время, когда немцы устраивали пьяные гулянки. Эти ценные сведения девушки передали партизанам и даже предложили, когда, по их мнению, следует наиболее удачно напасть на гарнизон.

Получив ценную информацию, Сергей Яковлев, возглавивший группу, накануне, соблюдая правила маскировки, привел ее в деревню Михеево. Здесь мы с Сергеем встретились с нашими разведчиками и девушками, только что вернувшимися из гарнизона. Они не только подтвердили ранее переданные сведения, но и сообщили много нового.

В ночь с 13 на 14 октября 1942 года партизанская группа вышла на боевое задание. Совершив скрытый переход, пар-

тизаны подошли к железной дороге как раз напротив вокзала, где размещался вражеский гарнизон.

Приняв боевой порядок, партизаны бесшумно приблизились к вокзалу на 15-20 метров и заняли склон насыпи.

Стояла мертвая тишина. Гарнизон молчал. Лишь изредка темноту рассеивали осветительные ракеты. Враг ничего не подозревал. Партизаны немного волновались, ожидая команды. Ведь враг был так близко. И вот по цепочке последовало: "По немецким захватчикам - огонь!". И сразу застрочили пулеметы, автоматы. Охрана, застигнутая врасплох, успела сделать всего несколько выстрелов.

В этот момент в окна и двери вокзала полетели десятки гранат. Вслед за этим партизаны ворвались в помещение, превращенное в крепость. И как раз в комнате дежурного по вокзалу раздался телефонный звонок.

К аппарату подбежал Сергей Яковлев. Услышав в трубке немецкую речь, он понял, что звонят со станции Идрица. Моментально смекнув, с кем имеет дело, Яковлев громко объявил, что Красная Армия заняла Нащедино и теперь двигается к Идрице. Добавив еще несколько крепких русских словечек, он оборвал телефонный провод и бросил телефонную трубку на пол.

При осмотре вокзала мы увидели трупы убитых немцев. Здесь же валялись винтовки, два ручных пулемета, много боеприпасов. Немцы оказались запасливыми, нам удалось захватить также обмундирование, шинели и мундиры офицерского состава, много продуктов. Но особую ценность представляла различная документация.

Собрав трофеи, ребята раздобыли две повозки, погрузили на них вооружение, патроны, а обмундирование распределили между собой. Уничтожив телеграфно-телефонную аппаратуру, мы подожгли вокзал, взорвали рельсы и двинулись в обратный путь.

Вскоре на ст. Нащедино из Идрицы прибыл немецкий бронепоезд. Он вел сильный, но бесцельный огонь. А с рассветом появились вражеские самолеты, безуспешно пытаясь обнаружить партизан. Но мы уже были в лесу.

Особую храбрость проявили в этой операции партизаны комсомольцы Ваня Чесноков из Максатихи, Николай Шишмарев и Саша Самохин из Бежеца, Миша Стогов из Рамешков-

ского района и Зданович из гор. Кимры. Еще раз подчеркну, что огромную роль в подготовке этой операции сыграли смелые девушки Наташа Половцева, Даша Дергачева и Мария Сергиенко, это они обеспечили столь удачный исход боя.

Понимая, что фашисты при расследовании обстоятельств разгрома их гарнизона могут заподозрить девчат, наша группа решила зачислить их в партизаны, создав видимость, будто мы принудительно увели их с собой, тем самым надеясь спасти их родителей от фашистской расправы.

Возвращаясь в место дислокации, мы допустили непростительную неосторожность, чуть не ставшую причиной гибели некоторых из нас. Удалившись от железной дороги, мы сделали короткий привал, разобрали и привели в порядок захваченные трофеи. Немецкого обмундирования и боеприпасов оказалось много. Для того, чтобы облегчить груз лошадям, мы большую часть обмундирования надели на себя, не придав этому значения. Да еще к нашей группе пристала собака - немецкая овчарка. И вот в такой форме, с овчаркой, мы пошли на свою базу. Недалеко от деревни Михеево, когда группа вышла на опушку леса, по нам был открыт сильный оружейный огонь. Мы моментально залегли, а затем стали тихо отползать в лес. Собака же сразу была убита.

Хорошо зная, что в этих местах немцев не могло быть, сняв немецкую форму и разведав обстановку мы установили, что обстреляли нас... белорусские партизаны из бригады Дьячкова, направлявшиеся на выполнение своего боевого задания. А о продвижении "вооруженной немецкой группы с собакой" им сообщило местное население. К счастью, в этой перестрелке никто не пострадал.

Удар по Нащекинскому гарнизону имел большое значение. Во-первых, на значительное время была парализована работа железной дороги. Во-вторых, наша дерзость и внезапность нападения потребовали от немцев усиления охраны гарнизонов за счет войск, отозванных с фронта. Фашистам также был нанесен большой моральный и психологический урон.

Все это стало началом большой по своему размаху операции по разгрому гарнизонов, дислоцированных в населенных пунктах Могильно, Сутоки, Савкино и взрыву большого Савкинского железнодорожного моста.

За успешное проведение этой и других боевых операций

многие отважные народные мстители были по достоинству награждены боевыми орденами и медалями.

* * *

Самоотверженность и мужество нужны были не только в бою и при выполнении ответственных заданий, они нужны были также и для того, чтобы переносить любые лишения и трудности, сутками и неделями в непогоду, на жгучем морозе и в пургу - выслеживать и бить ненавистного врага.

Партизаны значительную часть времени вынуждены были жить в лесу. Строили себе шалаши, рыли временные и постоянные землянки. Не хватало обуви, а ходить приходилось очень много. Как могли, сами шили сапоги или чуни из сыромятной кожи, плели лапти из лыка и лозы. И все же обеспечить всех партизан обувью не было возможности. Некоторые бойцы ходили босиком летом, а иногда и осенью в заморозки.

Особенно трудно приходилось раненым и больным. Размещались они, как правило, в землянках, а иногда их скрывало местное население. Не хватало медикаментов, особенно перевязочных материалов. Осложнялась перевозка и охрана раненых, тем более во время фашистских карательных экспедиций. Были серьезные трудности и с питанием. Зачастую, например, отсутствовала соль, и многие заболевали цингой. Но выносливость и мужество не покидали партизан.

В первых числах мая 1943 года группе в составе бойцов Стогова, Здановича, Терешонка, Гришнякова и Шепелева необходимо было совершить сложный переход в треугольник железных дорог Невель - Витебск - Полоцк для связи с партизанами, оставшимися в лесах после карательной экспедиции врага, и вывода их в район дислокации нашей бригады. Одновременно при переходе железной дороги планировалось подорвать вражеский эшелон. Группу довелось вести мне.

Путь был далек и чрезвычайно опасен, так как на этом участке железная дорога усиленно охранялась патрулями. Удобные места для перехода опутывались проволочным ограждением в два-три кола. К телефонным столбам немцы на ночь привязывали собак, которые лаем предупреждали фашистов о приближении человека. Вдоль железной дороги

вырубались лесные насаждения, что обеспечивало фашистам хорошую видимость, позволяло улавливать шумы при преодолении искусственного завала. На нашем пути следования почти в каждом населенном пункте находились вражеские гарнизоны.

В такой далекий и опасный путь нужно было обеспечить партизан хорошим питанием, но сделать это при всем желании не было возможности; ничего, кроме сухого гороха, у нас в это время не оказалось.

Наполнив вещевые мешки взрывчаткой и горохом, вооружившись автоматами, гранатами и бесшумными винтовками, партизаны вышли на задание с боевым настроением.

Справедливости ради следует сказать, что пойти на такое дело сознательно, добровольно, к тому же голодными, наверное, не каждый сможет. На такое был способен только человек, беспрдельно любящий свою Родину.

Тщательно маскируясь, лесами и болотами, преодолев расстояние более двадцати километров, незаметно приблизились мы к железной дороге, чтобы еще засветло определить место перехода ее и разведать систему патрулирования и охраны. Определяли, что наиболее удачно можно заложить взрывчатку и перейти дорогу.

Отдохнув, мы соорудили партизанскую мину. Пожевали гороха. Обсудили еще раз план действий. Распределили обязанности. Затем, с наступлением темноты, маскируясь, подползли к насыпи. Залегли. Отдыхались. Прошло некоторое время. С полотна железной дороги слышалась немецкая речь.

Прошел один немецкий патруль, вслед за ним еще два "фрица". Затем наступила мертвая тишина. Только слабый весенний ветерок донес раздражающе приятный запах душистого табака. Так хотелось курить, но можно было только мечтать об этом.

Вскоре прошли еще два патруля. Затем прогремела автод-резина с балластом и вновь все стихло. Немного обождав, мы поднялись на насыпь и заняли двухстороннюю оборону. Миша Стогов и Федя Терешонок подготовили углубление и заложили под рельсы заряд взрывчатки со взрывателем нажимного действия. Замаскировав его, мы осторожно перешли дорогу и скрылись в зарослях. В оставшееся до рассвета время (а в мае, как известно, ночь очень короткая) нам обязательно

нужно было пройти этот опасный, поблизости от вражеских гарнизонов, участок.

Быстро наступил рассвет. Уже стали вырисовываться контуры населенных пунктов, где размещались немцы, а усталые и голодные партизаны оказались как на ладони на хуторке, от которого остался лишь один-единственный маленький амбарчик, и высилась труба сожженного немцами дома.

Что делать? Как поступить? Идти дальше опасно - обязательно обнаружит враг, преградит путь и, безусловно, попытается взять живыми или в крайнем случае уничтожить. Дневать в амбаре - тоже рискованно. Возвращаться обратно за железную дорогу - невозможно, так как за это время может сработать заложённая мина и немцы обязательно блокируют район взрыва.

Укрывшись все-таки в амбаре, обсудили создавшееся положение. Рассчитывая на то, что немцами мы еще не обнаружены, решили дневать здесь, на хуторе. По нашему мнению такой вариант был наиболее верным. Разместились. Выставили часового, определив ему место внутри амбара у дверного проема. Ребята успокоились, задремали и вскоре заснули. Через некоторое время послышался приглушенный взрыв. Как позже стало известно, это сработал наш заряд, на партизанской мине подрывался вражеский эшелон, идущий к линии фронта со строительными материалами. Было пущено под откос 10 вагонов и 15 платформ, груженных цементом, лесом и железобетонными плитами.

С рассветом в одном из гарнизонов немцы запели строевую маршевую песню. Это было совершенно неожиданно. Голоса невидимого нами подразделения постепенно становились все громче и громче. Создавалось впечатление, что фашисты приближаются к амбару. Все партизаны, точно по команде, проснулись, насторожились. Однако голоса постепенно стали удаляться, а затем и совсем стихли.

Ребята понимали, что опасность еще не миновала. Сменили часового. Сел у двери Миша Стогов - отважный и исполнительный паренек, добровольно пришедший в партизаны из Фировского района. Вскоре все, кроме Миши, опять задремали. Сколько прошло времени - сказать трудно, но вдруг неожиданно за стеной амбара послышался подозрительный шорох, приглушенные, непонятные для нас голоса, и в этот момент в

двери амбара появился немецкий офицер, как я запомнил, невысокого роста, толстый, с суровым злым лицом. Железный крест на кителе, пистолет в руке. Видимо, рассчитывая на легкую расправу с нами, он громко на ломаном русском языке прокричал: "Русс, руки вверх! Сдавайся!" - и тут же почти в упор выстрелил в нашего часового, но только ранил его.

У меня были секунды на размышление. И мгновенно созрело решение - вырваться из западни. А если и погибать, то в открытом бою. Немецкий офицер сразу был сражен автоматной очередью. Я тут же подал команду:

- Приготовить гранаты! Вперед! За мной!

Как мне показалось, ребята только этого и ждали. Открыв автоматный огонь, с криками "ура", мы вырвались из амбара и на бегу швырнули несколько гранат в сторону врага. В горячке, несмотря на ранение, выбежал и Миша Стогов. Отстреливаясь, мы миновали открытую местность и успели скрыться в зарослях тростника. Фашисты, а их был целый взвод, ошеломленные психической атакой и не ожидая такого исхода, в панике отступили и опомнились только тогда, когда наша группа была от них на почтительном расстоянии.

Вброд перешли мы неглубокую речушку, на руках перенесли раненого. Перебежали поле, где в это время работали крестьяне, с удивлением наблюдавшие за поспешным движением группы неизвестных.

Миновав небольшое расстояние, мы укрылись в мелко-лесье.

К сожалению, дальше двигаться было опасно, так как вокруг была открытая местность, а рядом, всего в километре, располагался немецкий гарнизон.

Наступил полдень. Стояла жаркая солнечная погода. Перевязав раненого и заняв оборону, мы стали коротать время, с нетерпением ожидая темноты. Миша стонал от боли и жары, умоляюще просил пить, а в наших вещмешках, к сожалению, был все тот же сухой горох. Я думаю, в той ситуации нам просто повезло. 4 и 5 мая был какой-то религиозный праздник, и немцы отмечали его. Поэтому, видимо, они и не стали преследовать нас. А впрочем, кто знает? Может, и побоялись вторично встречаться и вступать в бой. Важно то, что небольшая группа комсомольцев-партизан не пала духом, не расте-

рялась, и в чрезвычайно сложной ситуации мы вышли победителями, сумев сохранить свой состав.

Наконец, пришел долгожданный вечер. Только стало темнеть, как со стороны гарнизона послышались подозрительные звуки и треск сухого валежника. Кто-то медленно шел в нашем направлении. Но кто? Срочно приняли меры предосторожности. По моему приказанию партизан Терешонок отправился в разведку. Остальные ребята приготовились к бою.

Вскоре Терешонок привел плохо одетого старика, высокого, худощавого, с большой бородой, за спиной у него на веревке был приторочен топор. Оказывается, дед из соседней деревни пришел сюда за дровами. Старик сначала растерялся, но затем успокоился. На наши вопросы отвечал подробно и обстоятельно. Мы выяснили, что их большая деревня занята фашистами, у которых есть танки, пушки и другая военная техника. Он рассказал: рано утром большая часть немцев по боевой тревоге на автомашинах выехала в направлении железной дороги на выполнение какого-то срочного задания. Оставшиеся в деревне с утра пьянствовали, поэтому старику и удалось под вечер, незаметно, уйти в лес за дровами. Стало ясно, что фашисты отправились на ликвидацию последствий взрыва, подготовленного нами.

Мы попросили старика вывести нас кратчайшим и безопасным путем к назначенному месту. Петляя только ему известными тропами, он вывел нас к цели.

Ночи в мае холодные. На прощание я снял с себя телогрейку и накинул ее на плечи старика. Мы расцеловали нашего проводника, и он тронулся в обратный путь. Очень жаль, что даже имени его не узнали, да и название той деревни не запомнили.

Партизан же мы разыскали на вторые сутки. Скрываясь в лесах, питаясь одним прошлогодним картофелем и крахмалом, да к тому же без соли, плохо одетые и обутые, они все же не сидели сложа руки, а совершали смелые диверсионные операции: подрывали мосты на шоссейных дорогах, уничтожали телефонную связь, устраивали засады, проводили разведку. Вскоре мы привели их на свою базу.

*В. КАРГОВСКИЙ,
командир отряда и комиссар
21-й Калининской партизанской бригады*

Объявление о вероломном нападении фашистской Германии меня застало в Новгороде, где я готовилась к сдаче последнего экзамена за 1-й курс в учительском институте и уже мечтала через год стать учителем русского языка и литературы. Но, увы...

Через день мы плыли на барже по реке Волхов и озеру Ильмень к границе копать противотанковые рвы. А когда вернулись, фронт был уже близко, и в нашем здании института располагался штаб Северо-Западного фронта.

Имущество института и наши личные вещи отправили эшелонам в эвакуацию, и, как мы узнали, в пути их разбомбило. Всех студентов отправили по домам. Я приехала в Бежецк, узнала, что отца направили на работу в райцентр Киверичи, и я отправилась с родителями.

Мне предложили работу в Теблешском лесхозе, вскоре выбрали комсоргом и членом бюро райкома комсомола.

Фронт приближался к Калинин, и вскоре областной центр был оккупирован фашистами. Мы, комсомольцы, готовы были к борьбе с фашистами, а пока круглосуточно дежурили в поселке - для борьбы с возможными десантниками. Но все обошлось благополучно, только ночами небо в направлении Калинина пылало от зарева пожаров и слышалась глухая канонада.

Я стремилась на фронт, обивала пороги райвоенкомата и райкома.

Наконец, в конце сентября 1942 года меня вызвали в райком партии и предложили с группой юношей и девушек выехать в Калинин в распоряжение обкома партии для получения спецзадания. Я согласилась. В обкоме нас сразу направили в Прямухинскую партизанскую спецшколу, чтобы после подготовки отправить в тыл врага.

В спецшколе я встретила бывшего второго секретаря Теблешского райкома партии Сергея Тимофеевича Волкова. Он мне предложил идти в немецкий тыл в составе комсомольско-

молодежной бригады, командиром которой назначен был Сергей Максимович Максименко, а Волков назначался секретарем подпольного Бежаницкого райкома партии, председателем райисполкома - мой земляк бежечанин Михайлов. Я была несказанно рада. Только попросила взять и моих подруг Катю Ключкину, Дусю Алексееву и Нюру Дьячкову.

И вот мы стоим большой шеренгой, а перед строем комбриг Максименко принимает партизанскую присягу: "Я, гражданин Советского Союза, вступая в ряды народных мстителей, принимая эту присягу, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский солдат на нашей земле не будет уничтожен... Я клянусь мстить врагу беспощадно и неустанно..." Это звучало так торжественно, что я еле сдерживала себя от сильного волнения.

После того, как бойцы приняли присягу, выступил комиссар бригады Семен Леонидович Леонов. Он рассказал о задачах, поставленных перед бригадой, о предстоящих больших трудностях партизанской жизни, о коварстве и жестокости врага, а в заключение сообщил, что нашей молодежной бригаде, созданной по инициативе обкома партии и обкома ВЛКСМ, присвоено имя Героя Советского Союза партизанки Лизы Чайкиной. Мы поклялись, что будем достойны этого имени.

Первый переход линии фронта 13 ноября 1942 года оказался неудачным. Бригада, приблизившаяся к немецкой передовой линии, оказалась словно разорванной. Комбриг с войсковой разведкой принял решение вернуться на передовую линию советских войск, а половина бригады с ее разведкой, начальником штаба Исмаилом Алиевым, комендантским взводом, радисткой, отрядами Архипова и Стрелкова двинулась дальше, к месту боевых действий - в Бежаницкий район. Но из-за большого движения поездов и сильной охраны железнодорожного полотна не удалось затемно перейти железную дорогу.

Дневку устроили в небольшом редком лесочке. Немцы думали, что высадился большой армейский десант, во второй половине дня нас обнаружили и окружили. Пришлось принять неравный бой. Отступать было некуда - отстреливались до последнего патрона, ребята вели себя отважно. И все же нас спасла наступившая темнота. Враг прекратил интенсивную стрельбу. К сожалению, потери у нас были большие, около

пятидесяти человек убитых и раненых. Погибли командир отряда Стрелков, комиссар отряда, секретарь подпольного райкома партии Волков. На моих глазах осколком снаряда была убита радистка и разбита ее рация. Я даже не успела узнать ее имени и фамилии. Выбирались из лап врага кто как мог в течение недели. Одежда и обувь у нас были легкие - не для больших морозов. Многие обморозили ноги, руки. Но мы не впали в уныние, снова готовились к сражениям.

В декабре мы удачно перешли фронтовую полосу. Путь лежал через деревню Хорайлово. В этот день там зверствовали фашисты, и мы проходили мимо сожженной немцами деревни.

Бригада наша была немногочисленной, всего 350 бойцов - в основном юноши и девушки 16-17 лет. Она состояла из четырех отрядов: С. П. Архипова - участника гражданской войны, Г. Г. Большакова, Н. Т. Григоренко и А. В. Веселова. Поле деятельности бригады было обширное: районы к западу от Великих Лук - Бежаницкий, Новоржевский, Кудеверский и другие, почти все безлесные.

До нашего появления больших партизанских соединений и отрядов здесь почти не было. Фашисты чувствовали себя привольно. Бесчинствовали полицаи. В больших деревнях работали волостные управы во главе с фашистскими ставленниками.

Население было крайне запугано зверствами фашистов и их угрозами. Молодежь от 15 до 20 лет насильно угоняли на работу в Германию.

Разведка дальнего действия во главе с умным, смелым командиром Аркадием Шороховым и его помощниками Эдиком Талиным, Сашей Смирновым, Новоселовым и другими юношами, узнала, что в волостной управе в селе Аксеново собираются на совещание старосты окрестных деревень для выборов бургомистра и со списками молодежи для отправки в Германию.

Комбриг Максименко поручил отряду Архипова разгромить это гнездо. Я в отряде Архипова была политруком. Раздумывать было некогда. Разведчики со своим командиром Мишей Кирьяновым тщательно обследовали округу. От надежных людей узнали, где находится сама управа, расположение казармы и постов.

Однажды, средь бела дня партизаны с трех сторон внезапно ворвались в село и дружным ударом разгромили управу и казармы, уничтожили постовых. Враги не ожидали такой дерзости и не смогли дать отпора, стали разбегаться кто куда. Но очень немногим удалось спастись от партизанских пуль. Трофеи оказались большими: мы захватили полушубки, валенки, лошадей, скот, оружие и много патронов. В управе забрали документы и списки с фамилиями для отправки в Германию.

Эта операция окрылила партизан. Политработники побывали в деревнях, откуда должны были отправлять молодежь в Германию, и провели разъяснительную работу среди селян. В результате в отряды пришло немало сельской молодежи. Почти все ребята приходили с оружием, припрятанным после боев при отступлении советских войск. Мы очень радовались этому.

Бригада все время находилась в рейдах. Не было каких-то определенных баз для жилья. Почти каждую ночь приходилось делать броски километров по 15 - 20, чтобы оторваться от карательных отрядов, часто следовавших за нами по пятам. Редкий день обходился без схваток с полицией и немцами.

Успешно действовали наши подрывники. Командир взвода подрывников Фруза Ефимова имела большой опыт в этом деле. До поступления в спецшколу она воевала в тылу врага на Смоленщине, а в нашем отряде обучила подрывному делу многих и сама участвовала в боевых операциях: взорвали полотно железной дороги в районе станции Сущево, разрушили путевое хозяйство разъезда Загоскино, 15 января 1943 года был пущен под откос немецкий поезд. На шоссейных дорогах взорвали два моста и ставили на шоссе мины.

20 января отряды Большакова и Архипова разгромили волостную управу в селе Жадрицы. После боя, когда наш отряд еще находился в селе, на шоссе вдруг появилась большая грузовая машина. Наши бойцы Орлов и Мироненков стоявшие на посту, подпустили машину близко и ударили в мотор из противотанкового ружья, а в кабину бросили гранату. Грузовик был с почтой 8-й немецкой танковой дивизии и с новогодними посылками. Мы захватили хорошие трофеи.

В конце января бригада расположилась на дневку в деревнях Давыдово и Мелехово. На рассвете в небе появился немецкий разведывательный самолет. Он кружил над деревнями и с

небольшой высоты обстреливал залегших партизан. А со стороны деревни Макарова по шоссе уже двигались гитлеровцы не менее 300 человек. Завязался жестокий бой, а самолет все кружился над нами и бросал небольшие такие бомбочки. Пулеметчики Женя Смирнов и Валерий Дубинин не смогли этого вытерпеть, прицелились и дали очереди по пролетавшему самолету. Женя Смирнов оказался удачливым. От самолета потянулась полоса черного дыма.

- Сбили! - закричали ребята.

Радости партизан не было предела. Бойцы Большакова и Архипова с криками "Ура!" пошли в атаку, прижали немцев к заледенелому озеру, а партизаны Григоренко били их с фланга. Гитлеровцы стали отступать по дороге к Новоржеву. Но многие были сражены партизанскими пулями и остались лежать на снегу. В этом бою нашими трофеями были два миномета, три ручных пулемета, много оружия и боеприпасов. С болью в сердце мы похоронили тогда отважного молодого пулеметчика Николая Иванова.

28 января два егерских батальона с артиллерией двигались к фронту из Опочки к Новосокольникам, где шли ожесточенные бои. Неожиданно у деревни Детково их встретили бригады Максименко и Бабакова. Завязался бой, который длился целый день. Отряды Веселова, Архипова, Григоренко настойчиво атаковали противника. В этом бою немцы потеряли только убитыми более ста человек. Много было раненых. Наш отряд Архипова также понес тяжелые потери. Пали смертью храбрых Фруза Ефимова, Евгений Смирнов. Погибла комсорг бригады Леля Дадицкая.

5 февраля очень тяжелый бой был в деревне Дьячки, где на рассвете расположились на отдых отряды Архипова и Григоренко. Каратели финны, в белых маскхалатах, передвигаясь на лыжах, уничтожили ножами наш заслон и неожиданно ворвались в деревню и открыли сильную стрельбу из автоматов. Отстреливаясь, партизаны с трудом покинули деревню, находившуюся в низине, и заняли оборону на высотах у мельницы. Изнуряющий бой длился несколько часов без особого успеха с обеих сторон и стал уже утихать. Но противник начал бить из минометов. Командование отрядов и разведчики под прикрытием сарая собрались на совет, как действовать дальше. Прискакал связной от комбрига Максименко с приказом об

отходе. И вот страшный разрыв мины: прямым попаданием были убиты начальники штабов обоих отрядов Николай Татаринов и Чепеленок, комиссар отряда Григоренко Иван Александрович Козлов, комсорг отряда Наташа Андреева. Несколько партизан-разведчиков также были ранены.

У Архипова до этого еще в деревне Дьячки ранили адъютанта, и он позвал меня проводить его к расположению нашего взвода. Мы отошли всего метров на 50. Только счастливый случай спас нас от гибели.

Выполняя приказ комбрига, отряды начали отходить. Наш взвод прикрывал пулеметным и автоматным огнем отступление. Этот день принес очень тяжелые утраты. Целую неделю не отходила медсестра Катя Ключкина от тяжело раненого в голову комиссара Михайлова. Мы, как могли, старались облегчить его невыносимые страдания. Медсестра штаба бригады Маша Шаталина старалась принять все меры к его спасению. Осколок однако задел мозг. Увы, хирурга у нас не было.

В феврале мы расположились на отдых в деревне Чернорово. Обстановка была спокойной. Неожиданно в наш отряд, запыхавшись, прибежала совсем юная девчушка, которой еще не исполнилось и пятнадцати лет, Женя Малышева, с просьбой отвести ее к командиру Архипову. Она выполняла задания командира, была агентурной разведчицей. Много ценных сведений она принесла из своих походов в Новоржев и другие гарнизоны. Всегда готовая на выполнение любого задания, безотказная, скромная, она пользовалась большим уважением среди командования и братской любовью у разведчиков и бойцов отряда. А теперь она узнала, что против партизан нашей бригады из Новоржева направлен крупный карательный отряд, и он уже на пути к деревне Чернорово. Отряды хорошо подготовились к отпору. Вскоре завязался бой. Фашистов сжали, как в клещи, и немногим из них удалось улизнуть от расправы. Трофеи были большие, много оружия, патронов. Но восторг у всех вызвал немецкий скорострельный станковый пулемет.

Рядом с нашей бригадой против гитлеровцев сражался молодежный отряд "Земляки", сформированный, в основном, из ребят Кувшиновского района. Командовал отрядом Виктор Терещатов. Он часто бывал в расположении нашей бригады,

где согласовывал боевые действия с начальником штаба Исмаилом Алиевым и командиром разведчиков Аркадием Шороховым. Виктора обычно сопровождали его товарищи комиссар отряда Дмитрий Веренич и разведчик Николай Горячев. Отряд "Земляки" действовал против оккупантов смело и решительно. К сожалению, в апреле 1943 года в жестоком бою с карателями Веренич и Горячев погибли. Николаю Горячеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вскоре в эти места из советского тыла пришли 8-я партизанская бригада Михаила Карликова и 13-я бригада Григория Бабакова.

Боевые действия усилились. Наступила весна 1943 года. Немцы сильно встревожились активными партизанскими действиями.

В марте разведчик нашего отряда Саша Миронцев с товарищем был послан верхом на конях в дальнюю разведку. Задание они выполнили успешно и возвращались в расположение отряда в деревню Колкишкино Кудеверского района. Рысью проезжая деревню Пожар, которая находилась в двух километрах от нашего расположения, они неожиданно наскочили на немецкую засаду. По разведчикам открыли ураганный огонь. У Саши Миронцева убили лошадь, а его самого ранили в ноги. Товарищ же успел проскочить. Саша крикнул ему: "Поезжай за помощью!", а сам стал отбиваться короткими выстрелами. Немцы боялись близко к нему подходить. Саша заменил диск, но скоро кончились патроны и автомат замолк. Враги сразу бросились к нему, намереваясь взять живым. Но Саша выхватил гранату. Раздался взрыв...

Через несколько минут подоспела помощь партизан, но было поздно. Крестьяне, наблюдавшие эту неравную схватку, рассказали, что фашисты успели увезти на лошадях несколько трупов. Так воевал наш разведчик, ученик ФЗУ, перенесший первый год блокады Ленинграда и мстивший за своих родных, погибших при бомбежке в развалинах дома. Друг Саши Валерий Дубинин, боевые товарищи поклялись отомстить за его гибель.

В середине апреля 1943 года против наших бригад были направлены из-под Старой Руссы две дивизии 16-й немецкой армии, вооруженные до зубов всеми видами боевой техники. До 24 апреля, целую неделю, шли кровопролитные бои с

карателями. Партизанские бригады в огненном кольце сражались до последнего патрона. Фашистами был расстрелян обоз с лежащими, тяжелоранеными партизанами. Их было более двухсот человек. Многие партизаны погибли в боях: начальник штаба бригады Исмаил Алиев, комиссар Леонов, командир отряда Большаков, другие командиры и бойцы. Более 350 тяжелораненых партизан было расстреляно по приказу командующего 16-й немецкой армией в противотанковом рву у деревни Валуевское Локнянского района. Лишь немногим удалось вырваться из огненного кольца.

Победа над фашистскими захватчиками далась нашему народу неимоверно тяжким трудом и огромным числом человеческих жизней. Погибшие защитники Отчизны - воины и партизаны - достойны светлой памяти. Их имена не подлежат забвению.

*Л. ТАРАНОВА,
политрук комсомольско-молодежной
партизанской бригады имени Лизы Чайкиной*

У ПАРТИЗАНСКОЙ ДРУЖБЫ НЕТ КОНЦА

Я росла в деревне. Наш Новоржевский район располагался в западной части Калининской области (теперь это Псковская область). Жили мы небогато, к тому же в нашу семью в 1938 году пришла большая беда. По ложному навету одного негодяя мои родители были репрессированы, и мы, дети, остались одни. Воспитывала нас сводная сестра, человек доброй души. Она для меня была как мать и всем, чем могла, помогала нам. В семье же я была пятой и старшей. Любая деревенская работа была мне знакома, и поэтому я не робела.

Лето 1941 года радовало всех. Хлеба росли отменные, травы – по пояс, в народе говорили: "Год нынче будет урожайным".

И вдруг – война. Невозможно передать на словах, надо было видеть эту трагедию своими глазами. Горят деревни, пылают хлеба, горит все, что нажито человеческим трудом, и нет предела грабёжам, расстрелу невинных людей. Всюду висели приказы фашистов с угрозой смерти и, казалось, уже не видеть нам светлых дней.

Подходил к концу 1942 год. В нашем краю появились партизанские отряды. Мне было всего 14 лет.

Староста грозился отправить меня в Германию, в рабство. Из деревни он уже многих из тех, кто не смог откупиться, отправил туда. За первую повестку сестра отдала поросенка. Осталась у нас одна старенькая корова, на которую была последняя надежда.

В одну из ночей к нам приехали партизаны. Их командиром был Семен Поликарпович Архипов. Это я узнала позже, когда была в отряде. Я очень просила взять меня в отряд, а командир сказал:

– Ты, дочка, мне здесь нужна. Нам необходимы люди, которые помогут узнавать о немцах все: их вооружение, с какой целью едут по деревням.

Первое разведывательное задание мое было – пройти в

У ПАРТИЗАНСКОЙ ДРУЖБЫ НЕТ КОНЦА

Я росла в деревне. Наш Новоржевский район располагался в западной части Калининской области (теперь это Псковская область). Жили мы небогато, к тому же в нашу семью в 1938 году пришла большая беда. Положному навету одного негодяя мои родители были репрессированы, и мы, дети, остались одни. Воспитывала нас сводная сестра, человек доброй души. Она для меня была как мать и всем, чем могла, помогала нам. В семье же я была пятой и старшей. Любая деревенская работа была мне знакома, и поэтому я не робела.

Лето 1941 года радовало всех. Хлеба росли отменные, травы – по пояс, в народе говорили: "Год нынче будет урожайным".

И вдруг – война. Невозможно передать на словах, надо было видеть эту трагедию своими глазами. Горят деревни, пылают хлеба, горит все, что нажито человеческим трудом, и нет предела грабегам, расстрелу невинных людей. Всюду висели приказы фашистов с угрозой смерти и, казалось, уже не видеть нам светлых дней.

Подходил к концу 1942 год. В нашем краю появились партизанские отряды. Мне было всего 14 лет.

Староста грозился отправить меня в Германию, в рабство. Из деревни он уже многих из тех, кто не смог откупиться, отправил туда. За первую повестку сестра отдала поросенка. Осталась у нас одна старенькая корова, на которую была последняя надежда.

В одну из ночей к нам приехали партизаны. Их командиром был Семен Поликарпович Архипов. Это я узнала позже, когда была в отряде. Я очень просила взять меня в отряд, а командир сказал:

- Ты, дочка, мне здесь нужна. Нам необходимы люди, которые помогут узнавать о немцах все: их вооружение, с какой целью едут по деревням.

Первое разведывательное задание мое было – пройти в

выправкой человек, и не строгий, а обыкновенная русская девушка, небольшого роста, перетянутая ремнем с пистолетом на боку, в бушлате "ремесленного" покроя, в шапке-ушанке, и что особенно запомнилось - румянец во все лицо. Здесь и произошло мое первое знакомство с Лидией Александровной Бахтюковой.

Бой закончился как-то внезапно, немцы уходили. Или уже стало темнеть, или это была проверка партизанских сил. Ясно было одно, что-то замышляют фашисты против партизан.

В этом бою у нас погибло 14 человек - отважных мальчишек и девчат. Похоронив их за деревней на высотке, мы быстро снялись.

Следующая встреча с политруком была в деревне Гришино, где она проводила комсомольское собрание, а затем беседовала с населением, читала сводку Совинформбюро. После собрания мы переписывали листовки со сводкой. В беседе мы что-то узнали друг о друге. В тылу врага с Лидой Бахтюковой у нас завязалась крепкая партизанская дружба. Все невзгоды переносили вместе. В отряды прибывали все новые и новые люди - молодежь из деревень, бойцы из окружения, бежавшие из концлагерей пленные. И нужно было узнать, чем человек дышит, кто он. Вот и "подковывала" нас политрук.

Если мы проводили беседы среди бойцов и, особенно среди населения, распространяли листовки, читали газеты с Большой земли о сражениях Красной Армии, о победах на фронтах, то и фашисты не дремали. Нужно было разоблачать их фальшивую пропаганду.

Вот и приходилось политруку работать с утроенной энергией. Где она брала эту силу, отдыхая только урывками? Только с декабря 1942 года по март 1943 года она провела среди партизан и населения десятки докладов и бесед. После гибели комсорга отряда Наташи Андреевой Лиде Бахтюковой пришлось возглавить комсомольскую организацию. За три месяца было принято в члены ВЛКСМ 42 человека. И все это в условиях ежедневных переходов, частых боевых схваток с врагом, холода и голода.

Ко всем невзгодам прибавились еще сложности: несколько человек заболели сыпным тифом, у многих ребят появилась чесотка. С чесоткой медсестра Катя Клюквина боролась успешно. Вместо серы использовала тол, натирала его, сме-

шивала с жиром и смазывала пораженные места. Ребята сопротивлялись. Нужно было их уговаривать обнажать пораженные места. Но и с этой задачей справились.

Бригада была рейдовой, и нередко в сутки мы проходили до 25-30 километров пешком и на лошадях, часто с боями. На посты ставили по два человека, так как за сон на посту не было пощады. Проверять посты вменялось тоже политруку.

Разведчики как-то доложили командованию об отправке молодежи в Германию. От каждой волости немцы назначали по 15 человек. Нашему отряду было приказано окружить село Аксеново и уничтожить полицейский гарнизон. Операция была проведена днем удачно. При этом были взяты большие трофеи: боеприпасы, оружие, скот, изъятый у населения для отправки в Германию, а, главное, мы спасли тех, кто должен быть отправлен в фашистскую неволю.

С каждым днем все труднее становилось нам отбивать карательные экспедиции. Появилось много раненых, которые затрудняли наше продвижение. Мы запрашивали самолеты с Большой земли. Ожидание было тяжелым. Холод пронизывал до костей. С трудом приходилось поддерживать огонь в костре. И труднее всего - хотелось есть. Казалось, силы тебя покинут, и уже все будет безразлично. И вдруг слышим песню: "Мы шли под грохот канонады..." Конечно же, это была наш политрук, ведь появлялась она чаще всего в трудный час. Ведь и песня как хлеб - только вовремя дай, и все невзгоды забываются. А песни мы переиначивали на свой партизанский лад:

*Синенький скромный платочек
Немец в деревне украл,
Как он ни прятал, как ни старался,
Но партизан отобрал.*

Наша бригада попала в окружение. Кудеверское окружение в апреле 1943 года помнят все, кто остался в живых. На третий день обороны кончились патроны, фашисты расстреляли обоз с тяжело ранеными партизанами. Комбриг дал приказ выходить малыми группами.

После выхода из окружения судьба вновь свела меня с политруком уже в 8-й Калининской партизанской бригаде на территории Белоруссии. Лида работала помощником комиссара бригады по комсомолу. Мне запомнилось на всю остав-

шуюся жизнь, как мы стояли в деревне Машны и политрук принимала нас в комсомол и вручала самодельные комсомольские удостоверения.

Мне и моим товарищам тот день придал уверенности, энергии. Если бы вы видели глаза политрука в тот момент, то непременно сказали бы: "Такие глаза приносят радость и счастье".

После соединения с частями Красной Армии наш политрук уехала в Калинин. Сейчас она на заслуженном отдыхе. Но Лидию Александровну Таранову можно часто видеть и на предприятиях, и в школах. Всегда ее слушают с интересом. Часто мы с Лидой выступаем вместе.

Наша дружба так и продолжается. Это особая дружба - партизанская. У нее нет конца.

*Е. МАЛЫШЕВА,
разведчица Погорельского партизанского отряда*

ЛОХОВНЯ

Лоховня ты, моя Лоховня,
Ты, наверное, помнишь меня,
Как в разведке порой ночной
Обнималася смерть со мной...

Я ее не спешил целовать,-
Партизану нельзя умирать.
Командир с донесением ждет:
- Мой разведчик,- сказал,- придет.

А вокруг в гарнизонах враги.
Ночка темная, мне помоги!
Я сражаюсь за край родной,
Завтра здесь разгорится бой!

Ночь за ночью, за годом шел год,
Шел и я все вперед и вперед,
Без разведки нельзя никак,-
Очень лют и коварен враг.

Здесь засада, а там - патрули.
Ночка темная, мне помоги!
На "железку" сегодня путь:
Нам приказано там рвануть.

Партизанское наше "ура!"
Помню я словно было вчера.
Не забудь же и ты меня,
Партизанская Лоховня!..

ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

В темной роще густой партизан молодой
Притаился, укрылся в засаде.
Под осенним дождем мы врага подождем
И растопчем фашистского гада.

Ни жена, ни сестра нас не ждут у окна,
Мать родная нам стол не накроет.
Наши избы сожгли, наши семьи ушли,
Только ветер в развалинах воет.

И летит над страной этот ветер родной,
И считает он слезы и раны,
Чтоб могли по ночам отомстить палачам
За разбой и за смерть партизаны.

В. ХОМЯЧЕНКОВ,
разведчик Погорельского партизанского отряд

КОНЕЦ "СНЕЖНОГО ЗАЙЦА"

К осени 1942 года на фронтах сложилась тяжелая обстановка.

В сентябре после совещания с командирами крупных партизанских формирований был издан приказ Народного комиссара обороны И. В. Сталина "О задачах партизанского движения". Приказ отмечал возросшую роль народной войны в условиях, когда война приобрела затяжной характер, и определял важнейшие направления боевой деятельности партизанских отрядов.

В неразрывной связи с общим планом борьбы с врагом огромную организаторскую работу проводило и руководство Калининской области во главе с членом военного совета фронта Иваном Павловичем Бойцовым.

В те годы западные районы нашей области граничили с Белоруссией и Латвией. Под оккупацией немецко-фашистских войск осенью 1942 года находилось пятнадцать районов, в которых шла мужественная неустанная борьба с гитлеровскими захватчиками. За каждым районом были закреплены партизанские формирования.

Сложная обстановка в тылу противника призывала объединять усилия в борьбе с оккупантами. На исходе 1942 года калининские партизаны установили тесную связь с братьями по оружию из Белоруссии и Латвии. Дружные совместные действия привели к освобождению значительной территории. На стыке трех республик образовался партизанский край. Люди называли его братским. Он протянулся с востока на запад почти на сотню километров и с севера на юг - до 80 километров. Северная граница партизанская края подходила к Идрице и Себежу, западная - к Освее и Дриссе, с юга достигала Полоцка, а на восток простиралась почти до Невеля. Партизаны захватили и вывели из строя железнодорожный путь Идрица - Полоцк, на шоссежных дорогах взорвали мосты и устроили завалы, организовали усиленную охрану границ своей зоны. Все это затрудняло вторжение сюда противника.

Центром освобожденной земли считался отбитый у врага районный центр Витебщины Россоны. Население не признавало здесь фашистских порядков. В деревнях были воссозданы сельсоветы и колхозы. Тут же демонстрировались доставленные самолетами советские кинофильмы. У деревни Селявщина был оборудован аэродром для приема самолетов с Большой земли.

Разумеется, гитлеровцы не могли мириться с таким положением. Над партизанским регионом постоянно висела "рама" - вражеский самолет-корректировщик, из одного конца края в другой сновал самолет-разведчик "хейнкель" по прозвищу "костыль". Эти недостижимые для партизан самолеты вызывали по радио свои бомбардировщики и штурмовики, совершавшие налеты на свободные деревни.

В начале 1943 года партизанские разведчики стали приносить тревожные вести о концентрации вражеских войск по периметру границ братского края. Пленные немцы давали разноречивые показания. И все же можно было догадываться, что противник готовит крупную карательную экспедицию с применением артиллерии, танков и авиации. У границ партизанской зоны часто стали появляться группы фашистских разведчиков, одну из них уничтожили у реки бойцы 6-й калининской бригады под командованием комиссара Н. И. Макарова.

День ото дня обстановка вокруг партизанского края накалялась все более и более.

В конце января гитлеровцы нанесли удар со стороны Невеля по 6-й калининской бригаде В. Г. Семина и отрядам 2-й бригады П. В. Рындина, находившимся у озера Язно. Одновременно каратели начали наступление со стороны станции Дретунь на белорусские бригады Р. А. Охотина, М. С. Прудникова и М. И. Дьякова.

Завязались тяжелые бои с численно превосходящим, сильным противником. Отважно сражались калининские отряды под руководством Г. П. Ахременкова, В. Н. Карпенкова, В. С. Карговского и К. Ф. Козлова. Партизаны мужественно сдерживали натиск карателей, но все-таки вынуждены были отходить.

Разведчики сообщили, что в деревню Турки Перевоз прибыло около полка пехоты противника. Свыше трех тысяч солдат с артиллерией и танками сосредоточились на станции Идрица.

Вскоре туда прибыло еще 69 вагонов с войсками. Разведка установила, что против партизан проводится карательная экспедиция под кодовым названием "Шнеехазе" ("Снежный заяц"), возглавляемая генерал-майром Якоби. В карательной акции участвовало до 12 тысяч солдат и офицеров противника.

Обстановка потребовала участия всех бригад и отрядов - русских, белорусских, латышских.

В селе Ровное Поле срочно провели совет командиров, на котором согласовали действия бригад, чтобы не допустить рассеяния партизанской зоны. Каждой бригаде определили участок действий. Представитель калининского штаба партизанского движения А. И. Штрахов и командир белорусской бригады А. В. Романов должны были координировать действия всех подразделений.

Партизаны дрались упорно, однако крупные силы гитлеровцев настойчиво лезли в глубь зоны. Им помогала авиация.

Около трех суток шли бои у деревень Павлово и Прохорово. Здесь держала оборону 1-я калининская бригада под командованием двадцатидвухлетнего Федора Бойдина. Отряды Ф. И. Ботова и А. И. Савиткова, руководимые начальником штаба этой бригады Дмитрием Халтуриным, сражались особо отчаянно. 10 февраля утром каратели численностью до 800 человек с тремя танками, а также пушками и минометами двинулись на деревню Павлово. Бой длился весь день. Противник потерял около двухсот человек. Партизаны подбили передний танк, который перекрыл путь двум другим танкам. К вечеру гитлеровцы все же овладели деревней. Сюда, на помощь калининцам, прибыл латышский отряд Виллиса Самсонса. С рассветом партизаны атаковали противника. Врагу был нанесен решающий удар. Каратели бежали с поля боя, бросив погибших. Но и партизаны потеряли в этом жарком бою 38 своих бойцов.

Основная группировка немцев попятилась. Белорусские бригады отрезали путь отхода значительной части карателей. Партизаны заходили во фланг противнику и уничтожали карателей. Калининские бригады Бойдина, Буторина, Вараксова, Гаврилова, Лисовского, Марго, Семина, не допустив подхода резервов противника, перешли в наступление.

Карательная акция захлебнулась окончательно.

Победа далась нелегко. Фашисты воевали не только с

партизанами. Директива их командования гласила: "... главным законом в борьбе с партизанами является суровость. Захваченных в бою партизан после краткого допроса расстреливать на месте. Чрезвычайная суровость необходима также и по отношению к населению, чтобы запугать от намерений содействовать партизанам".

За время карательной экспедиции в одном только Россонском районе гитлеровцами было убито более двух тысяч жителей. Свыше трехсот человек каратели сожгли живыми. На месте многих деревень остались торчать одни печные трубы.

Но и этим дело не кончилось.

В феврале со стороны Латвии началась другая карательная экспедиция. Руководил ею обергруппенфюрер СС Эккельн. Его группировка носила более изящное название - "Винцерцаубен" ("Зимнее волшебство"). Эккельн учел ошибки своего коллеги генерала Якоби. Карателей насчитывалось около 20 тысяч - пять эсэсовских полков и 14 полицейских батальонов. Были привлечены части 3-й танковой армии, авиации и артиллерии.

Силы партизан к этому времени оказались ослаблены. Часть отрядов ушла на север, несколько латышских групп отправились громить врага на свою территорию. Требовалось оружие, гранаты, патроны.

Фашисты нанесли удар от районного центра Освея в трех направлениях. Вновь начались тяжелые бои. Партизаны стойко оборонялись. Люди, которые не могли держать в руках оружие, помогали строить оборонительные рубежи. В тылу партизан находился Россонский район, где собрались, спасаясь от расправы, тысячи мирных граждан. Их нельзя было бросить на растерзание врагу.

Эккельн ставил задачу ликвидировать партизанский край с его населением. Он действовал медленно, но упорно.

16 февраля фашисты начали наступление из района Свольна - Бениславский разъезд. У деревни Климовщина их встретила бригада Г. П. Герасимова. В жестокой схватке противник был отброшен.

В одном из боев партизанам удалось захватить немецкий танк. За его рычаги сел бывший танкист Александр Ангудович. На рассвете каратели пошли в атаку. В деревне вспыхнули избы. Артиллерийский и минометный огонь не давал возмож-

ности поднять головы. Казалось, еще мгновение - и партизанские ряды дрогнут. В этот момент из укрытия вынырнул трофейный танк. Он устремился на цепи врага. Послышалось "ура!". Фашисты отступили.

Однако и после изнурительных боев наши отряды вынуждены были отойти.

Командиры собрались на совет еще раз. Вновь была создана оперативная группа для координации действий всех бригад. Все силы разделили на три группы. Решено было разгромить карателей во встречном бою, а если это не удастся, то отойти к реке Свольне, закрепиться и стоять насмерть.

Так планировали, но инициатива оказалась в руках у врага. Фашисты атаковали, не считаясь со своими потерями.

В течение месяца пытались гитлеровцы сломить партизан. Все это время не утихал бой. Заболоченная, занесенная снегом местность, взорванные мосты и завалы не позволяли врагу широко использовать танки и другую тяжелую технику.

В середине марта партизанские отряды перешли в наступление. Мелкие группы, подобно осам, сильно жалили врага. Под этим напором фашисты стали покидать братский край.

Земля, вновь освобожденная от оккупантов, начинала обычную жизнь.

После войны рядом с тем местом, где находился братский край, на стыке границ Белоруссии, Латвии и России, был насыпан невысокий курган, на вершину которого ветераны партизанского движения посадили молодой дубок - символ дружбы.

*В. ТЕРЕЩАТОВ,
командир партизанского отряда "Земляки"*

ПАРНИ ИЗ ВЫШНЕГО ВОЛОЧКА

Каждый год встречаются партизаны на Кургане дружбы, в точке, где сходятся границы трех ныне независимых государств. Все меньше и меньше остается наших боевых товарищей в яркой жизнерадостной толпе людей, которая сначала собирается возле Кургана, а затем растекается по "национальным" территориям. Много тому причин. Неумолимо время. Самым юным партизанам Великой Отечественной сегодня под семьдесят. И за последние полвека значительно растаял наш боевой строй. У оставшихся в живых все острее болят раны - вот когда война по-настоящему выстрелила по нашему поколению. К тому же поездки в неближний край теперь и стоят недешево. Границы, таможни, обмен валюты, другие формальности не только изнуряют, но и оскорбляют достоинство.

Однако всякий раз, вот уже много лет, вместе с нашей калининской делегацией прибывает на Курган дружбы автобус из Вышнего Волочка. Кое-кто приезжает с ребятами - сыновьями, внуками. Едут молодые рабочие, учащиеся школ и профтехучилищ. Молодежь не ограничивается этими поездками, ведет и большую поисковую работу, бывает в Себеже, на Замковой Горе, на братской могиле у Петуховщины, в других памятных партизанских местах Псковщины. Это с нами встречается наша юность.

Мне всегда интересно наблюдать за юными земляками, когда мы встречаемся с ними и вспоминаем партизанские будни. Куда у них деваются внешняя бравада, шалости? Мне иногда кажется, что они даже завидуют нам, нашей боевой юности, смотрят на нас уважительно и даже восхищенно. Словом, что бы ни говорили о нашей молодежи, такие поездки и встречи, уверен, прибавляют в ее воспитании, оставляют глубокий след в сознании и характере наших детей и внуков. А еще нам дорого - что и мы, и они - из одного города, где все нам одинаково близко, потому что это наша общая малая родина. Случись что, верю, наша смена повторит нашу судьбу.

В годы войны Вышний Волочек не был оккупирован немцами,

хотя линия фронта почти подходила к границам района. В соседнем Торжокском районе немец уже был. Нам помнятся патрульные обходы бойцов истребительного батальона ("ястребков", как называли их в народе) по затемненным улочкам города. Многи знакомые ровесники были отправлены на строительство укрепленного рубежа Селижарово - Молодой Туд. Где-то в парткоммах, военкомате, органах госбезопасности шла напряженная секретная работа по формированию партизанских отрядов и подготовке подполья.

До нас доходили сообщения о быстром распространении партизанского движения в занимаемых врагом районах Калининской области. Потом стали исчезать из города некоторые наши товарищи. Вслух говорить об этом не было принято, но из каких-то полупонамеков становилось ясно, что ребята уходили в тыл врага.

Из Вышнего Волочка партизанские группы были отправлены и в октябре сорок первого, и в ноябре, и в ночь под Новый 1942 год.

В конце зимы сорок второго пришла и наша очередь. Нам было лет по шестнадцать - восемнадцать. Жизненного опыта - никакого. Но зато все мы были активистами-авиахимовцами, все стремились еще в довоенное время получить значки "ворошиловских стрелков", ГТО, БГТО, ПВХО, свидетельствовавшие о нашей боевой и физической подготовке.

Как-то нас пригласили в комитет комсомола, и майор В. Д. Котлов, который там присутствовал, сообщил, что наши заявления с просьбой направить в партизанские отряды удовлетворены. Молодежную группу вышневолочан сначала возглавили лейтенант Анатолий Бухвостов и комиссар Игорь Венчагов, хорошо уже нам знакомый. Впоследствии он стал начальником штаба партизанской бригады имени Дениса Давыдова. Они уже побывали за линией фронта и имели некоторые навыки партизанской борьбы. Командир и комиссар очень не походили друг на друга - словно готовый двинуться с шашкой на танк Бухвостов и интеллигентный, корректный, выросший в культурной семье Венчагов.

А всего наш город направил в партизанские отряды около двухсот человек. Это и партизанский комбриг Михаил Ершов, и ныне здравствующие Василий Верещагин, Альберт Храмов, Аркадий Черноморцев, Николай Ершов и погибшие смертью

храбрых Василий Беляков, Борис Зайцев, Владимир Иванов, Александр Архипов, Владимир Корольков, Александр Упоров, Владимир Варламов - всех и не перечислить, но светлый образ каждого из них живет в памяти и сердцах боевых друзей.

Рядом с нами сражались парни из Кувшинова, Торжка, Лихославля. По-разному назывались наши отряды: "Земляк" и "Новички", "Бесшумные" и "Боевые", "Мстители" и "Упорные". Многие ребята вошли в партизанскую бригаду специального назначения, получившую имя Дениса Давыдова, партизана Отечественной войны 1812 года. Командовал бригадой Александр Владимирович Назаров, строгий, порой даже беспощадный, но всегда справедливый и мудрый. Он уже оставался в качестве разведчика под чужим именем в оккупированном Нелидове, затем занимался формированием разведывательно-диверсионных групп. Так что обстановку на занятой врагом земле, тактику партизанской войны знал не понаслышке.

Мы, конечно, жаждали активных боевых действий, дающих осязаемый, видимый результат.

Разгром вражеских гарнизонов, диверсии на железных и шоссейных дорогах, повреждения линий связи - все это, разумеется, осложняло положение противника, срывало его планы, наносило урон в живой силе и материальных ресурсах.

Моя партизанская судьба как раз и была связана с разрушением коммуникационных линий противника. Помнится, как вывели фашистов из себя две, одна за другой проведенные операции на железной дороге в течение двух суток подряд. Сначала мы рванули воинский эшелон на участке Новоскольникови - Невель в районе деревни Ракитино, а затем товарный состав с военными грузами недалеко от станции Маево. Был взрыв моста возле поселка Скоково, подрыв полотна железной дороги у станции с чудным названием Выдумка. Название-то смешное, да дело оказалось очень непростым... Тогда были уничтожены паровоз, два вагона, а главное - почти на трое суток задержано движение на железной дороге. Или вот еще диверсия на перегоне Насва - Назимово. Дело было под Первомай. 60 вагонов сошло под откос, из них 30 разбились в щепки. На восстановление движения потребовалось еще трое суток.

Но ведь дело, разумеется, не во мне одном. Я, например, просто типичный представитель боевого братства партизан-вышневолочан, не считите это утверждение за нескромность.

Вот о них, моих юных товарищах-земляках, мне и хотелось бы сказать самые добрые слова.

Есть в Вышнем Волочке улица Бориса Зайцева. Сам Борис - с "Красного Мая". Было ему всего семнадцать лет. Он воевал в третьей Калининской партизанской бригаде, в отряде "Смерть фашизму!". Отмерено ему было на войну всего-ничего - в партизанах он значился с 1 февраля по 11 октября 1942 года. Зато Борис первым во всем Калининском партизанском корпусе был удостоен самой высокой награды - ордена Ленина. Он отличался не только как отважный подрывник, взорвавший пять эшелонов противника. Довелось ему участвовать в рукопашном бою, да еще вернуться в отряд с захваченным у немцев оружием.

Погиб наш земляк от пули предателя, прислужника гитлеровцев, возвращаясь с удачной диверсии, как раз на следующий день после того, как узнал о награде.

А разве забыть нам Васю Белякова? Командр взвода Беляков слыл отважным и умелым разведчиком. Его рассудительность и смекалку высоко ценил сам комбриг Назаров. 4 ноября 1943 года Вася Беляков, Виталий Гребенщиков и Сережа Мочалов ушли на задание в Себеж. Необходимо было связаться с нашими людьми в городе, получить от них необходимые сведения. Разведка, тем более агентурная, требует осмотрительности, мужества, железных нервов. Партизаны вполне отвечали этим высоким требованиям.

Проходя через деревню Глазово, группа обнаружила отряд вооруженных людей - молодых, здоровых, и поначалу приняла их за партизан.

На вопрос "Кто такие?" Василий Беляков машинально ответил: "Свои!", но спохватился и переспросил: "Пароль?". Да, так было обусловлено командирами отрядов и бригад, поскольку в себежской округе появились лжепартизаны провокатора Мартыновского, помогавшие карателям выявлять подлинных партизан. Подонки сразу уяснили, кто есть кто, и открыли огонь. Упал Сережа Мочалов. Василия и Виталия предатели ранили и в тяжелом состоянии переправили в Себеж к жандармам. Их били, истязали. Гребенщикова немцы расстреляли. Беляков умер в камере. Похоронены они у Петуховского переулка, там, где теперь ежегодно встречаются калининские партизаны и вышневолоцкие подростки.

А тело Сережи Мочалова подобрали друзья. Он захоронен в деревне Томсино, там же, где и его земляк - вышневолочанин Федор Шилин.

Еще одно легендарное имя не могу не назвать - Евгения Разлетовского. По месту рождения он не вышневолочанин, родился в Пскове. Отец был учителем, директором школы в Новгороде, на Вологодчине. Мог бы, наверное, Женя и обидеться на Советскую власть, потому что забрали отца в тридцатом году по пресловутой 58-й статье, а вернулся он из заключения и вскоре умер. Жили Разлетовские в Псковской области, где окончил парень перед войной 9 классов в Стремуткинской средней школе. Началась война, и уже в июле оказался Евгений с матерью в Вышневолоцком районе, пошел работать молотобойцем в леспромхоз. Но долго усидеть дома не мог и пришел в горком комсомола с просьбой отправить в партизаны, тем более он все-таки знал западные районы. Так Женя оказался среди нас. Более того, в семнадцать лет стал комиссаром партизанского отряда. Кому из нынешних семнадцатилетних это снится?

Мне, например, Женя запомнился какой-то врожденной воспитанностью. Он был исключительно тактичен в отношениях с товарищами. Слова плохого от него никто не слышал. И еще одно удивительное качество Евгения Разлетовского - полное отсутствие чувства страха. Это не была удадь, лихость, какая-то расторможенность. Это была, я бы сказал, благовоспитанная смелость. И еще он мастерски владел пулеметом РПД.

Погиб Женя Разлетовский при выходе из окружения, у деревни Ягодкино Локнянского района, прикрывая отход товарищей пулеметным огнем. Бился он до последнего патрона.

И, конечно, нельзя не вспомнить, рассказывая о вышневолоцких партизанах, Игоря Ильича Венчагова. Он был для нас всем - и учителем меткой стрельбы на "гражданке", и комиссаром, командиром, начальником штаба партизанских отрядов и бригады, несколько раз переходил линию фронта. А, между прочим, значился он белобилетником, и в действующую армию, на фронт его не брали. Скончался он уже после войны.

Хочу рассказать и о других боевых товарищах, тех, кому выпала счастливая доля встретить пятидесятилетие юбилея Победы. Жизнь у них, как и всего нашего народа, за эти

полвека была нелегкая, но отмеченная верным служением Родине.

Гвардии полковником стал Вениамин Иванович Чуркин. Ему довелось продолжить после партизанского отряда армейскую службу и в Восточной Германии, и в Китае. Грудь его украшают награды иностранных государств. Он и сейчас ведет большую военно-патриотическую работу с молодежью.

С 1942 года участвовал в партизанском движении вышневолочанин Василий Дмитриевич Верещагин. В годы войны он славился лихими диверсиями в тылу врага. Он действительно был талантливым диверсантом, осторожным, подготовленным технически, ловким. Сколько военной техники недосчитались гитлеровцы с "легкой руки" нашего Василия. Он после войны тоже служил в армии, стал подполковником.

А Альберт Федорович Храмов - полковник, многие годы отдавший охране государственной безопасности. Он теперь на отдыхе, как и Борис Анатольевич Годин, майор. А мы знали Анатолия Година человеком очень спокойным, уравновешенным и не знающим страха.

Я уже упоминал имя Аркадия Константиновича Черноморцева. Хочу только добавить, что после партизанского отряда он воевал в рядах действующей армии, в боях за Кенигсберг получил тяжелое ранение, стал инвалидом, но продолжал трудиться и очень много работает с подрастающим поколением.

Таковы боевые спутники мои - те, кого я назвал и не смог назвать, но кого я всегда вспоминаю с уважением, гордостью и непрошенной слезой.

Всякий раз, когда мы бываем на Псковщине, в местах нашей тревожной юности, на память приходит все - без остатка. И тревоги, и лишения, и боль.

Я, наверное, поступил бы несправедливо, если бы не сказал доброе слово в адрес жителей деревень, оказавшихся в оккупации, русских крестьян, которые делились с нами, партизанами, последней краюхой хлеба. А как они верили нам, как дорожили каждым словом с Большой земли, которое доходило к ним через партизан, как до дыр зачитывали газеты, листовки, хотя рядом, на стенах, белели фашистские листовки, грозившие расстрелом за связь с партизанами. У нас был крепкий, надежный тыл по обе стороны фронта.

Мне, к сожалению, не довелось довоевать до Победы. Как-то возвращаясь с удачно выполненного задания, наскочил я на мину. Последствия оказались на всю оставшуюся жизнь: оторвало ногу ниже колена, повредило руку. Операцию делал мне партизанский доктор Алимжан Юсипов прямо в лесу, под натянутым, вместо палатки, куполом парашюта, при полном отсутствии медицинских инструментов и анестезирующих средств. Простой ножовкой, прокаленной на костре, ампутировал ногу. А когда через неделю я попал в стационар, врачи удивились: под бинтами – ни одного нагноения.

Что здесь помогло? Мастерство хирурга? Мобилизация всех ресурсов организма? Воля к жизни?

Знаете, когда я думаю об этом, когда у Петуховского переезда смотрю на примолкших, нахохлившихся мальчишек и девчонок из моего родного города, почему-то приходят оттуда, издалека, из сорок второго года, слова партизанской присяги:

"Мы, граждане великого Советского Союза, верные сыны героического русского народа, клянемся, что не выпустим из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен..."

... Кровь за кровь, смерть за смерть!"

Мы подписали эту клятву – Храмов, Разлетовский, Легостин, Лебедев, Ершов, Захаров, Верещагин, Грибанов, Зайцев, Голубев. Мы сдержали ее.

И молодые, если придет их черед, подпишут ее. И выполнят. Конечно, выполнят. В этом наше поколение убеждается на "открытых уроках" мужества, на наших встречах с новыми поколениями во время походов по местам партизанской славы, когда мальчишки и девчонки знакомятся с героикой грозowych сороковых лет.

Мне довелось познакомиться с впечатлениями вышневолоцких ребят после их очередного похода в 1994 году. Вот что они написали.

Соловьева Маша, 10 класс средней школы № 15: "Лучше всего было то, что нас постоянно окружало общение с ветеранами войны. Рассказы истинных свидетелей интереснее и поучительнее, чем любая книга. Восхищаясь подвигами партизан, сама задумываешься над смыслом жизни, над тем,

как обмельчали души у некоторых людей в трудное время перемен".

Ребезова Оля, 10 класс школы № 7: "Хочу пожелать, чтобы после нас эту традицию приняли другие поколения - традицию посещения могил героев, захороненных вдали от родных мест и почитания их памяти".

Орехова Ира, 10 класс школы № 10: "После такого похода, конечно же, я стала больше задумываться и о прошлом нашей страны, и о судьбах людей, ныне живущих".

Соболевская Ярослава, 9 класс школы № 2: "Такие походы следует повторять и повторять".

Что ж, значит, не зря прожили свои жизни вышневолоцкие парни из сорок первого года.

*А. ГОЛУБЕВ,
подрывник партизанской бригады
имени Дениса Давыдова*

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Прошло уже полвека, а память скрупулезно хранит не только имена друзей, но и даты, названия деревень, лесные тропы с их едва заметными ориентирами. Кажется, снова повторил бы тот путь, но был бы куда мудрее, внимательнее, даже отчаяннее. Но нет, время все-таки многое изменило на тех дорогах – там, где было мелколесье, поднялись леса. Многие деревни вымерли, и об их существовании напоминают только заросли крапивы и иван-чая. Уходят из жизни сверстники. И только память, память, память...

После окончания Калининского пединститута в 1940 году я был направлен в Западную Белоруссию, где стал работать заведом строительного техникума в городе Гродно.

Для нас война началась в 4 часа утра 22 июня 1941 года. Немецкие бомбы словно взрывали гарнизонный город. Полыхали десятки зданий, и пожары никто не тушил. Часам к десяти дня население, поняв, что немцы перешли границу и уже подходили к городу, потянулось длинной плотной лентой в сторону востока. В этой толпе с другими товарищами оказался и я. Мы решили двигаться к Минску. Однако через неделю, как раз в районе Минска, немцы нас перегнали, и мы оказались в их тылу. Нас, грубо говоря, отловили и разместили в лагере. Дней через пять группа, в которую влился и я, сумела сбежать. Решили двигаться в сторону фронта. Но фронт все отдалялся и отдалялся. Не буду описывать в подробностях все детали наших злоключений по лесам. Но слухи, что где-то есть такие смелые люди – партизаны, дошли и до нас, и мы стали искать пути к ним. Так мы и оказались в спецгруппе командира Красной Армии Николая Подгорного. Мы – это Николай Беспалов, Василий Егоров и я.

Наша группа росла быстро, в нее влилась местная молодежь. И когда нас стало 50 человек, это уже был разведотряд специального назначения, в задачи которого входили разведка, контрразведка, диверсии. Мы минировали шоссе и железные дороги, взрывали мосты, уничтожали линии связи

между немецкими гарнизонами, устраивали засады на проходящий транспорт, охотились за немецкими агентами, полициями.

У нас была своя рация, по которой мы принимали сводки Совинформбюро, переживали и распространяли их среди местного населения. Среди жителей деревень, где стояли немецкие гарнизоны, а также в Себеже, Опочке, Красногородске были у нас свои связные. Они регулярно информировали нас о численности гарнизонов, их вооружении, расположении штабов. Так что своевременно узнавали мы и о подготовке экспедиций против партизан.

Но была у нас и другая цель - через связных вести работу с солдатами противника, убеждая их перейти к партизанам. Тем более в немецких гарнизонах мы заметили украинцев, армян, грузин, оказавшихся в плену. Так наши связные помогали устраивать встречи с нами. И эффект, как говорится, был налицо. Помню в июне 1943 года в наш отряд перешли 48 человек с оружием и на велосипедах. 12 солдат мы приняли в свой отряд, а остальных направили в партизанские бригады.

Наша жизнь изобиловала боями, переходами, тем, что называется партизанскими буднями.

Летом 1943 года, например, связные сообщили, что из Себежа в деревню Заситино переезжает часть гарнизона, была известна и дата передислокации. В 12 километрах от города мы устроили лесную засаду около дороги. Когда немцы приблизились к нам, партизаны открыли огонь из 26 стволов. Завязалась схватка, в которой немцы потеряли убитыми и ранеными более десяти человек. Но и с нашей стороны были потери: погибли наш командир отряда Михаил Жибоедов и еще один партизан (Жибоедов был вторым нашим командиром - после Подгорного, отозванного в штаб на другую работу. Третьим моим командиром стал старший лейтенант Петр Васильевич Бобрусь. А комиссаром отряда был Антонов, но он погиб, подорвавшись на mine).

Вспоминается такой эпизод. Остановились мы в одной себежской деревне - Блонты. Кто-то донес об этом немцам и они приехали в ту деревню на санях из ближнего гарнизона. А мы в это время находились в засаде в лесу около деревни Бушевка. К нам на лошадях приехал колхозник и сказал, что немцы расхаживали - отбирают у крестьян зерно, картош-

ку, другие продукты питания. Командир решил дать бой. Дорога, по которой немцы будут возвращаться, нам была известна, и мы зашли им навстречу. А в нашем отряде находился прикомандированный из-за линии фронта кинооператор Быков Владимир. Он как раз всегда ходил на задания вместе со мной. Вот и на этот раз он лежал рядом со мной, решил этот бой заснять. Когда немцы приблизились к нам на расстояние около пятидесяти метров, мы открыли огонь в упор. Упали немцы в первых рядах, повалились, захрапели лошади. Но и по нам началась стрельба. У немцев оказались минометы.

Когда мы растратили все патроны, была дана команда отходить. Мы побежали к условленному месту сбора. Собрались все, потерь не было, только кинооператор, когда бежал, обронил объектив. Хорошо, что у него еще запасной был. А немцы, по донесению связных, недосчитались после того трех убитых и шестерых раненых.

Не могу не рассказать еще такой истории. В деревне Огарышево Красногородского района жили старики - муж и жена. Их сын служил в Красной Армии. Мы предложили им стать нашими связными. Они согласились. Рядом с Огарышевом была деревня Покровское, в которой стояли немцы.

В январе сорок четвертого трое наших разведчиков во главе с Иваном Фроловым из Калинина отправились к тем старикам на связь. Пришли ночью. Хозяин занавесил с улицы окно соломенными матами, засветил лампу-коптилку. Сидят, беседуют. Вдруг с улицы крик на русском языке: "Бандиты, выходите! Вы окружены!" Хозяин сразу свет загасил, а партизаны выбежали в сени, откуда было два выхода - на улицу, то есть к немцам в руки, и во двор.

Фролов что-то замешкался в избе, а два партизана выскочили на двор, оттуда в огород и быстро-быстро побежали к лесу, откуда чуть-чуть раньше пришли в деревню.

Иван же, мысленно распрощавшись с жизнью, встал за дверью на улицу, изготовив автомат. Что ж, умирать, так с музыкой, чтоб в последнем бою унести с собой как можно больше врагов.

И когда сам начальник полиции (а немцы захватили с собой на операцию и русских полицейских) зашел было в сени, выставив вперед пулемет Дегтярева, Фролов выстрелил ему в голову. Полицай упал. А у Ивана как на зло заел автомат, гильза пошла

наперекос. Но он подхватил упавший пулемет и сходу, без промедления, открыл огонь. Немцы и полицаи убежали. А Иван Фролов, пока они не опомнились, оценив обстановку, тоже устремился к лесу. Его, с автоматом и пулеметом, увидели товарищи. Радости-то было!

Командование передало сообщение об этом эпизоде в штаб партизанского движения, и вскоре смелому, находчивому партизану за линией фронта, в тылу врага, вручили орден Красного Знамени.

Воспоминания роятся не в памяти - в сердце. 4 ноября 1943 года (вот как врезалось!) трое нас, партизан, заминировали шоссе около деревни Верино Себежского района, и на этой mine подорвалась машина - 27 гитлеровцев были убиты и ранены.

А месяцем раньше, 4 октября, мы заминировали шоссе Опочка - Себеж. И тогда подорвались две машины с живой силой противника. Жаль, потери точно тогда не были установлены.

9 июня 1944 года я с двумя партизанами взял в плен немца! 15 июня того же года мы заминировали шоссе Дубяжино - Овсянки. Результат - подорвались две грузовые машины с немецким военным имуществом.

Конечно, не все и не всегда эффективно завершалось нашим боевым успехом. Я изменил бы своей совести, если бы не рассказал о том, как мы теряли друзей, как спасались отступлением. Может быть, есть слова и потяжелее, покруче - бегством. А спасались-то не все. Из нашего отряда, через который прошло человек 150, более тридцати партизан погибли. Жили мы в землянках, в лесу, а то и прямо на земле приходилось спать, под деревьями. Чтобы обогреться, разводили костры, а немцы по дыму определяли нашу диспозицию.

Я уже упоминал лес около деревни Луги. Место болотистое. Весной снег растаял. А немцы всего в трех километрах. К 1 Мая, к празднику, с самолета сбросили нам продукты, боеприпасы и даже подарки. Немцы, видимо, это засекли. И когда 1 мая основная часть отряда ушла на задание, а нас оставалось в лагере всего двенадцать человек, немцы к вечеру окружили лагерь с трех сторон. С четвертой было глубокое болото. Они открыли огонь, и мы вынуждены были уйти - по воде. Без

потерь. Но как! А все, что с самолета было сброшено, стало добычей врага. И землянки наши он сжег и взорвал.

Помню, как мы, 30 человек, ходили на задания за реку Синюю, возвращались мокрые, замерзшие. По дороге решили обсушиться. Зашли в лес, развели костер, кто-то разомлел, пригрелся, задремал. Немцы нас обнаружили, незаметно подкрались и открыли огонь. Мы тоже стали отстреливаться и отошли в болото. А два наших товарища-пулеметчика погибли. Еще один партизан был ранен в ногу, но его не оставили, вынесли.

А сколько горя вынесло, вытерпело местное население! Молодежь угоняли в Германию - на самые тяжелые работы. Смертью каралась связь с партизанами. Заживо были сожжены около 80 человек - стариков, женщин, детей из деревни Церковка Себежского района. В этом страшном огне погибла и семья моего брата партизана Матвея Самуйлова - жена, двухлетняя дочь Валя, одиннадцатилетний сын Гриша, тесть и теща.

Из того пожара спаслись только двое - мужчина и женщина, выпрыгнувшие из огня в сад и убежавшие под дымовой завесой в лес к партизанам. Они и рассказали, что скот немцы угнали, а деревню сожгли.

Такая же судьба у жителей спаленной, деревни Овсянки Себежского района.

Горькая судьба постигла моих родителей: отец был убит за связь с партизанами, а мать и сестра посажены в тюрьму города Опочки.

Как известно, западные районы Калининской области были полностью освобождены в июле 1944 года. Партизанские части были собраны для расформирования в Идрице. 26 июля большинство наших боевых товарищей были направлены в армию. Из нашего отряда три человека, в том числе и я, получили назначение в Красногородск - восстанавливать район. Там я и работал председателем райплана, заведующим районом до конца 1946 года.

*Г. САМУЙЛОВ,
командир взвода разведотряда специального назначения
штаба калининских партизан*

"ЛАТЫШИ УМЕЮТ ДРАТЬСЯ!"

1.

Декабрь 1942 года. Штабные документы генерала фон Рокка свидетельствовали о том, что немцы готовились нанести удар в зоне шоссе Опочка - Пустошка. До этого части карательной экспедиции "Буря" не могли настичь партизан на привале. Узкие проселки были занесены, фашистский автотранспорт вяз в снегу. Словно по иронии судьбы, дали экспедиции название "Буря". Буря замел самих гитлеровцев.

Внезапная остановка партизанской колонны в Лужицком районе напротив Опочки встревожила штаб фон Рокка. Гитлеровцы, наверное, боялись снова выпустить нас из вида, как это случилось под Тимоховом. Тогда, когда надо было выждать и установить место, в котором партизаны станут пересекать шоссе, у немецких штабистов не выдержали нервы - они погнали батальоны по сугробам к указанному шпиками месту нахождения партизан.

Вот донесение штабного отдела 1-а от 12 декабря: "5 бригада партизан, продвигаясь на З, достигла Лужицы (21 км ЮВВ от Опочки) - это установила разведкоманда ЭКА. Против них направлен II батальон (9-го полицейского полка). Партизанские командиры, разумеется, этого приказа не знали. Но главное нам удалось - мы ввели в заблуждение карательную экспедицию. Ведь теперь уже на борьбу с тремя сотнями изнуренных партизан была направлена грозная сила - два специальных батальона немецкой полиции с тяжелым вооружением. Вспомним, что в каждом гитлеровском батальоне насчитывалось вдвое больше солдат, добавим сюда еще батарею минометов и двенадцать станковых пулеметов, которых у партизан вообще не было. Соотношение в живой силе - один к четырем, в тяжелом вооружении - 0 к 10. Между прочим, гитлеровцы слишком поздно сообразили, куда могла двинуться партизанская колонна с подводами. Первый немецкий полицейский батальон был также введен в заблуждение.

В следующем донесении отдела 1-а, от 13 декабря, сообщается:

"Части 5-й бригады партизан разместились в Лужице для дальнейшей разведки маршрута (!). Направление, предположительно - через Опочскую железную дорогу к Есенникам. В связи с этим 1-й батальон 9-го полицейского полка двинулся из места своего расположения ЮВ Опочки на восток (название населенного пункта неразборчиво - авт.). Батальон, чтобы достичь своих (новых) исходных позиций, сегодня ночью переброшен через Опочку на блокирование дороги Опочка - Себеж". Итак, один батальон немецкой полиции застрял под Лужицей. Второй послан против партизан тогда, когда они уже пересекали неохраемую замеченную снегом железную дорогу под Есенниками. У карателей оставался еще один шанс: блокировать следующую магистраль - большак Опочка - Себеж, протегающий вдоль реки Великая. Но для этого надо было отозвать батальон в Опочку и выслать его к месту новой засады.

Штаб генерала фон Рокка в сущности 13 декабря признал провал первой фазы операции "Буран" в районе, охраняемом 281-й дивизией: "Уклоняясь от своего прежнего маршрута, сильнейшие части 5 бригады из окрестностей Лужицы устремились в юго-западном направлении - на север озера 118 (озеро Велье - авт.), пересекли шоссе Опочка - Пустошка и железную дорогу. Они должны находиться под Есенниками, в 24 км ЮЮВ Опочки. Поэтому 1 батальон 9 полицейского полка, развернувшись к бою со своих позиций ЮВ Опочки, напрасно двинулся в восточном направлении. После того, как батальон сегодня вечером прибудет к месту своего расположения, его перебросят на дорогу Опочка - Себеж". И это последнее удобное место блокирования на Себежском большаке батальон полицейского полка "проспал" - капкан не захлопнулся. Само собой, долгие версты, в основном преодолываемые пешком, изматывали партизан, но они себя не щадили и целехонькими дошли до границы Себежского партизанского района.

14 декабря штабной отдел 1-а фиксирует: "13 декабря в 22.00 бригада партизан перешла железную дорогу в 21 км Ю Опочки". В донесении от 15 декабря ощущается некоторое смятение: "С 14. XII. нет известий о 5 партизанской бригаде".

На место блокирования 1 батальон явился с опозданием, и без перекуров, по приказу разгневанного командования, побрел в ночь - пришлось помесить слякоть, разыскивая партизан, отдыхающих в тепле - в деревне Адерева. Роли поменялись... К тому же командиры карательных батальонов оказались невеждами в тактике ночных боев. Бдительность, находчивость и отвага принесли партизанам очередную победу над врагом. В донесении отдела 1-а от 18 декабря дается всего лишь скудная информация о результатах полуночного боя: "15. XII. (правильно - 14 декабря - авт.) в 24. 00 перестрелка с 5 партизанской бригадой полуночного боя: 15. XII. (правильно: 14 декабря - авт.) в 24. 00 перестрелка с 5 партизанской бригадой под Адерева и Пустошкой (24 и 26 км ЮЮЗ Опочки). Потери противника: по нашим подсчетам - 35 убитых; по словам жителей - есть и раненые. Наши потери: 8 убитых, 11 тяжело раненых, 6 - легко раненых. Разбившись на более мелкие группы, банда отступила".

Самые большие потери гитлеровцы понесли именно в утреннем бою, но подтверждений этому еще не удалось отыскать в документах противника. Прочитав партизанскую радиограмму о том же самом бое: "17 декабря Лисовский (рация Ошкална) - Пономаренко и Бельченко. Четырнадцатого (декабря - авт.) в деревне Адерева произошел бой с превосходящими силами противника. Убито около 85 немцев, ранено 50. Наши потери: 8 убитых, 8 раненых". Оба документа несопоставимы - противник говорит только об одном бое, а было - три. Но видно, что гитлеровцы сознательно преувеличивают потери партизан. Возможно, обнаружив все сведения, придется уточнить и нашу информацию о числе убитых и раненых гитлеровцев. Но не это главное. Партизаны вышли из боя победителями, к тому же не разбились "на более мелкие группы", а соединились с бригадой Марго, прорвались в Освейский край и сорвали задуманную гитлеровским командованием акцию на границе Латвии. Операция "Шнеештурм" потерпела крах.

Дальнейшие донесения штаба фон Рокка подтверждают, что наше руководство верно прогнозировало замыслы немецкой охранной дивизии. Но и после поражения гитлеровцы не отказались от намерения окружить и уничтожить проникнувших в тыл партизан. В штаб фон Рокка поступают сведения о

появлении партизанских групп на севере и северо-западе от Себежа. Как же так? Гитлеровских разведчиков ввел в заблуждение Марго - приказал всем разрозненным партизанским отрядам соединиться для перехода за Себежскую железную дорогу. То есть они и в самом деле двинулись, но в противоположную указанной фашистами сторону. Полицейский батальон, который только-только выкарабкался из лужицких сугробов, был срочно переброшен северо-западнее Себежа, чтобы занять позиции на реке Исса, вдоль границы Латвии. Латыши напрямик подадутся в родные края - снова необосновательно заключил штаб фон Рокка.

Преследовали нас, думается, и другие воинские части из окрестных гарнизонов, в том числе - немецкая полиция. На позиции по реке Исса перевели также один из латышских полицейских батальонов. Историки пока что не располагают той частью документации, которая позволила бы безоговорочно утверждать это. Зато по деятельности штаба фон Рокка фактов достаточно. Они показывают: работали отделы лихо-радочно, но - вхолостую. Вот донесение отдела 1-ц от 16 декабря: "Наиболее крупная банда, находящаяся в 12 км СЗ Себежа, движется на север". Одновременно сообщается, что разведотряд обстрелян возле реки Исса. В донесении от 17 декабря сказано: "Центр борьбы с бандитами - СЗ Себежа. 16. XII. II батальон 9 полицейского полка в короткой перестрелке с двумя бандами под Залесьем - 10 км СЗ Себежа". Из это тоже - работа отрядов Марго, дезориентировавших карательную экспедицию.

Знаменательно, что 19 декабря, когда бригады Лисовского, Марго и латышский спецотряд уже пересекли "железку" в южном направлении и достигли Освейского партизанского района, отдел 1-ц призывает: "Центр действия банд находится юго-западнее Себежа".

Еще несколько слов - об очередной подлости гитлеровских органов безопасности. Самоотверженных патриотов - советских партизан оккупантская пресса честила бандитами и грабителями. Сочиняла жуткие рассказы, пугая легковверных тем, что мы травим воду в колодцах, жжем дома, расстреливаем мирных жителей. У лжи короткие ноги. Вор кричит - хватай вора. Так и тут. Абвер и полиция безопасности пытаются заслат в отряд диверсантов и уничтожить командный состав.

Есть и способ сразу расправиться со многими партизанами - засыпать яд в кухонные котлы. Отравляющие вещества тайно выданы гестаповцам и доверенным лицам ГФП. Вот радиogramма Центрального штаба партизанского движения от 24 декабря 1942 года: "Всем начальникам штабов и фронтовым представителям ЦШПД. Гестапо забросило значительное число переодетых в лохмотья полицейских, предателей, получивших задание ликвидировать командиров партизанских отрядов. Немцы, зная, что партизаны нуждаются в соли, доставляют на дом полицейским прилегающих к лесам сел отравленную соль". Видно, побоялась старостиха скорого действия яда - чуть-чуть сыпанула его в кружку Ошкална. Не удалось комиссара осилить.

2.

Адеревский бой стал для латышей в дальнем рейде экзаменом на зрелость. Выдержали мы его с честью. Пожалуй, за тактическое мышление и отвагу в бою - круглая пятерка, а вот за разведку - всего четверка. Нет у нас пока талантливого разведчика - таким родиться надо. Соседи дают спецотряду высокую аттестацию, мы нередко слышим: "Латыши умеют драться!". Ребята носы задрали. А если уж совсем метафорически - распустили по-павлиньи хвосты, крепко пощипав немецкого петуха. "А ты знаешь, что общего у вольного цыгана с лесным братом-партизаном?" - пробуя похлебку, внезапно спрашивает за столом на следующий день после боя Ошкалн. И сам отвечает: "Достоинство, а не кичливость. Цыган, обозлившись, обязательно скажет: "Чтоб ты зазнался!" Имант поддакивает - гордиться еще слишком рано: удача, не больше. Удача, и в самом деле, нас балует - на этот раз даже ни одного раненого. В бригаде капитана Лисовского погибло восемь, ранено семнадцать человек. Мы чуть ли не виноватыми взглядами провожаем довольно длинный ряд повозок, на которых увозят раненых. Воевали мы на совесть, обычно на самых тяжелых участках боев. Себя не щадили. И все же в глубине души испытываем угрызение совести - несправедливо получается. Да, калининцам постоянно не везло, то и дело возникали неблагоприятные для них ситуации, которые никто не мог предвидеть. Много в партизанской жизни зависит от

случайностей, стечения обстоятельств. В особенности мы это ощутили нынешним летом. Само собой, боевой опыт, закалка помогают нам преодолеть и даже предотвратить такие случайности. Прав Ошкалн, что "мокрым" летом нас не только "месили", но и "обжигали". Наверное, потому второй рейд для нас уже не такой мучительный и кровавый. Летняя выучка пошла на пользу, безусловно в последнем бою нас выручили отвага бойцов и исконный союзник партизан - ночь. Чем дальше мы воевали, тем острее понимали, насколько прав был Леон Паэгле в "Песне лесных братьев 1905 года".

Мятежно знамя, и опора наша:

Ночь и винтовка, и дремучий лес.

Все верно, ночь - на первом месте... Песню эту мы поем редко, но всегда с настроением, с подъемом.

До нас доходит горькая весть: эсэсовцы арестовали и расстреляли крестьян оставленной нами деревни Тимохово. Тех, что не ушли в лес... Да, больше всех от произвола и насилия гитлеровцев приходится страдать мирным жителям. Мы склоняем голову, чтя память замученных советских людей, которые еще позавчера так радушно нас принимали, догадываясь, во что им может обойтись их гостеприимство. Основную тяжесть войны вынес на своих плечах русский народ.

После войны меня часто занимал вопрос: как крестьяне, с которыми доводилось встречаться в рейде, вспоминают нас, латышей? Может, вообще не вспоминают? Днем-то мы больше отсыпались, чем по деревне гуляли. Соблюдали осторожность - ни о себе, ни о маршруте не распространялись. Добрым ли словом поминают они нас?

С боевыми товарищами - бывшими ленинградскими и витебскими партизанами - мы встречаемся ежегодно, в первое воскресенье июля. В этот день собираемся на Кургане дружбы - на границе России, Белоруссии и Латвии. На одном из юбилейных слетов отмечалась двадцатая годовщина освобождения Псковской области. Среди съехавшихся сюда боевых партизан и я. Радость встреч, торжества - это особая тема. Я о том, что последовало за ними. Вместе с бывшим уполномоченным Калининского партизанского штаба Штраховым и тогдашним секретарем Себежского райкома партии Яковлевым мы решили проехать по местам боев. И я, само собой, не удержался, заехал в Адереvu.

Разрушенную когда-то деревню частично отстроили. Поставили дом на месте штаба латышских партизан - командного пункта всей операции. Вот только дверь входная с другой стороны. "Не скажем, кто мы такие. Интересно, что люди помнят о наших боях",- предложил я товарищам. Так мы и вошли, как проезжие,- водицы попросили. И, словно невзначай, завели разговор о военной поре. Мол, большие у вас здесь бои были. "А как же!" - с жаром откликнулся хозяин дома Федор Павлов. Хозяйка - женщина есть женщина, она более сдержанна и осторожна - буркнула: "Чего перед первым встречным трезвонишь?" Но хозяина было не остановить. Наши вопросы и реплики все сильнее распаляли Федора Ивановича. Он не просто пересказывал события, он аргументировал свои соображения. А я не решался вытащить блокнот и карандаш. Начнешь записывать - выбьешь рассказчика из колеи. Крестьянин не только глазаст, но и не любит, когда каждое его слово записывают... Только вернувшись домой, набросал я по памяти главное из рассказанного Федором Ивановичем Павловым (далее пересказываем услышанное, собственные размышления буду ставить в скобки).

В его деревню Адерева партизаны вошли ранним декабрьским утром. Столько народа тут еще не видывали. Снегом засыпанные, продрогшие, замученные - еще бы, с той стороны шли! (Пожалуй, от глазастого крестьянина ничего не утаишь!) Никифоров, который до песни охоч был, он еще потом комиссаром отряда Марго стал, рассказывал: есть у этих латышей чудное правило - командир у них впереди идет с автоматом на шее... В доме штаб латышских партизан разместился. Оба с женой в другой комнате были, но слышали и на ус мотали все, о чем говорили командиры да вестовые... Тут и жена, не выдержав, вставляет: "Командиром у латышей был Самсонов - невысокий, ладный такой, комиссар лежал, ранен был. (Удивительная память). Русские люди нередко, впервые встречаясь со мной, добавляют к моей фамилии окончание - "ов", поскольку Самсон для них - имя. Итак, все слышали и на ус мотали... Ошкалн, правда, не был ранен, но ведь лежал больной. С явными признаками отравления.

Сегодня читаю рассказ Федора Павлова о замысле немцев, ночной атаке и поражаюсь. Настолько точно уловлено все, что

мне, участнику этих событий, изучавшему, собиравшему документы о них, - нечего добавить.

Немцам был отдан приказ занять позиции вдоль опочкинско-себежской дороги и блокировать передвижение "банды". Но гитлеровцы опоздали: в рассветных сумерках партизаны пересекли магистраль, фрицы прибыли на несколько часов позже. В середине дня немецкие посты задержали проводника - мобилизованного партизанами крестьянина, возвращающегося домой. (Вот ошибка калининцев: надо было отпустить проводника только после того, как мы оставим Адереву). Мужичонка испугался, что его расстреляют и выдал место расположения партизан - деревню Адереву. Тогда у карателей созрел план. Одну часть послали в Остриково, чтобы отрезать отход в лес, на север от Адеревы. (Такое направление отступления нам и в голову не приходило. Зато версия, которую Федор Павлов приписывает немцам, полностью совпадает с прогнозами штаба фон Рокка: партизаны будут отходить на север. Поразительно?!). В Острикове ударная немецкая часть опять же заставила одного из местных показать дорогу в Адереву. (Такой расторопности мы от них не ожидали, иначе бы выслали разведчиков. Это была вторая наша оплошность). Проводник в темноте подвел незаметно немцев к северной стороне деревни - там размещался отряд Мальцева. (Даже фамилию Павлов, не задумываясь, называет по памяти). Фрицы внезапно открыли огонь и уничтожили застигнутый врасплох партизанский пост. Во время боя гитлеровцы подожгли крайнюю избу и расстреляли ее хозяйку с двумя детьми. В соседнем доме застрелили сестру Павлова. Она сгорела... Племянницу ранили, но сумела спрятаться... Бой пошел серьезный, и офицер немецкий велел атаковать деревню с краев, в обход огороженного пастбища. Только погнали фашистов, и многих перебили... (Это - работа автоматчиков Поча. Мы успели своевременно выдвинуть две боевых группы во фланг атакующим и разгромили их). После такого отпора офицер немецкий дал приказ отступить. Так и не взяли деревню.

Федор Павлов хорошо помнил, как во время боя в штаб латышей вбежал командир русской бригады со своим адъютантом - за подмогой... Нет, это был не Марго, а другой, его и раньше в деревне видели. А легенды о нем еще до этого

ходили. (Последовательность дальнейших событий рассказчик слегка переиначил, но в конце концов согласился с моими уточнениями). Да, около полуночи в Клин и Янище, что южнее себежской дороги, уйма фашистов нагрянула. Потом на Адереву спецчасть послали. А латыши начеку были - подпустили передних, разведчиков, поближе и ударили из автоматов. Позиции латышей были в конце деревни - у околицы, рядом с сеником. (Действительно, после полуночи туда были посланы группы Смильги и Ратыньша). Когда немцы драпанули, в комнату вошел командир группы. Докладывал, что, мол, слышно было на дороге что-то гремело и лязгало так, будто немцы пушку за собой тащили... На следующий день из любопытства пошел, осмотрел место боя и наткнулся на две лужицы крови. Значит, у фашистов были убитые и раненые. Заметил рытвину - там, похоже, и опрокинулось орудие.

Под утро в дом вбежал вестовой: "Прут! Тучей! По остринско-бобровской дороге!" Топали немцы прямехенько на пулемет латышей, установленный в угольной яме, за пригорком, на котором стоит дом... Тут же и стрельба поднялась. Латышские автоматчики так шпарили, что уши закладывало. Сам сразу после боя не видел, но сосед рассказывал - вдоль дороги у груды камней много убитых фашистов валяется, а в снегу - брошенные пулеметы и минометы. Фрицы своих только на следующий день подобрали. (Таким образом, рассказчик подтверждает крупные жертвы и паническое бегство гитлеровцев в утреннем бою. Разумеется, латыши могли бы собрать богатые трофеи. Но, видно, и у нас нервы не выдержали - поспешили отойти, оказавшись на поле боя одни. Ведь уже совсем рассвело, спереди и с флангов стягивались немцы... Не сумели мы воспользоваться удачей). А Федор Павлов заканчивает свой долгий рассказ о бое убежденным: "Уж эти латыши умеют драться!"

Через сутки из Янища подошла карательная экспедиция с пушкой. Фашисты жажнули дюжину снарядов и ворвались в пустую деревню - жители после боя попрятались в лесу. В отместку жандармы спалили школу. После того гитлеровцы деревню жгли дважды. В июле сорок третьего - все жилые постройки. В апреле 1944-го - последние землянки. Из бывших двадцати семи отстроились десять семей - остальные погибли во время войны или разбрелись кто куда...

Вот такой рассказ русского крестьянина-колхозника Федора Павлова сохранился для будущих поколений. О трагическом и легендарном.

3.

Вернемся к записям военного времени.

... 16 декабря. Мы в селе Овсянка. Примерно в километре от нас перекресток. Со стороны Томсина уходит несколько грузовых машин на Себеж. Может, транспорт карательной экспедиции? Сидим спокойно, хоть руки чешутся. Нельзя себя обнаруживать, можно сорвать ночную операцию: обе партизанские бригады и наш отряд должны пересечь большак Себеж - Зилупе и железную дорогу.

Всего несколько дней - и полностью выяснены планы карателей. В Адереве концентрируются оккупантские части из ближних районов - собираются окончательно разделаться с партизанами. Задача этой опочкинской группировки - гнать нас на запад. Она должна выполнять роль молота. Помня прошлое лето, гитлеровцы надеялись, что латыши без раздумий рванутся в Латвию. Удайся их вариант "молот и наковальня", худо бы нам пришлось. Но на этот раз мы сворачиваем на юг. Пусть "гостеприимные встречающие" померзнут пару дней.

Весь день со стороны Идрицы взрывы и пулеметные очереди - и там немцы столкнулись с партизанами.

Ночь 17 декабря. Наша колонна спокойно переходит Себежскую железную дорогу - важную магистраль немецкой группировки "Норд". Сторожа железнодорожного переезда мы запираем в будку. Немецкий вооруженный патруль сбежал.

Вошли в славный Освее - Россоно - Себежский партизанский край, возникший с осени, когда партизаны вытеснили фрицев из городов Освея и Россоны. Останавливаемся в деревне Ручьево. Латвийская граница совсем близко - в каких-нибудь четырех - пяти километрах.

Днем к нам наведываются три латгальских парня из Калининской бригады. Старший - Иоси Бельчев - из Видрижей Бригской волости. Прослышали о латышском отряде, и вот - хотят перейти. Летом, чтоб не попасть на работы в Германию, прятались в лесах, а в сентябре подались к русским партизанам

- у латышей же своих бригад пока нет. Это звучит как упрек - и обоснованно: единого руководящего центра в тылу противника у нас еще нет. А ведь в Освейских лесах вместе с белорусскими партизанами воюют несколько латышских групп...

Вот как рождается необходимость объединить латвийских партизан в одну сильную военную организацию. Марго обещает перевести зилупцев в наш отряд. Навстречу нам, наверняка, пойдет и командование белорусских бригад. Ну, а капитан Лисовский попросту предлагает и в дальнейшем действовать совместно. Не сомневаюсь, что еще проведем вместе не одну операцию... Но все же - у нас свое, доверенное нам задание. Мы обязаны подготовить опытных бойцов для партизанского движения в Латвии. Еще пара месяцев такой боевой выучки - и мы сможем сказать, что каждый партизан отдельного латышского отряда вырос до уровня командира. Представитель Центрального Комитета Коммунистической партии Латвии Отомар Ошкалн вскоре сможет послать в Москву радиogramму: создана база для деятельности оперативной группы ЦК КП Латвии...

Трехсоткилометровый рейд трехсот партизан закончился. Много новых друзей обрели мы в дни испытаний. Радостно слышать, как говорят: "Латыши умеют драться!"

*В. САМСОНС,
Герой Советского Союза, академик, командир
отдельного латышского партизанского отряда*

СЕБЕЖСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Тот день был с утра жарким и тихим и поэтому я отправился на рыбалку. Возвращался в самом хорошем настроении, рыбалка сложилась удачно. И меня скорее позабавило, чем озаботило, удрученное лицо встретившегося друга.

- Ну, Женя, как глупо такое утро проспать, да еще появляться на улицах с кислым настроением! - неудачно пошутил я.

- Но еще глупее развлекаться, когда радио передало сообщение о войне, - ответил он и кратко изложил содержание выступления наркома иностранных дел Молотова.

Что ж, было время, и мы, мальчишки, увлекались игрой в войну, тем более жили мы в Себеже, который до недавних пор оставался приграничным городом. Доводилось наблюдать настоящие военные маневры. И вот теперь уже настоящая война - у наших дверей.

* * *

Двери военкомата не закрывались ни днем, ни ночью. Шли люди по повесткам, шли добровольцы. У меня же в воинском документе значилось: "К несению воинской обязанности признан негодным и исключен с учета". Инвалид первой группы. Страшный приговор.

Тяжело опираясь на палочки, отправился я в горисполком за советом. Его председателя Дмитрия Осиповича Петрова я знал хорошо.

- Да, Иван, дела неважные. Даже не верится, что приходится воевать на собственной территории. Но голову не вешай, придет время, найдем дело и для тебя, - сказал он.

А события разворачивались стремительно. Себеж быстро опустел. Огромные языки пожаров бушевали над центральной частью города. На исходе 8 июля 1941 года наши части оставили оборонительный рубеж севернее его, и в Себеж вступили немцы.

Все было перевернуто как после погрома. На автобусной остановке на углу улиц Ленинской и 7 Ноября, где упала бомба, лежали неубранные изуродованные трупы. На перекрестке Нижней и Пушкинской улиц в свежевырытой яме были свалены попавшие в первую варварскую расправу евреи. Стены уцелевших домов, заборы пестрели объявлениями, приказами, предписаниями, распоряжениями, обязывающими гражданское население строго выполнять новые порядки. За малейшее неповиновение две меры наказания - расстрел и виселица.

* * *

Бои еще не отгремели, а словно тараканы из щелей выползли людишки с продажной душой. Цветами, хлебом-солью встречали они оккупантов. Вот Вилли Бусс. Все его в городе знали, принимали за партизана гражданской войны. А он, оказывается, в то время был на совсем другой стороне, и когда заступил на должность начальника полиции, ярко проявив свои способности палача. Семенов и Громов - бывшие ответственные работники советских учреждений, тут же холуйски пошли в услужение к оккупантам. Миллер - типичная немецкая подстилка, но что-то не поделила со своими соперницами, и по их доносу в ее крови была выявлена какая-то иудейская примесь. Те, кого она привечала цветами, поставили ее к стенке. Но до этого по ее указаниям немцы многих себежан унижительно пороли.

Вскоре в городе появились и коммерсанты-деляги с аляповатыми вывесками на воротах: "Столовая коммерсанта Лобецкого", "Портняжная мастерская Елисеева", "Модная сапожная мастерская модельера Сабиневского". Вот только эрзац-хлеб по карточкам продавали в одной единственной хлебной лавке.

Стали продаваться газеты и журналы на русском языке, в них восхвалялись будущие блага, которые несет нам "новый порядок", пропагандировался миф о непобедимой немецкой армии, сулились вознаграждения за предательство. Продавшиеся фашистам бездарные корреспонденты громоздили беспардонную нелепость за нелепостью, и их стряпня вызывала только брезгливость и неприязнь.

* * *

Пена, грязь всегда оказывались на виду, на поверхности. Ну,

а мы-то что, неужели отсидимся, промолчим, сдадимся? Мы, русские люди?

И хотя судьба жестоко оделила меня здоровьем, она щедро вознаградила другим - вниманием и привязанностью друзей. Иван Литвинов, Женя Кусков, Шура Бредис, Николай Соколов каждый день приходили ко мне, делились свежими новостями. Вращаясь среди немцев, они довольно быстро освоили разговорный немецкий язык и хорошо улавливали настроение оккупантов, умели отделить важное от второстепенного. Не считаясь с опасностями комендантского часа, мы засиживались допоздна, а затем ребята незаметно проскальзывали мимо патрулей и часовых, видя в этом даже своеобразную лихость.

Мы стали искать дело. И знаете, с чего начали? С распространения книг отечественных классиков и советских писателей. Времени у горожан оказалось более чем достаточно. Электростанция была разрушена, и в большинстве домов люди коротали вечера с примитивными копилками. Городская библиотека сгорела, городской клуб - тоже. Сельскохозяйственный техникум был превращен немцами в публичный дом. Книги мы могли достать в школьной библиотеке. Но в школе расположились немецкие солдаты, и первый же наш визит за литературой окончился неудачно - нас выпроводили, пообещав в скором времени снабдить хорошей литературой, например, такой, как "Майн Кампф".

По нашей просьбе работавшая в том помещении уборщицей Афанасьева (впоследствии она погибла в этом здании при взрыве) иногда приносила тайком от немцев по одной книге, но брала она их, не разбирая, в спешке, и поэтому подбор был очень случаен. Однажды сын Афанасьевой Пашка радостно сообщил: немцев отправили на фронт, школа-казарма опустела. Мы не замедлили этим воспользоваться. В библиотеке мы отобрали около сотни томов нужных нам книг. Взяли "Войну и мир", "Как закалялась сталь", то есть те произведения, которые были близки нам по смыслу и духу, и затем давали их читать друзьям, товарищам, соседям.

Широко мы использовали и свою "живую газету" - своеобразный неофициальный ТАСС, а если быть определеннее - просто распространяли новости патриотического характера от слушателя к слушателю: о неудачах немцев на фронте, о

понесенных ими потерях и т. д. Конечно, нас не могли удовлетворить случайные и неточные слухи. Нужно было радио. У меня оставались кое-какие радиодетали, и я попытался изготовить детекторный приемник. Главная сложность заключалась в антенне: наружную установить было невозможно, комнатная для такого приемника оказалась слаба. Удалось приспособить наружную электропроводку. И вот мы услышали Москву! Прием был слабый, неустойчивый, но это уже были настоящие сводки Совинформбюро, о которых узнали жители Себежа.

* * *

В январе-феврале 1942 года к нам стали поступать листовки из-за линии фронта. Их сначала подобрала после разброса с советского самолета и передала нам жительница деревни Барановщина Ефросинья Ивановна Андреева. Иван Литвинов и Александр Бредис ухитрились наклеить их на доске объявлений возле самой комендатуры, рядом со сводками Главной ставки немецкой армии. Что тут поднялось в городе! Фашисты решили, что большевистская агентура проникает в Себеж извне. Начались облавы. Людей хватили по доносам, по малейшему подозрению в нелояльности к режиму.

Для большего устрашения была учинена расправа над еврейским населением. Предварительно всех евреев переместили в своеобразное гетто - район Нижней, Советской и Набережной улиц. В одну квартиру селили несколько семей. Евреям было строжайше запрещено посещать дома русских, а русским - в любой форме помогать евреям. Все евреи, даже глубокие старики, должны были выполнять обязательные работы - очищать улицы от снега, заготавливать дрова. Не находилось какого-либо полезного дела - отправляли перелопачивать снег на озере.

7 марта 1942 года полицаи взяли под охрану все еврейские квартиры, а их жителей собрали в конце Нижней улицы и под конвоем направили через озеро, "на трудовинность". Но когда колонна свернула ко рву за ветлечебницей, всем все стало ясно.

По городу прошел ропот. Мы поняли, что мы не одиноки в

своей ненависти к врагу. У нас, молодых, нашлись сторонники и друзья.

* * *

Очень коротко расскажу о тех, кто прямо или косвенно присоединился к нашей группе.

Сапожнику Дмитрию Симонову в это время шел уже восьмой десяток, но чувствовал он себя достаточно бодро. Еще в 1916 году, на первой мировой, он потерял ногу и с тех пор не расставался с деревянной, которую соорудил сам и предпочитал любому заводскому протезу. Был он физически крепок и даже умудрялся с ребятей состязаться наперегонки.

Я жил в квартире, с окнами, выходившими на дом сапожника. Так что мы переговаривались прямо через узкую тихую улочку. С немцами у него были свои счеты. Мне он рассказывал и о ранении, и о жизни в плену, и о том, что ногу ему отняли в лазарете по халатности.

Дядя Митя нетерпеливо ждал от меня вестей с фронта, и то радовался как дитя, то гневался. А когда в Себежском районе прогремели первые партизанские выстрелы, он ликовал. "Поверь, Иван, теперь, я думаю, и для нас настоящее дело найдется", - сказал он мне.

Как-то осенью 1942 года я застал у него неизвестную мне женщину, которая при моем появлении смутилась и поспешно засобиравшись уходила. Дядя Митя ее успокоил: "Не бойся, это свой человек". И она продолжила рассказ о встречах с партизанами, о том, что им в городе надо иметь своих людей, чтобы получать информацию о расквартированных в Себеже немецких воинских частях.

Так установилась связь с партизанами. Нужны были связи с людьми, работающими в немецких учреждениях, прежде всего, в комендатуре, людьми взрослыми, так как наша группа в силу своей молодости была еще и неопытна и горяча, прямо скажу, способна на необдуманные поступки. Такие люди были рядом.

Зорин Георгий Ильич. Он коренной ленинградец, работал начальником инструментального цеха на одном из заводов в пригороде. Эвакуироваться из Ленинграда отказался. Как-то в конце августа 1941 года направлялся из города на завод, но и

завод уже был подвергнут обстрелу, и путь в Питер был отрезан. Так в рабочей спецовке, без гроша в кармане и попал Зорин в незнакомый ему доселе Себеж. Устроился в мастерскую, которая делала гробы и гвозди, стал получать зарплату марками, которых явно не доставало даже на прожиточный минимум. Выручали золотые руки. Он из всяких ненужных железок делал бидоны, ведра, зажигалки и выменивал их на продукты.

Комнату Георгий Ильич получил в нашем доме. Завязалось знакомство, а потом и взаимопонимание. Когда было установлено полное доверие, он, не задумываясь, присоединился к нашей группе.

Громов Василий Петрович, человек с не менее сложной судьбой. Сразу же после окончания фельдшерской школы его призвали в армию. А тут война, служба в полевом госпитале, отступление, окружение и лагерь военнопленных в Себеже. Это был настоящий лагерь смерти. От голода, эпидемий тогда каждые сутки умирали здесь по 50-70 человек. Жители города, ближних деревень, в основном женщины, ежедневно спешили к лагерной "колючке", чтобы передать умирающим от истощения пленным картофелину, кусок хлеба, еще что-либо. Женя Александрова не пропускала случая, чтобы навестить лагерь. Особое сострадание у нее вызывал совсем юный, черноволосый парнишка, еле переставлявший ноги, обреченный на смерть. Она уговорила мать выдать парня (а это был Василий Громов) за своего родственника и таким способом освободить его. Добиться этого было непросто. Нужно было поручительство местной управы под залог имущества. После долгих унижительных хлопот Василий оказался в семье Жени, где его приняли как родного. Оправившись от всех потрясений, он поступил работать фельдшером в городскую больницу, где работал и мой отец. С ним, как и с Георгием Зориным, мы подружились.

Руденкову Дарью Степановну я знал еще до войны. Она работала шофером городской пожарной команды. Война застала ее в декретном отпуске. Родились у нее близнецы - Славик и Валерик. Накануне их появления на свет Дашу покинул муж. А жить было нужно, чтобы и себя прокормить, и малышей. И обучилась Руденкова новому делу - валять валенки. Была она к тому же хорошим организатором,

вовлекла в подпольную работу подругу свою Дусю Долженкову, эвакуированных из ленинградского пригорода Порфирия Филипповича Федосевича и дочь его Валентину. Дом, где жила Даша, или как ее еще звали в войну, Лора, стоял в стороне от центра города и был местом встреч не только связанных, но и партизанской разведки.

Саша Орлов. Это друг моего детства. Себеж он оставил в 1936 году и вот в 1942-м вернулся. Попал в окружение и скрытно добрался до родных мест. Поскольку его фамилии в списках себежских жителей не было, управа не давала ему право на жительство. Прописку он получил благодаря хлопотам родственников. Его убеждения были мне ясны. В нашу работу он включился немедленно, да и ближайших своих родственников к ней привлек.

Никитина Анна Семеновна. У нее в партизанах были муж и сын, да и сама она выполняла обязанности разведчицы. Звали мы ее мамашей, потому что было в ней столько тепла и добра!

Семья Федосевичей. Вале Федосевич было всего пятнадцать лет, когда началась война. Детство ее прошло в Белоруссии, а затем Федосевичи переехали под Ленинград. С приходом туда немцев их отправили в оккупированные тыловые районы. Так они попали в Себеж.

Отец Вали, Порфирий Филиппович, из бросовых материалов делал всякую хозяйственную утварь и продавал ее, а Вале, сумевшей довольно прилично овладеть немецким языком, удалось устроиться переводчиком в воинских частях. Информация ее была особенно ценной, и семья Федосевичей стала активной помощницей партизан.

Чайковский Георгий Константинович. Врач. Мечтал заняться научными исследованиями в области урологии. Но грянула война, и мечты рухнули. Был призван в армию, служил в госпитале. После бессонной ночи в операционной заснул, а проснулся - госпиталь окружен немцами. Плен, лагерь военнопленных, Себеж, о существовании которого он даже не догадывался. По запросу городской управы, нуждавшейся во врачах, его освободили и направили на работу в городскую больницу, где мы и познакомились. Он искал связей с партизанами, проявлял нетерпение, и стоило больших усилий оградить его от возможных неприятностей до тех пор, пока он не перешел в 5-ю Калининскую партизанскую бригаду.

Таковы были мои товарищи по Себежскому подполью.

* * *

А между тем в окрестностях Себежа нарастала настоящая партизанская война. С неслыханной дерзостью партизаны добирались до самых окраин города. Был подожжен фуражный склад. Сгорел скот. Горел гараж комендатуры. Вылазки из города на борьбу с партизанами вызывали у немецких солдат судороги страха. Еще большим страхом были поражены полиция управы под командованием Бусса, особенно после того, как они получили памятный урок у деревни Томсино.

Начались карательные экспедиции с участием русских полицейских из отряда ЕКА и СД. В эти отряды вовлекалась морально разложившаяся молодежь, которую соблазняли грабежами, пьянками, развратом. Во время таких экспедиций их посылали туда, куда не решался пойти ни один немец. И они шли убивать и грабить.

Перед нами командование поставило задачу: внедрять в эти отряды своих людей, вести изнутри подрывную работу. Так весной 1943 года к карателям был заброшен Семен Дмитриев. Свою непростую роль он выполнял с огромными волевыми усилиями, задыхаясь в позорном, запятнанном мундире полиции. Зато как он радовался, когда его взвод, охранявший мост у деревни Глубочица, был захвачен партизанами и обезоружен, а мост сожжен!

Нам удалось определить на должность фельдшера санчасти полицейского отряда Василия Громова, который не вызвал никаких подозрений, сумел снабжать нас ценными сведениями из первых рук.

* * *

В середине июля 1943 года на борьбу с партизанами прибыла специальная часть, состоящая из офицеров-власовцев. Население города было оповещено, что 20 июля на базарной площади состоится митинг, на котором с речью выступит бывший комиссар Красной Армии. После митинга силами этой части будет дан большой концерт.

Мы должны были разгадать конкретные планы провокаторов. А они уже разбрались по городу, знакомились с насе-

нием, утверждая, что они вовсе не враги партизан, а скорее их союзники, а потому им нужно установить возможности перехода к партизанам. В своей откровенности власовцы явно пересолили. Они забыли, что население приграничного Себежа привыкло к бдительности, к осторожности в общении с незнакомыми людьми.

Однажды плыли мы на лодке - Ваня Литвинов, Николай Соколов и я - возле Замковой горы и увидели на берегу двух власовцев. Они попросили покатать их по озеру. Мы согласились. Так и познакомились. Один, смуглый, сухощавый, назвался Виктором Степановичем Баньчковским. До войны он был доцентом какого-то университета, и в армию был призван в качестве специалиста-топографа. Другой, Михаил Корнеевич Шанин, родом из Оренбурга. Кадровый командир Красной Армии. Их сблизила общая судьба - окружение, плен, лагерь. Угроза смерти от истощения заставила их согласиться на службу в армии генерала Власова. В лагере они организовали подпольную группу и разрабатывали план побега. Отправка их части ближе к фронту ускоряла осуществление задуманного. Но как перейти к партизанам, они не знали и просили им помочь. Тут же офицеры предостерегли нас: не верить всем на слово, так как в их среде немало людей продажных, уголовников и т. д. Разговор с их стороны был очень откровенным. Поверить им - сами можем погибнуть и других погубить. Не поверить - а вдруг перекроем дорогу совестливым людям, попавшим в беду?

Баньчковский и Шанин уловили наши колебания, но продолжали рассказывать о том, что им было известно. Оказалось, что митинг, на котором должен был выступать так называемый комиссар, должен убедить себежан, что власовцы, с одной стороны, за народ и вместе с народом, а с другой - они, дескать, борются вместе с немцами за "новый порядок". И программа концерта составлена таким образом, чтобы войти в доверие к людям, раскрыть их сердца, найти связи с партизанами, а затем провести операцию по их ликвидации.

- Но если вы поможете нам и нашей группе совершить побег, а с помощью партизан перебраться за линию фронта, мы передадим советскому командованию очень важные сведения о планах гитлеровцев, - сказал в заключение Виктор Степанович.

Мы расстались, каждый оставшись при своем. Иван и Николай должны были связаться с партизанами, проинформировать их о нашей встрече и в случае положительного решения осуществить план побега офицеров.

Но как бы тщательно ни велась разработка и подготовка плана, всегда найдутся непредвиденные обстоятельства, которые могут помешать осуществлению задуманного.

Речь комиссара на митинге произвела большое впечатление на городское население и даже на некоторых из наших людей. Вечером к оратору подошла наша разведчица и предложила немедленно, лично перейти к партизанам. Нервы того не выдержали, и он решил воспользоваться ее предложением. Сумел уйти один. Последствиями же стали карантин, наложенный на власовскую казарму, разрешение офицерам выходить только во двор.

Правда, немцы вскоре расценили побег комиссара как единственную выходку труса и все же разрешили другим выход в город. Мы связались со знакомыми офицерами и в один прекрасный день переправили семнадцать человек к партизанам, откуда они были доставлены за линию фронта. Иван Литвинов и Михаил Шанин были зачислены в первый отряд 5-й Калининской партизанской бригады. В тот же вечер оставшиеся власовцы были разоружены, взяты под стражу и отправлены из Себежа. Задуманная немцами операция против партизан оказалась сорванной.

Или вот еще эпизод. В сентябре 1943 года в Себеж из Невеля перебазировалась дивизионная авторемонтная мастерская. Разместилась она на территории городской больницы. В мастерской, кроме немцев, работали чехи, австрийцы, а также русские военнопленные. Установить с ними контакт, разведать их настроение было поручено Вале Федосевич и Саше Орлову. Заглядывал сюда и я. Мое присутствие не вызывало подозрений, поскольку здесь же находилось инфекционное отделение больницы и дезокамера, где работал мой отец.

Мы быстро наладили контакты с веселым и общительным парнем из военнопленных Сашей Анипко. Он привлек и других своих товарищей - Василия Мартынюка, Федора Кисненко, Александра Опарина, Ивана Федорова и других ребят, гото-

вых сотрудничать с нами. Но связь с ними мы поддерживали только через Анипко и Мартынюка.

Говорить о каких-то массированных диверсиях здесь не приходится. Но зато постоянно, каждодневно шла упорная работа подпольщиков, То грязь или песок попадут в трущиеся части мотора, то подшипник непрочно затянут, то резина гвоздем или металлической стружкой повреждена. А там, глядишь, и машина встанет в пути- попробуй устрани неисправность в дорожных условиях.

Незаметно, но катастрофически быстро улетучивался предназначенный для автогенной сварки кислород из баллонов. Поставщики не успевали доставлять кислород, сроки ремонта срывались. Советские люди с риском для жизни саботировали в большом и малом - кто где и как мог, тем самым приближая час нашей победы.

А вскоре после побега офицеров из власовской части мне пришлось переменить место жительства, и наши связи с дядей Митей Симоновым стали затруднительными. Я перешел в полное подчинение 4-й партизанской бригады и выполнял ее задания в качестве руководителя подпольной группы. Он же стал выходить на Богданова, подпольщика из пятой бригады.

Немцы не ослабили своих попыток привлечь, завербовать провокаторов, чтобы бороться с силами народного сопротивления. Однажды ко мне явился Георгий Константинович Чайковский, очень взволнованный, возбужденный, и рассказал, что к нему под видом пациента обратился один тип и после приема процедур стал агитировать работать на партизан, выложил на стол брошюру с докладами и приказами Сталина и заявил, что если доктор сомневается в конечной победе Красной Армии, то ему следует ознакомиться с этими документами, предложил хорошенько подумать, обещал зайти еще раз дня через три, и поспешно удалился. Чайковский был так ошеломлен поведением этого человека, что не успел остановить его и вернуть брошюру.

Конечно, это была грубая работа неопытного провокатора. Мы договорились, что Георгий Константинович немедленно пойдет в комендатуру и расскажет, как все было на самом деле. Он все выполнил, а провокатор, разумеется, не пришел ни на третий день, ни на четвертый.

Увы, многие советские люди, даже не связанные с партиза-

нами, только из-за неосторожного выражения своих антипатий к захватчикам, становились жертвами продажных шкурников и порой платили за это жизнью. В Миденские леса было вывезено для расстрела несколько автомашин с подозреваемыми в связях с партизанами, хотя доподлинно известно, что многие из этих людей к нашей работе были непричастны.

Не всегда и у нас все кончалось благополучно. Валя Федосевич в день своего шестнадцатилетия познакомилась с Иваном Елисеевым, шофером штабной машины. Она легко увлеклась понравившимся ей молодым человеком, не особенно вдаваясь в его моральные качества. А они были далеко небезупречны: изменив воинскому долгу, он поступил на службу к врагу, да и намерения его по отношению к девушке были далеки от порядочности.

Родители Вали вскоре разгадали в парне ловеласа и приложили все старания, чтобы спасти дочь от беды. Валя тяжело перенесла разрыв. И когда Елисеев вдруг ушел в партизаны, она с горечью упрекнула отца. А вскоре девушка получила записку: "Валечка! Я надеюсь, что ты узнаешь этот почерк. Я люблю тебя по-прежнему. Думаю, что ты поймешь меня и станешь работать на партизан нашей бригады. Твой друг".

Радость невозможно скрыть в сердце, она просилась наружу, и Федосевич поведала тайну ближайшей подруге Вере Сабиневской. Ту записку они читали и перечитывали вместе. Так бы все это мирно и закончилось, если бы за Вaley не стал ухаживать дружок Сабиневской. Чтобы избавиться от воображаемой соперницы, та пошла на величайшую подлость - выдала Вaлю. В ноябре 1943 года ее арестовали. Арестовали и ее родителей. После жесточайших пыток девушка признала факт получения записки из партизанского отряда через незнакомую женщину, но сам факт связи с партизанами отрицала. Не удалось немцам найти улики и против всей семьи Федосевичей. Родителей Вали выпустили на свободу, но продолжали за ними следить. Через какое-то время к ним пришли двое военнопленных, выдавших себя за знакомых дочери, и предложили свои услуги для ее спасения. Растроганный этим сочувствием, Порфирий Филиппович поблагодарил молодых людей и, забыв о предосторожности, опрометчиво предложил им помощь в побеге из города и переходе на сторону

партизан. За содействием в этом он обратился к Даше Руденковой и Дусе Долженковой. Чтобы обсудить предложение Федосевича, Руденкова тайно пришла ко мне. Какими бы благородными ни казались нам мотивы, побудившие тех военных принять участие в судьбе Вали, чутье подсказало нам, что следует ждать провала. Гестапо ждать не будет. Я предложил бежать в бригаду. Утром направился в город, намереваясь увидеть Дашу и еще раз попытаться убедить ее не медлить. Но было уже поздно: навстречу мне под конвоем вели Дусю и Дашу. Рядом семенили Славик и Валерик. Как сейчас помню, это было 21 января 1944 года.

Почти в то же время повторно были арестованы Порфирий Филиппович и его жена. 18 февраля в районе бывшей деревни Галиузка были расстреляны 18 партизан. Жительница Себежа Анна Ивановна Леонова опознала изуродованный труп своего мужа Александра Леонова, а рядом были тела Вали Федосевич, ее отца, матери и Даши Руденковой.

Евдокии Ивановне Долженковой удалось спастись каким-то чудом.

Опасности подстерегали нас постоянно. Мы как будто шли по очень тонкому льду, готовому в любой момент провалиться под нашими ногами. Срочно пришлось переправить в бригаду Георгия Чайковского, затем Василия Громова и Георгия Зорина. Причем делать все это нужно было аккуратно, чтобы не навлечь подозрений на родных, близких, друзей. То кого-то отправляли за сеном в деревню, а потом распускали слух, что человека убили в перестрелке с партизанами, то еще что-то придумывали. Женя Александрова, ставшая к тому времени женой Василия Громова, услышав, что с мужем случилась беда, упала в обморок. Но два месяца спустя я передал ей маленькую записочку: "Женя, прости, но так было нужно для дела. Береги себя и дочку. Обо мне не беспокойся. Человеку, вручившему тебе эту записку, можешь верить как мне самому".

Трудно описать радость любящей женщины, вновь обретшей "воскресшего" мужа. Она хотела сохранить записочку, но, помня историю с Валею Федосевич, я все-таки сжег бумажку. А с того момента на смену мужу к нам на помощь пришла его верная жена.

* * *

Зато мы стали чувствовать изменение настроений среди части немецких солдат, особенно среди тех, кто непрерывным потоком поступал в себежский госпиталь и понимал, что дело не так быстро, но неуклонно идет к поражению гитлеровской Германии. У нас среди них появились знакомые - Макс, Густав, австриец по фамилии Зольц. Мы начали получать от них некоторую информацию, необходимую для партизан. Известно, что Макс после отправки на фронт сдался в плен русским, и мне даже довелось впоследствии встретить его в Себеже - он выполнял обязанности переводчика. Густав был отправлен в штрафной батальон, а Зольц перешел к партизанам и оттуда, из отряда, обратился к солдатам Себежского гарнизона с призывом быстрее кончить войну, переходить на советскую сторону.

* * *

Память хранит немало боевых эпизодов. Тогда они казались опасными, но вполне рядовыми - буднями подпольной работы. Сегодня, я думаю, многое из того, что вспоминается, трудно представить даже самому пылкому воображению писателя.

Вспоминается такой эпизод. Даша Руденкова решила достойно отметить 26-ю годовщину Великого Октября. Чтобы не вызвать подозрений, она объявила 7 ноября 1943 года своим днем рождения и пригласила к себе гостей - товарищей по боевой работе, а чтобы ничто не вызывало подозрений - и некоторых девчат, пользовавшихся покровительством и доверием немцев. Заранее друзья Даши договорились, что тост "за новорожденную" означает - за годовщину Октября.

А перед этим мы сделали "подарки" немцам: среди бела дня был перерезан телефонный кабель, соединявший сторожевые посты на северной окраине города с комендатурой. Часом позже, когда немцы уже искали повреждение, то же самое проделал Георгий Чайковский. Я увидел его на территории кладбища из окна Дашиной комнаты (дом был рядом) и понял, что, застань его здесь солдаты, никому бы не сдобровать. Я шепнул об этом хозяйке.

Даша подросла к Чайковскому несколько раньше, чем

подошли немецкие связисты. Она быстро ухватила Георгия под руку и без умолку затараторила, засмеялась, оказывая ему недвусмысленные знаки внимания. Когда немцы приблизились, Руденкова полюбопытствовала, что это они в таком месте разыскивают и, услышав о перерезанном кабеле, стала проклинать каких-то хулиганов, которые, мол, из рогатки у нее стекла перебили, наверное, и перерезанный кабель, предположила она - их рук дело. Но немцы подозрительно поглядывали на ее спутника, интересуясь тем, что он мог делать один на кладбище до той минуты, пока не было фрау.

И снова выручила Даша.

- Господа, - обратилась она к немцам, - когда вам дама назначает свидание, что вы делаете? Я, надеюсь, терпеливо ожидаете ее прихода.

Видя, что подозрение немцев не рассеивается, она объяснила, что у нее сегодня день рождения, ухажер как раз приглашен в гости, да и господа могут пропустить по рюмочке шнапса. Рюмка все и решила. Гроза миновала.

* * *

Перед нашей группой была поставлена задача - добывать для партизан соль, спички, мыло, медикаменты. Доставали их мы в больнице, в медсанчасти полицейского отряда. Небольшими порциями приносили их наши люди ко мне, а затем переправляли по назначению. Казалось бы, эта операция не представляется особой сложности, не так уж и опасна. На самом же деле по стопам людей шла смерть - стоило лишь обнаружить у кого-то пакет с медикаментами в количестве, достаточном для десятка больных. И тем выше оценка деятельности наших мужественных связных Анны Семеновны Никитиной, Ефросиньи Ивановны и Ильи Андреевича Андреевых. Ведь въезд в город строго контролировался патрулями, а иногда разрешался только по особым пропускам.

Вспоминается такой эпизод, потребовавший от нашего связного изобретательности и изворотливости. Зимой 1944 года разведке 4-й Калининской партизанской бригады срочно потребовались сведения об обстановке в городе. Но проезд разрешался только при наличии специального пропуска, которого у Ильи Андреевича не было. И все-таки он запряг лошадь,

нагрузил на сани песку в придорожном карьере и с этим грузом подкатил к главному контрольному пункту у переезда через железную дорогу. Его остановил патруль. Андреев удивленно посмотрел на немца и указал кнутовищем на песок.

- Найн, найн!- затряс головой немец и предложил убратсья восвосяи. Андреич вскочил на повозку и сделал вид, что собирается уезжать. Затем, точно одумавшись, слез с саней и подошел к солдату, требуя от него бумагу с запретом, потому что за невыполнение приказа коменданта о посыпке песком скользкой дороги его могут строго наказать. Патруль струсил, открыл шлагбаум, но потребовал от Ивана Андреевича на обратном пути обязательно выправить пропуск. Последующие посты миновать было значительно легче. Андреев, завидя немцев, начинал старательно разбрасывать песок.

Выполнив поручение в городе, наш связной встретил патруль у переезда как старого знакомого. Он остановился, доложил, что приказ выполнил, и благополучно миновал пост.

Связь с нами из леса поддерживали партизаны-разведчики Модест Сенченко и Борис Сушилов. Зачастую мы пользовались своеобразным кодом, который разработал Георгий Зорин. Ключ к этому коду был только у меня и Модеста Сенченка.

* * *

Весна 1944 года принесла новые хлопоты. Нам удалось изучить линию обороны противника, проходившую главным образом через северные пригороды Себежа, определить и нанести на карту оборонительные сооружения, возводимые специальной частью войск СС, передать эти материалы командованию.

Но и немцы свирепствовали. Они предприняли самую большую и последнюю так называемую "пасхальную" экспедицию против партизан, очевидно, преследуя цель очистить оборонительные рубежи отступающей армии от опасного присутствия там крупных партизанских соединений.

В городе тоже прошла лавина арестов. Где-то явно действовал провокатор, предатель. Был арестован, например, Яков Филиппович Смелков, беженец из-под Ленинграда. Его подвергли истязаниям, к тому же в тюрьме он подхватил тиф и

умер. Дочь Смелкова Зоя, одиннадцатилетняя девчушка, служила уборщицей в немецкой части, она немного понимала язык врага, хорошо ориентировалась в обстановке, и сообщала домашним много важного, ценного. Видимо, через отца эти сведения попадали в донесения Георгия Зорина и доходили до партизан.

В это же самое время от нашей разведчицы Жени Александровой я узнал, что подосланные к ней какие-то люди интересовались, не было ли у ее мужа Василия Громова друга по имени Артем. Но "Артем" - это моя подпольная кличка. Я насторожился. А здесь вдруг навестила меня Вера Сабиневская, та самая, что предала Валю Федосевич. Я был с ней в хороших товарищеских отношениях еще до начала войны, но в дни оккупации пути наши явно разошлись, и видел я ее всего один только раз.

Встретил я Веру довольно любезно, хотя мне стоило большого труда подавить в себе подозрительность. В ходе разговора она как бы между прочим сказала:

- Знаешь, Иван, мне часто вспоминаются твои друзья. Какие это были хорошие ребята, умные ребята! Особенно тот, которого, кажется, Артемом звали. Он такой чудаковатый был, до сих пор без улыбки вспоминать его не могу.

- Да, - согласился я, стараясь не потерять самообладания, хотя меня всего буквально колотило. - Но ты, Вера, что-то путаешь, у меня не было друга с таким именем.

Мы еще немного порассуждали о жизни. Вера ушла, а я все думал, как могла так низко пасть девушка, в недавнем прошлом даже комсомолка. Видимо, ее характер формировал не только комсомол, но и папаша, погрязший в легкой наживе, дядюшка, бургомистр Семенов, немецкий прихвостень.

А Советская Армия наступала. Немцы заматали следы своих страшных преступлений и одновременно устраняли их живых свидетелей. Шли самые массовые аресты за всю оккупацию Себежа.

Командование 4-й бригады приказало нам оставить город. Разбившись на маленькие группы, товарищи добрались до условленного места. Саша Орлов уложил меня в повозку, прикрыл, и всем встречным говорил, что везет больного тифом. Немецкие посты, конечно, шарахались от нашей повозки, как от чумы.

8 июля 1944 года нас встретили разведчики 5-й Калининской партизанской бригады, а на следующий день я уже обнимал своих боевых друзей. 17 июля над Себежем после трех лет и двенадцати дней гитлеровской оккупации взвился красный флаг. Только теперь я смог увидеть тех, кого знал лишь по рассказам связных - комбригов Ф. Т. Бойдина и В. И. Марго, комиссаров В. Н. Вакарина и А. С. Кулеша, замкомбрига по разведке В. Ф. Баранова.

Если мои далеко не полные воспоминания смогут в какой-то мере воскресить картину тех незабываемых лет, буду считать свой долг исполненным.

*И. КВИЧ ("АРТЕМ"),
участник подпольной партизанской группы
в городе Себеже*

ИСТОРИИ НЕМЕРКНУЩИЕ СТРОКИ

ПАРТИЗАНЫ: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ПО МАТЕРИАЛАМ "КРУГЛОГО СТОЛА" БЫВШИХ УЧАСТНИКОВ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

К пятидесятилетию Победы над германским фашизмом в Великой Отечественной войне Совет ветеранов калининских партизан собрал за "круглым столом" участников партизанского движения в нашем крае. В беседе приняли участие: Сергей Саввич БЕЛЬЧЕНКО, генерал-полковник, бывший заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения при ставке Верховного Главнокомандующего, Геннадий Михайлович ЗАЙЦЕВ, лауреат Государственной премии СССР, председатель совета ветеранов калининских партизан, бывший подрывник 6-ой Калининской партизанской бригады; Владимир Николаевич ЛОРЕНЦСОН, кандидат педагогических наук, бывший комиссар партизанского отряда "Подрывники"; Николай Иванович МАКАРОВ, доктор исторических наук, бывший комиссар 6-й Калининской партизанской бригады.

Заседание "круглого стола" организовал и провел В. ЛОРЕНЦСОН. Он же подготовил и настоящий отчет.

* * *

В. Л. Полвека минуло со дня победоносного окончания второй мировой войны с фашизмом, со дня Победы нашего народа в Великой Отечественной войне против гитлеровских захватчиков. Как изменился мир за эти пять десятилетий! Изменился и стремительно меняется. Людей заботят проблемы выживания России, всего человечества в новой, чрезвычайно обострившейся экологической ситуации, проблемы экономики, социальные и политические. Проблемы национальные, разоружения и защиты мира, словом, все то, от чего зависит

будущее страны (не "этой", а нашей!) и всего человечества в целом.

Так вспоминать ли нам войну? Возражения против этого не так уж и редки сегодня. Сегодняшние заботы приводят в движение широчайшие массы людей, делают их в наше мирное (мирное ли?) время субъектом истории. Но ведь особенно ярко роль масс как субъекта истории проявляется на ее крутых поворотах, в экстремальных ситуациях. И тут уж никак нельзя не вспомнить о войне, о Великой Отечественной, о нравственных ценностях, поднимавших людей на защиту Родины, ее свободы, независимости, целостности.

В 1941-1945 годы война стала вынужденным образом жизни для сотен миллионов людей, жизни, полной лишений, тягот и смертельной опасности. Война - это время бед и несчастий, жертв и горя, даже если она победоносна. Время, когда все помыслы людей направлены на одно: скорее бы это кончилось! И когда люди делают все, что в их силах, чтобы война кончилась. Да, убивая врага, да погибая сам.

И не надо представлять дело так, что, "понимая ее беспрерывно" (использую выражение писателя и хирурга Ю. Крелина - "Московские новости", 9.07.89), ветераны второй мировой жаждут только лишь "славы и побед". Наоборот, они жаждут, чтобы пережитое ими никогда больше не повторилось.

Конечно, не стоило бы обращать внимание на подобные "выходки" и писателя, и газеты, да есть ведь еще такие писатели. Например, автор книги "Ледокол" В. Суворов, который пытается уверить читателей, что Гитлер, напав на СССР, собирался ограничиться "уничтожением сталинского режима" и установить некий "настоящий социализм". Есть и такие, что протаскивают мыслишку: а, может быть, лучше бы нам не побеждать фашистов? Вот что пишет Поэль Карп (не знаю, это имя или псевдоним): "...радио "Свобода" передало беседу с нашим (российским - В. Л.) журналистом... Он справедливо говорит, что побежденная Германия живет лучше нас, победителей... И неожиданно предположил: если бы победил Гитлер... Гитлер стал бы нашим спасителем". Но и это еще не все. Как пишут А. и Л. Мерцаловы, показавшие лживость книжки В. Суворова - Резуна, "к сожалению, пафос "ниспровержения" захватил не только публицистов, но даже отдельных сотрудников Российской Академии наук, разделя-

ющих, например, тезис о причинах восточного похода (см. "Новая и новейшая история", 1992, № 1, стр. 89). Пересматривается и оценка борьбы против фашизма, в частности, партизан, подпольщиков, участников Сопротивления. Их все чаще называют сталинистами, а пособников фашизма, наоборот, - патриотами. Эти же авторы со справедливой насмешкой замечают, что ныне "писать историю" бросились чуть ли не все - от театральных режиссеров до литературных пародистов. Результаты, как говорится, налицо".

Что ж, и мы не все - историки. И не возьмемся писать ни историю войны, ни партизанского движения. Мы - просто его участники и рассказываем о том, какими мы были. Думается, давно настала пора рассказать о том, что дорого нам из того времени. А это лучшие человеческие черты - верность, преданность, дружба, человеческое достоинство, которые особенно проявляются в экстремальных ситуациях. И еще чувство, что и от тебя лично зависит, как скоро придет день Победы.

Мы с вами здесь представляем все уровни партизанского движения в нашей стране: и стратегическое командование - Центральный штаб партизанского движения, и командование основного боевого партизанского формирования - бригады, и рядовых партизан. Кроме того, мы представляем еще и три призывных возраста, участвовавших в Великой Отечественной - старший, средний и юный. Поэтому и некоторые наши воспоминания о происходившем и наши оценки будут в чем-то разниться. Вот и хотелось бы их услышать и сопоставить. Для начала давайте вспомним, кто из нас и как пришел в партизаны.

Г. 3. В партизаны я пришел из истребительного батальона. В 1941 году мои одноклассники и я добивались отправки на фронт, но по возрасту еще не подлежали призыву в армию, и потому почти все мы вступали в истреббат.

Война не дошла до нашего города Кашина. Советские войска остановили захватчиков в Калининe. Но в одном из приказов по группе армий "Центр" в октябре 1941 года, 3-й танковой группе ставилась задача наступать на Вышний Волочек - это по железной дороге Москва - Ленинград - и вести усиленную разведку до рубежа Кашин - Бежецк - Пестово. Так что без дела наши истреббаты не сидели. Мы, например, задержали двух фашистских летчиков с подбитого самолета.

Вскоре обком партии и обком комсомола начали подбирать из числа бойцов истреббатов добровольцев в партизанские группы. Подал заявление и я. Был направлен в распоряжение ЦК ВЛКСМ, а оттуда - в спецшколу Западного фронта. В конце апреля 1942 года окончил курс, и в составе группы подрывников попал в распоряжение штаба Калининского фронта, где мы получили задание - во взаимодействии с Великолукским партизанским отрядом минировать железную дорогу и подрывать вражеские эшелоны. Добавлю, что летом 1942 года и другие кашинские комсомольцы попросили направить их в партизаны. Вскоре они ушли в тыл врага. Многие из них погибли.

В. Л. Да, истребительные батальоны действительно стали для многих путем в партизаны. Николай Иванович Макаров, думаю, может рассказать о своем пути.

Н. М. Войну начал кадровым офицером (впрочем, так тогда не говорили, называли - командир), политруком артиллерийской батареи на Юго-Западном фронте, за Киевом, потом участвовал в обороне этого города. Очень тяжелые были бои. Как известно, шесть наших армий там были окружены врагом, около 600 тысяч человек. Часть людей - 37 тысяч - вышли из окружения. Я оказался в окружении. Горели желанием выйти из него. Стали группами пробираться в соседнюю Белоруссию и в Калининскую область. Слышали, что там фронт под Великими Луками. На территории Белоруссии начали действовать уже к качеству партизан. Нас была маленькая группа. Вначале совершали небольшие диверсионные акты в районах Витебской области. Распространяли листовки. Появились некоторые нужные связи с местными жителями. А с наступлением весны 1942 года стали действовать более активно. Сначала в Белоруссии, в Россонском районе. И тут по соседству появились калининские партизаны - отряды Карпенкова, Ахременкова, и мы влились в отряд первого, который был связан с руководством Невельского подпольного райкома партии. Я стал комиссаром отряда у Карпенкова. Затем, в начале 1943-го, был назначен комиссаром бригады.

Конечно, у всех у нас, кадровых военных было стремление попасть в армию. Но разъяснения подпольных райкомов убеждали нас, что можно и нужно воевать и в партизанских отрядах. Тем более, что там было много военных, резкой разницы не было. Главное - бороться с врагом. Военные же

привносили в отряды организованность, дисциплину.

В. Л. Да, окруженцам не позавидуешь. Какие потери несли, сколько пережили! И путь в партизаны для них был самый прямой. Сергей Саввич, теперь мы попросим вас рассказать о своем пути в партизаны.

С. Б. Война застала меня в Западной Белоруссии на оперативной чекистской работе. Было чрезвычайно тяжело, мы несли большие потери, отступали, но оставляли подпольные партийные и комсомольские организации. Оставались с заданиями чекисты, работники милиции, советские служащие, активисты - главным образом, те категории людей, которые могли организовывать, поднимать народ на борьбу с фашистскими оккупантами.

Я был тогда заместителем начальника военной контрразведки Западного фронта, но по поручению ЦК КП Белоруссии, наряду с другими работниками, занимался формированием партизанских сил. Созданная впоследствии решением ЦК КП(б) Белоруссии Северо-Западная оперативная группа (в дер. Шейно, у Торопца) явилась по существу первым штабом партизанского движения. Я часто ездил туда из штаба фронта для оказания помощи в организации партизанской разведки. Тот участок прикрывала 4-я ударная армия, в ее полосе был не закрытый немцами участок, так называемые Суражские ворота. Через них шла живая связь опергруппы с партизанами. Помню мою встречу с легендарным Минаем Филипповичем Шмыревым, который потом стал Героем Советского Союза.

30 мая 1942 года появилось постановление Государственного Комитета Обороны о создании Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Начальником его стал П. К. Пономаренко. Я был назначен начальником Западного штаба партизанского движения. Когда меня назначили на эту должность, я говорил: "Я пограничник. Какой же из меня партизан?" Мне отвечали: "Если пограничник, то сумеешь". Но я, конечно, не совсем был прав: все-таки это дело для меня было немного знакомо. Когда в 1919 году на Украине было восстание против Деникина, мои старший брат и дядя стали партизанами, а я помогал, выполнял их отдельные поручения, конечно, в меру своих мальчишеских возможностей. И потом, когда я стал преподавать в Высшей пограничной школе историю гражданской войны, я уже глубже изучал опыт

Вскоре обком партии и обком комсомола начали подбирать из числа бойцов истреббатов добровольцев в партизанские группы. Подал заявление и я. Был направлен в распоряжение ЦК ВЛКСМ, а оттуда - в спецшколу Западного фронта. В конце апреля 1942 года окончил курс, и в составе группы подрывников попал в распоряжение штаба Калининского фронта, где мы получили задание - во взаимодействии с Великолукским партизанским отрядом минировать железную дорогу и подрывать вражеские эшелоны. Добавлю, что летом 1942 года и другие кашинские комсомольцы попросили направить их в партизаны. Вскоре они ушли в тыл врага. Многие из них погибли.

В. Л. Да, истребительные батальоны действительно стали для многих путем в партизаны. Николай Иванович Макаров, думаю, может рассказать о своем пути.

Н. М. Войну начал кадровым офицером (впрочем, так тогда не говорили, называли - командир), политруком артиллерийской батареи на Юго-Западном фронте, за Киевом, потом участвовал в обороне этого города. Очень тяжелые были бои. Как известно, шесть наших армий там были окружены врагом, около 600 тысяч человек. Часть людей - 37 тысяч - вышли из окружения. Я оказался в окружении. Горели желанием выйти из него. Стали группами пробираться в соседнюю Белоруссию и в Калининскую область. Слышали, что там фронт под Великими Луками. На территории Белоруссии начали действовать уже к качеству партизан. Нас была маленькая группа. Вначале совершали небольшие диверсионные акты в районах Витебской области. Распространяли листовки. Появились некоторые нужные связи с местными жителями. А с наступлением весны 1942 года стали действовать более активно. Сначала в Белоруссии, в Россонском районе. И тут по соседству появились калининские партизаны - отряды Карпенкова, Ахременкова, и мы влились в отряд первого, который был связан с руководством Невельского подпольного райкома партии. Я стал комиссаром отряда у Карпенкова. Затем, в начале 1943-го, был назначен комиссаром бригады.

Конечно, у всех у нас, кадровых военных было стремление попасть в армию. Но разъяснения подпольных райкомов убеждали нас, что можно и нужно воевать и в партизанских отрядах. Тем более, что там было много военных, резкой разницы не было. Главное - бороться с врагом. Военные же

привносили в отряды организованность, дисциплину.

В. Л. Да, окруженцам не позавидуешь. Какие потери несли, сколько пережили! И путь в партизаны для них был самый прямой. Сергей Саввич, теперь мы попросим вас рассказать о своем пути в партизаны.

С. Б. Война застала меня в Западной Белоруссии на оперативной чекистской работе. Было чрезвычайно тяжело, мы несли большие потери, отступали, но оставляли подпольные партийные и комсомольские организации. Оставались с заданиями чекисты, работники милиции, советские служащие, активисты - главным образом, те категории людей, которые могли организовывать, поднимать народ на борьбу с фашистскими оккупантами.

Я был тогда заместителем начальника военной контрразведки Западного фронта, но по поручению ЦК КП Белоруссии, наряду с другими работниками, занимался формированием партизанских сил. Созданная впоследствии решением ЦК КП(б) Белоруссии Северо-Западная оперативная группа (в дер. Шейно, у Торопца) явилась по существу первым штабом партизанского движения. Я часто ездил туда из штаба фронта для оказания помощи в организации партизанской разведки. Тот участок прикрывала 4-я ударная армия, в ее полосе был не закрытый немцами участок, так называемые Суражские ворота. Через них шла живая связь опергруппы с партизанами. Помню мою встречу с легендарным Минаем Филипповичем Шмыревым, который потом стал Героем Советского Союза.

30 мая 1942 года появилось постановление Государственного Комитета Обороны о создании Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Начальником его стал П. К. Пономаренко. Я был назначен начальником Западного штаба партизанского движения. Когда меня назначили на эту должность, я говорил: "Я пограничник. Какой же из меня партизан?" Мне отвечали: "Если пограничник, то сумеешь". Но я, конечно, не совсем был прав: все-таки это дело для меня было немного знакомо. Когда в 1919 году на Украине было восстание против Деникина, мои старший брат и дядя стали партизанами, а я помогал, выполнял их отдельные поручения, конечно, в меру своих мальчишеских возможностей. И потом, когда я стал преподавать в Высшей пограничной школе историю гражданской войны, я уже глубже изучал опыт

партизанского движения. Это мне помогло. Что же касается подпольной деятельности, то я познавал ее из учебников истории, из мемуаров большевиков-подпольщиков, другой литературы. Уже тогда я понял, что главное в этой деятельности - подбор людей, отважных, смелых, ненавидящих врага. И, конечно, глубокая конспирация.

В. Л. Вот такие три пути. Конечно же, вариантов было гораздо больше. Но теперь, видимо, следует сказать о том, чем стало партизанское движение на захваченной фашистами территории СССР, каков его вклад в дело Победы.

Н. М. В обеспечении победы над немецко-фашистскими захватчиками, наряду с регулярными частями Красной Армии, как главной силой в борьбе с врагом, большой вклад внесли партизаны, подпольщики, все жители оккупированных врагом деревень, сел, городов страны. Документально, например, подтверждено, что на оккупированной врагом территории Калининской области героически сражались с захватчиками свыше 100 подпольных организаций и групп. Это - помимо отрядов и бригад. Однако есть все основания полагать, что их было значительно больше.

Эта борьба в тылу врага была напряженной, ожесточенной, смертельно опасной. Она принимала самые разные формы - от уклонения от выполнения распоряжений оккупационных властей до вооруженной партизанской войны, которая превратилась во всенародную. Столь широкий ее размах, доселе неизвестный, был обусловлен прежде всего характером общественного строя нашей страны, целями и задачами, которые преследовал наш народ в этой войне.

С. Б. И следует добавить, что благодаря сочувствию и поддержке огромного большинства населения оккупированных врагом территорий страны и всего народа партизанская борьба приняла у нас такой размах, набрала такую мощь, что впервые в истории войн стала стратегическим фактором. В ходе войны советские партизаны нанесли врагу невосполнимый урон. Назову только некоторые общеизвестные цифры: было устроено 20 тысяч крушений вражеских поездов, подорвано 50 бронепоездов, выведено из строя более 10 тысяч паровозов и 110 тысяч вагонов. Партизаны в значительной мере дезорганизовали транспорт противника, а без его четкой работы успех в современной войне немыслим.

Кроме того, партизаны взорвали и сожгли 12 тысяч железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили более 65 тысяч автомашин, уничтожили и вывели из строя свыше 2300 танков и бронеавтомобилей, более 1100 самолетов, вывели из строя 17 тысяч километров линий проволочной связи. Кстати, вот признание самого противника: "...по тому колоссальному воздействию, которое оно (партизанское движение - ред.) оказало на фронтовые войска и на проблемы снабжения, работы тыла и управления в оккупированных районах,... оно стало частью тотальной войны. Партизанское движение, с годами постепенно усиливавшееся в России, Польше, на Балканах, а также во Франции и Италии, повлияло на характер всей мировой войны". (Итоги второй мировой войны. Пер. с нем. Госоиниздат, 1957, стр. 135).

В. Л. Важно подчеркнуть то, что партизанские группы, отряды, соединения формировались преимущественно из добровольцев. Согласитесь ли вы, что основа партизанского движения - добровольность? Я знаю, могут быть возражения, ведь иногда мы мобилизовывали местных жителей. Но, полагаю, возражения не опровергают того факта, что добровольность - это основа движения.

Н. М. Вы, конечно, правы. Гитлеровские войска в первые же дни войны продвинулись далеко в глубь советской территории. Отмобилизовать всех военнообязанных военкоматы не успевали, в оккупации оказалось много людей призывного возраста, способных носить оружие. Кроме того, оккупация во многих местах длилась и год, и два, и три года. За это время достигли призывного возраста те, кто летом 1941 года еще не подлежал призыву. А на них, как и на всех советских гражданах, лежал долг защищать Отечество, и, приходя в деревни, мы напоминали таким людям об этом долге. Но партизанские отряды комплектовались исключительно из добровольцев.

В. Л. В этой связи, думаю, стоит напомнить мнение о советских партизанах английского журналиста Александра Верта. Он был в годы войны корреспондентом ряда газет и Би-Би-Си в СССР и под свежим впечатлением написал книгу "Россия в войне. 1941-1945". Там он пишет, что версия партизанской войны, согласно которой партизаны были чем-то вроде второй Красной Армии, воевавшей во вражеском тылу, чрезмерно упрощает человеческие аспекты драмы партизан-

ского движения. Ибо это действительно была драма. Партизаны не находились в положении армии, регулярно снабжаемой продовольствием, вооружением, обеспечиваемой медицинским обслуживанием и имеющей противника только перед собой и больше нигде. Это не только картина величайшего мужества и смелости - а нужно быть мужественным и смелым человеком, чтобы стать партизаном, - подчеркивает Верт, - но и картина такого мира, где человеческая жизнь ценилась невероятно дешево.

Г. З. Да, а сами-то вы как пришли в партизаны?

В. Л. Так же, как и вы - из истреббата. Кстати, вы забыли сказать, что формировались истреббаты только из добровольцев-людей, которым было отказано в призыве на фронт по возрасту или по здоровью. Я вступил в батальон будучи учеником десятого класса.

Но я хочу сказать о другом. В первые послевоенные годы, вы помните, нас часто спрашивали: что же вело вас в бой? Вопрос в какой-то степени стал тогда даже модным. А что мы могли сказать, отвечая на этот вопрос, кроме общих слов? Ведь не философы мы были. Думая над этим, только много позднее, я, кажется, нашел ответ. Впрочем, и то, видимо, неполный. Вот Николай Иванович сейчас как бы невзначай обронил: мол, это был личный выбор - участвовать в борьбе. Да, это был выбор. Но почему именно такой? Мне кажется, что ответ есть у Антуана де Сент-Экзюпери. Прося у друга содействия в отправке на фронт, он написал: "...я так ненавижу войну, но для меня невыносимо оставаться в тылу, когда другие рискуют жизнью... Только участвуя, человек может играть действенную роль". Ясная формула. Действительно, главное было - участвовать. То есть играть действенную роль в защите своего Отечества. И тогда, и всегда - это главное. А может, тогда - особенно. Так уж повернулась к нам история.

А еще позднее я понял, что приводило меня к такому выбору. По газетам ответ был давно известен: конечно же, патриотизм! Это верно. Но патриотизм - ведь чувство не привычное, оно возникает только при условии, что развито у тебя свое собственное, личное чувство - чувство человеческого достоинства. Именно оно оттесняет страх, учит презирать спасающих свою шкуру предательством, презирать самого себя, если ты в стороне от боя. Оно не позволяет человеку

прятаться за спину другого. Патриотизму придают деятельное начало честь и достоинство. И поэтому, кажется, мы можем утверждать, что партизанское движение, в основе своей, явление высоконравственное.

Г. З. Согласен с вами. Именно чувство человеческого достоинства, совесть, честь и честность, дисциплина, основанная на этих качествах – то, без чего партизанское движение не могло развернуться и быть успешным.

Разумется, в явлении такого масштаба было всякое – и преступления, и трусость, и даже предательство. Словом, пороги, обусловленные именно дефицитом чувства собственного достоинства. Но подавляющее большинство партизан, движение в целом обладали им в высшей степени, иначе не было бы ни самого движения, ни самих партизан.

С. Б. Да, бесспорно, партизанское движение – явление нравственное, в основе его глубочайшее чувство патриотизма. Человек сам, без указки, знал, что ему надо взять в руки оружие.

В. Л. Наш разговор о нравственных истоках партизанского движения кажется своевременным и необходимым, потому что за годы сталинщины и застоя были искажены идеалы, ради которых была совершена Октябрьская революция и которые наш народ защищал в Великой Отечественной войне. Но ведь верили-то люди в сами идеалы, а не в их искажение. Иначе не была бы на нашей стороне Победа. И потому снова перед нами вопрос: что же должны содержать наши рассказы о нас, партизанах, чтобы они были нужны людям? Видимо, утверждение человеческого достоинства. Нужно, чтобы из наших рассказов было ясно, что борьба против дикости и варварства фашизма и была утверждением достоинства для борющихся с ним.

В последние годы нам старательно толкуют, что не было у нас и быть не могло такого чувства. Вот книга "Этическая мысль. Научно-публицистические чтения". (М., 1988, стр. 369). Нам сообщают, что основной наш порок...это дефицит и, зачастую, отсутствие чувства собственного достоинства". О ком же это? Кто эти "мы" и чей это "наш"?

А вот цитата из "Комсомольской правды" от 6 декабря 1988 года. Газета сокрушается: "Как же сильно выбито из нас всякое чувство собственного достоинства, если мы гордимся... тем,

что "большинство трудового народа", "работая сутками и с риском для жизни",... имеет лишь элементарный прожиточный минимум!" Интересное понятие о чувстве собственного достоинства.

А вот противоположная точка зрения: "Вспоминаю годы Великой Отечественной войны. Тогда не спрашивали солдата или матроса о чести и совести. Тогда был один девиз: не убьешь фашиста, он убьет тебя. Стоял вопрос о жизни и смерти, быть советскому государству или не быть. Солдаты и матросы шли на смертельный бой и считали себя коммунистами. Тогда демагогов, по-моему, не было, народ верил в партию, был уверен в победе, и народ победил". (Н. Полищук, ветеран войны и труда. "Правда" от 25 марта 1989 г.).

Знаю, у некоторых сегодняшних оппонентов уже готов ответ: "Так вы же были одурачены, вы ничего не знали". Но давайте предположим, что мы обо всем узнали бы не в 1956 году, а в военные годы. Позволили бы тогда нам наши честь и достоинство не воевать, а критиковать воюющих с позиций "прожиточного минимума"?

Не могу забыть спор, возникший во время недавней нашей поездки на Курган дружбы с приглашенным туда сравнительно молодым диссертантом, изучавшим историю Великой Отечественной войны. В разговоре он как-то обронил, что человеческое достоинство у людей того времени было-де атрофировано.

"А не думаете ли вы, что существует чувство - и в первую очередь чувство человеческого достоинства,- не истребимое никакими преследованиями? Да разве могло бы развернуться столь мощное и победоносное партизанское движение, будь ваше утверждение правдой?"- на эти и еще многие подобные вопросы у моего оппонента не нашлось убедительного ответа.

Недаром же в 1917 году, когда большевики сказали людям труда: нет больше сословных привилегий, чинов и званий, больше вы не "подлый люд", а равные граждане, и господа баре больше не "их благородия" и не "их высокородия", произошел нравственный прорыв. И распрямившееся чувство достоинства уже никто не в силах был растоптать и искоренить. Оно-то и стало нравственной основой партизанского движения. Это - к сведению новых "переоценщиков" истории.

Г. 3. Действительно, об этом много сейчас пишут и в газетах,

и в журналах. Может быть, если мы расскажем именно о нравственных сторонах движения, это будет хоть в чем-то полезным? Мы говорили о добровольности. Но есть еще и другой аспект этого явления - дисциплина. Да, мы были люди гражданские. Не будь войны, ими бы и остались. Но так случилось... И мы вели военные действия, а никакие военные действия, согласитесь, невозможны без дисциплины, и притом весьма жесткой. Однако стоит напомнить, что в партизанских группах, отрядах и бригадах дисциплина держалась прежде всего на сознании долга перед товарищами. И я не помню случая, чтобы кто-нибудь отказался выполнить какое-либо задание, хотя слово "приказ" у партизанских командиров было не в ходу. Обычно говорили: "выступаем на задание", "идем в разведку", "отряду ставится задача", "группа прикрывает" и т. п.

В. Л. И все-таки, на чем она держалась, дисциплина? Конечно, можно вспомнить о партизанской присяге, о словах - "пусть покарает меня рука моих товарищей, если я..." и т. д. Но это ли было главным? Перескажу вам разговор с одной партизанской разведчицей. Она, как и многие другие женщины и девушки-партизанки, ходила в разведку по деревням, где в любой момент могла попасть в лапы врагу. Ходили-то они безоружными! Я преклоняюсь перед ними: насколько это страшней, чем когда ты с автоматом или даже с винтовкой и среди товарищей. Я спросил ее: "Ну, а могла бы ты не пойти? Ведь любой полицай мог сделать с тобой все, что захотел бы, да и немцы попросту могли расстрелять". "Не пойти? - в ее голосе я уловил плохо скрываемое возмущение. - Как ты мог об этом подумать! Не пойти! А потом ребята пошли бы и навались там... вместо меня..."

Кстати, в те времена весьма живуче было представление, - видимо, порождаемое пренебрежительным отношением к женщинам как к полноценным бойцам, - что противник-де обратит на них меньше внимания, чем на мужчин-разведчиков, и поэтому им ходить в разведку безопаснее. Насколько наивным и опасным было это убеждение, показывает изданный гитлеровским командованием вот такой документ: "Особенно нужно говорить о женщинах, которые помогают партизанскому движению. Молодые женщины, получившие коммунистическое воспитание, - самые лучшие и бесстрашные помощники

партизан. Из их рядов мобилизуются наблюдатели, связисты, разведчицы".

С. Б. Да, задания они выполняли очень опасные. Что же касается дисциплины, то она была выше и крепче, чем даже в иных частях Красной Армии. Здесь людьми двигали, сдерживали их другие начала. Понимание своего долга, сознание, что я - партизан, защитник народа. Я призван бороться с врагом. Я должен блюсти свой порядок. На этой основе и составлялись присяги. Мой святой долг вести борьбу с врагом.

Г. З. Присяга присягой, а у меня, между прочим, так сложилось, что вся наша группа присягу и не видела, и не принимала. Мы были добровольцы, а присяга - это формальность.

В. Л. Однажды меня спросили: "А вы знаете, сколько было расстреляно за войну?" Я ответил: "Не знаю. Наверное, много. Война жестока. За годы войны через ее безжалостные жернова прошли десятки миллионов. Так что даже не процент, а, скажем, сотая доля процента от их числа даст громадную цифру. На это рассуждение вас, видимо, подтолкнули люди, никогда не бывавшие в бою. Вы имеете в виду так называемые заградотряды? Да, если человек струсил, он бежит назад, не вспоминая о заградотряде. Он потом о нем вспоминает, когда становится поздно. А кто не струсил, бежит вперед, в атаку, на пулеметы... А где вы нашли бы заградотряд во вражеском тылу, где фашистов били партизаны?"

Моя беседа с разведчицей, о которой я сейчас рассказывал, высвечивает еще одну характерную черту партизанских действий: пожалуй, нигде, ни в каких других войсках боец так часто не оказывался один на один со своей совестью, один перед противником, обстоятельствами, трудностями и опасностями, то есть в условиях, когда он сам становится судьбой своей смелости или трусости, когда одна лишь совесть повелевала ему выполнить задание, как бы опасно оно ни было. Как ответила мне та разведчица: - "Не пойти? А потом ребята пошли бы..."

Совесть. Вот еще одна определяющая черта в нравственной характеристике партизана. Об этом же говорит, мне кажется, и то, что партизан зачастую был по отношению к населению "человеком с ружьем". Помните ленинские слова о том, что после революции в народе стали говорить, что "теперь не надо

бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся..."

С. Б. Между прочим, работая над своим курсом в Высшей пограншколе, я часто задавался вопросом: а в первую мировую войну партизанские действия были? И долго не находил ответа. Но, знаете, нашел - у Брусилова. Генерал Брусилов писал, что во время 1-й мировой войны формировались казачьи отряды, которые засылались в тыл противника на Северо-Запад, в Полесье. Но ничего из этого не получилось. Генерал утверждает, что "...партизаны эти производили массу буйств, грабежей и имели очень малую склонность вторгаться в область неприятельского расположения". И далее: "Выходили бесконечные недоразумения с нашими русскими жителями". Это - к вопросу о "человеке с ружьем". Верно, всякое было. Но если бы не совесть определяющей была, никакой поддержки от населения партизаны не получили бы, а, значит, и не было бы их. Ведь без всенародной поддержки партизанское движение не могло бы не только стать победоносным, но и просто существовать. Поэтому считаю нужным коснуться и этой стороны дела.

Г. З. И, думаю, прежде всего надо сказать о роли крестьянства.

В. Л. Я тоже считаю, что это необходимо. Ведь партизанскую войну в нашей стране, по-моему, с полным правом можно назвать "деревенской войной". И, думается, нельзя уяснить себе, чем было наше крестьянство, не вспомнив партизанскую войну 1941-45 гг. Может быть, правильным будет утверждение, что здесь ведомый класс шел вровень с гегемоном.

У нас партизанская война развертывалась, как правило, в сельской местности, и крестьяне-колхозники составляли едва ли не основную массу бойцов-партизан. Много было их из среды и командиров. А крестьянские семьи снабжали продовольствием; их дома - место дислокации партизан и защиты от оккупантов и полицаев; члены этих семей - помощники (и зачастую весьма действенные) в разведработе. Все это, на мой взгляд, опровергает некоторые рассуждения о крестьянстве, появившиеся в последнее время в печати.

Г. З. Мне кажется, что я убедительно выскажусь по этому вопросу, если просто расскажу историю моего спасения после ранения.

Так вот, в январе-марте 1943 г. гитлеровское командование предприняло карательную экспедицию против партизанского края в западных районах Калининской (РСФСР) и северо-западных районах Витебской (Белоруссия) областей. Экспедиция была настолько велика по численности и мощна по вооружению, что гитлеровцы рассчитывали "промчатся вихрем" и уничтожить партизан во всем крае. В тех зимних боях пало много партизан.

Я был тогда тяжело ранен еще до начала экспедиции и лежал в партизанском госпитале в лесу. Фашистам удалось оттеснить наш отряд за железную дорогу Невель-Полоцк, а госпиталь, охраняемый 10-12 бойцами, остался в зимнем лесном лагере. Вскоре гитлеровцы начали прочесывать лес. Наши товарищи решили спрятать нетранспортабельных раненых в хорошо замаскированной землянке в стороне от основного лагеря, а остальным нужно было с боем прорываться через цепи карателей. Небольшой смертельной схватки горстки почти беззащитных людей, среди которых была и наша медсестра, оказалось достаточно, чтобы растворить ряды карателей, которые панически боялись боя в лесу. Товарищам удалось уйти.

А мы, раненые, через несколько дней решили, пока оставались силы, добраться до ближайшей деревни за продуктами (их у нас не было). В той деревне прежде был наш госпиталь, и жители нас хорошо знали.

Надо иметь в виду, что "Инструкция по борьбе с партизанами на Востоке", выписки из которой оккупанты распространяли в деревнях в виде объявлений и листовок, предписывала за помощь партизанам жителей казнить, а деревни сжигать. Гитлеровцы сожгли здесь деревню Хмелинец и расстреляли в ней более шестидесяти женщин и детей, расстреляли половину жителей деревни Тарасиха, учинили жестокую расправу над жителями деревни Погорелое. В таких условиях помогать нам было истинным героизмом.

Мы кое-как добрались до деревни Замощье, и в продолжении целых двух месяцев ее жители делились с нами кто чем мог, кормили нас, лечили, предупреждали об опасности, прятали в лесу. Так я остался жив. В середине марта за нами пришли бойцы из нашего отряда и я (рана немного зажила) вернулся в строй.

Вот какой была помощь крестьян. Впрочем, так тогда не говорили. Говорили - колхозников. Да это, наверное, будет и правильнее; вы помните, что в значительном числе случаев колхозы на оккупированной территории сохранялись.

В. Л. Как сказал мне один белорусский партизан, "у нас колхоз не расходился". Мне кажется, это тема для историков и социологов. Но не стоит ли задуматься над такими фактами? Коллективизация была сопряжена с насилием над крестьянством. Так почему же "не расходились" колхозы в оккупации? Не потому ли, что преимущества объединения сил (и не просто сил, а вообще человеческого единения) в экстремальных условиях воспринимались сначала чувством и разумом? И все это в условиях фашистской оккупации!

С. Б. Захватчики сначала считали, что им легче и проще будет грабить именно коллективные хозяйства. Еще в начале войны мне пришлось ознакомиться с их инструкцией "Принципы ведения хозяйства на Востоке". Для нашей сегодняшней беседы я нашел выдержку из нее: "Сохранение колхозной системы необходимо пока для того, чтобы предотвратить перебои в снабжении немецкой армии и хозяйства за счет русских просторов".

В. Л. Кстати, они были совершенно уверены, что при первой возможности колхозники побегут из колхозов и начнут их растаскивать. В одном из их документов об этом сказано: "Стихийные действия совершенно необразованного населения деревень в момент возможного самовольного разгона колхозов могли бы привести к неисчислимым материальным потерям". Немцы очень скоро поняли, что колхозная организация усиливает сопротивление крестьянства и уже в самом начале 1942 г. ввели так называемый "закон" о "земельной реформе", нацеленный на ликвидацию колхозов.

Деревня Хатынь стала символом фашистских зверств на нашей земле. Геннадий Михайлович рассказал о трех деревнях, свидетелем расправы над которыми он был. А всего гитлеровцы сожгли и разрушили 70 тысяч сел и деревень, разорили 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов, 2890 МТС, уничтожили, отобрали и угнали в Германию 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота и т. д. Это было подлинным разорением деревни. К сожалению, пока неизвестны точные цифры наших людских потерь, цифра в 20

миллионов явно занижена. Она не раскрывает числа убитых в боях и погибших от фашистских репрессий, голода и болезней. Одно можно сказать: две трети населения жили тогда в деревне, значит, и людские потери в деревне были огромны.

В одной из ваших статей, Николай Иванович, вы пишете, что в партизанских соединениях и отрядах колхозники составляли более 41 процента. Но точна ли эта цифра, всех ли учитывала такая статистика? Не кажется ли вам, что такой процент составляли лишь местные жители, вступившие в отряды? А красноармейцы, мобилизованные из деревень и пришедшие в отряды из окружения? А школьники и студенты - дети колхозников? Учтены ли они? Нет, думается, процент крестьянства в партизанских силах был значительно выше сорока одного.

В начале нашего разговора мы упомянули о трех путях, которые вели в партизаны. Этот, четвертый - а по значению, пожалуй, первый - был путь крестьян, жителей оккупированных районов. В массе своей они тоже были добровольцами.

С. Б. Да, добавлю, что массовый характер поддержки партизан крестьянами отмечали гитлеровские "управители" и послевоенные зарубежные исследователи. Командующий войсками группы армий "Север" Кюхлер в своем приказе от 30 ноября 1943 г. был принужден констатировать, что "... удары и акты саботажа... свидетельствуют о том, что местное население широко поддерживает партизан и саботажников".

Н. М. Хорошо, что мы сегодня коснулись нравственных ценностей. В начале разговора мы упомянули о том, что следовало бы вспомнить о движении Сопротивления в других странах, подвергшихся гитлеровской оккупации. Ведь Великая Отечественная война - это только часть второй мировой войны (пусть и решающая, но часть). Сейчас мы, как и весь мир вместе с нами, все больше приближаемся к осознанию общечеловеческих ценностей. Но ведь они и всегда были общечеловеческими. И мировая война, которая для народов стран, подвергшихся фашистской агрессии, стала национально-освободительной, антифашистской, была и войной за общечеловеческие ценности - за свободу, достоинство, жизнь. Вот почему следует, видимо, нам вспомнить о движении родственном нашему, партизанскому, - о движении Сопротивления.

Сначала приведу некоторые данные, свидетельствующие о его размахе. Историк Н. Кюнрих (Германия) сообщает о

результатах партизанской борьбы и движения Сопротивления в странах Европы. По неполным данным, в Польше партизанами Народной гвардии - Народной Армии в 1944 г. были проведены 904 операции, из них 120 крупных боев, всего в 1942-1944 гг. они провели 7203 боевых операции и уничтожили 1300 эшелонов. В Греции только партизанскими отрядами ЭЛАС уничтожено или выведено из строя 85 локомотивов, 957 вагонов и 1007 автомашин.

Югославские и чехословацкие партизаны уничтожили, повредили или захватили соответственно 1918 и 433 локомотива, 19758 и 3883 вагона, французские партизаны только в июне - июле 1944 г. пустили под откос 600 поездов, вывели из строя 1800 локомотивов и 6000 вагонов. После высадки союзников в Нормандии они отвлекли на себя 8 дивизий противника. Велики также потери, нанесенные фашистскому транспорту бельгийскими и итальянскими партизанами.

Эта борьба была поистине интернациональной: в партизанской борьбе на территории СССР участвовали представители различных народов европейских и азиатских стран. Только в составе украинских партизан сражались представители 16 зарубежных стран, в том числе две тысячи поляков, более четырехсот чехов и словаков, семьдесят один югослав, сорок семь венгров, двадцать восемь немцев, восемнадцать французов.

А в партизанской борьбе народов Европы активно участвовало не менее сорока тысяч советских граждан.

Однако между всенародной борьбой советских людей и движением Сопротивления имелись и существенные различия.

Ни в одной другой стране руководство борьбой в тылу врага не осуществлялось из единого центра - столицы государства. Не было столь крупных партизанских соединений на оккупированной территории, получавших подкрепление и снабжение со всей страны. Не было столь отработанной координации вооруженных операций и других акций в тылу врага с действиями регулярных войск, с общими мероприятиями государства по разгрому врага. Временно оккупированные территории внутренне неизменно оставались неотъемлемой частью великой страны.

С. Б. Мне приходилось встречаться с поляками, венграми,

итальянцами, в Австрии, Люксембурге. Люксембург - страна маленькая, а Соппротивление было очень значительное. Везде, где было Соппротивление, всегда были советские люди. Во Франции, Италии были отряды русских. Я интересовался деталями. Организация, формы движения, боевые задачи - во всем этом между ними и нами большое сходство. А источник один - любовь к Родине, патриотизм.

В Италии у меня есть связи со многими участниками Соппротивления. Для всех характерна ненависть к фашизму. Вначале, говорят, мы верили нашему дуче, а потом увидели, что он ведет нас не туда. Много мне рассказывали, что помощь нашим советским людям, бежавшим из плена, часто оказывалась шагом к созданию партизанских групп. Когда они попадали к антифашистски настроенным жителям, те их прятали, а за это полагался расстрел. Ну, и уходили вместе со своими подопечными в партизаны.

Говоря о различиях между нашим партизанским движением и родственными ему движениями в других странах, Николай Иванович указал на высокую степень организованности нашего движения. Это важный аспект - соотношение организованности и стихийности. У меня об этом было много споров с товарищами.

Был такой известный партизанский командир Сабуров. Он утверждал, что партизанское движение все сплошь стихийное. Я с ним спорил, доказывал, что без должной организации ничего не получилось бы. А он свое: "Нет, стихийное!"

А откуда это было у Сабурова? В самом начале войны он с группой товарищей оказался в экстремальных условиях. Первые удачи в боях - и к нему пошли люди. Не потому, что он был большим командиром, а потому, что люди знали: надо защищать страну, свой дом. И то, что люди шли к нему, убедило его, что можно не вести организаторскую работу, он решил, что все идет стихийно.

Элементы стихийности, конечно, были, особенно, на первом начальном этапе. Но все же движение возникало не на пустом месте. Спокон.веку у людей выработалось чувство необходимости защищать свое гнездо, свой дом. И потом из того, что люди знали о фашизме, у них даже было представление, что фашист - зверь. Люди чувствовали эту опасность. Собирали оружие - его после отступления наших много было

на полях и в лесах. Оружие обязательно припрятывали. Не всегда, чтобы непосредственно вступить в борьбу, а так, на всякий случай. А мы, отступая, оставляли подпольные партийные и комсомольские организации, оставляли и чекистов-коммунистов, создавали подпольные организации, райкомы, обкомы...

Пример Калининской области в этом отношении особенно яркий. Вспомним, что в области к началу 1942 года действовало 2 подпольных горкома и 26 райкомов партии.

В. Л. Известно, что уже в первые дни войны были изданы директивы об этом, и партийные, и советские органы сразу же активно взялись за работу.

Свои исследования истории Великой Отечественной войны и партизанского движения, в частности, и вы, Николай Иванович, начинали обычно с утверждения о руководящей роли Коммунистической партии и обосновывали ее, как правило, ссылками на Директиву СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. о мобилизации всех сил и средств страны на отпор фашистским захватчикам, на Постановление ЦК ВКП(б) "Об организации борьбы в тылу германских войск" от 18 июля 1941 г., на приказ наркома обороны И. В. Сталина "О задачах партизанского движения" от 5 сентября 1942 г. и другие документы. Как вы оценили бы их сегодня?

Н. М. Историки правы: названные и другие документы действительно сыграли огромную роль в развертывании партизанского движения и в руководстве им. Во-первых, в указанных документах определена программа развертывания партизанской и подпольной борьбы против оккупантов; во-вторых, они обязывали партизанские комитеты непосредственно возглавлять эту борьбу. В числе партизан было 140 тысяч коммунистов. В разные периоды в оккупированных районах действовало свыше 700 подпольных партийных органов - от ЦК республик до райкомов; в-третьих, эти комитеты вели большую организационную и идеологическую работу на оккупированной территории. Ее результатом стал широчайший размах борьбы: только в партизанских формированиях было более миллиона бойцов. В скрытых партизанских резервах и подпольных организациях насчитывалось свыше двух миллионов человек. А число людей, помогавших партизанам и подпольщикам и активно саботировавших деятельность вражеской админис-

трации, просто не поддается учету; в-четвертых, в течение всей войны партийные органы советского тыла постоянно оказывали помощь партизанским соединениям оружием, боеприпасами, медикаментами, средствами связи, посылали к ним военных специалистов; наконец, в-пятых, штабы партизанского движения, которые являлись военно-оперативными органами партийных комитетов (как правило, их и возглавляли секретари этих комитетов), постоянно координировали действия партизанских отрядов.

Партийные организации, коммунисты нашей страны становились организаторами и руководителями подпольной борьбы. А подпольная борьба, в свою очередь, часто выливалась в вооруженные действия. Срыв мирным населением политических, экономических и военных мероприятий оккупантов по мере приближения Красной Армии нередко перерастал в открытые активные действия – вооруженные нападения и даже восстания.

Степень развития различных форм всенародной борьбы в тылу врага зависела от ряда объективных факторов. Партизанское движение получило наибольший размах в районах с лесными массивами или имеющих другие благоприятные условия. Подпольные организации действовали, как правило, в городах, населенных пунктах, менее благоприятных для партизанской вооруженной борьбы.

В. Л. Конечно, упомянутые директива, постановление, приказы сыграли большую мобилизующую и организующую роль. Однако, если мы хотим иметь правдивое, достоверное знание о нашем прошлом, мы не можем уйти от ряда вопросов. Возьмет, например, ту же Директиву от 29 июня 1941 г., ее параграф четвертый. Он, как известно, гласил: "При вынужденном отходе частей Красной Армии... не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы".

"Все ценное имущество... хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться".

Не напоминает ли это тактику "выжженной земли"?

Н. М. Так прямолинейно нельзя понимать Директиву!

В. Л. Но ведь на этой земле оставались миллионы наших людей. Чем бы они кормились? Гитлеровцы намеревались

уморить голодом десятки миллионов наших людей на оккупированной ими территории.

Люди, оставшиеся в оккупации, сеяли хлеб, держали скот, чтобы прокормиться самим и прокормить миллионную армию партизан. Какое партизанское движение могло бы обойтись без этого?

И другая сторона этого дела: именно партизаны защищали население от грабежа оккупантов и тем самым в значительной мере лишали врага возможности осуществить его намерения кормить свою армию и страну за счет захваченных территорий. Геринг, который в 1942 г. нагло заявлял, что он-де "намерен грабить именно эффективно", тогда же похвалялся: "В настоящий момент Германия владеет от Атлантики до Волги и Кавказа самыми плодородными землями... Россия, чернозем Украины... Меня особенно интересует, что можно выжать из находящихся в настоящее время в наших руках земель... и что из этого может быть отправлено в Германию... Эта страна со сметаной, яблоками и белым хлебом может кормить нас..." А гауляйтер "Остланда" Лозе отвечал ему: "На территории, где проведены посевные работы, вряд ли может быть собран урожай, если теперь, наконец, не будет покончено с партизанскими бесчинствами". Урожая ни в 1942-м, ни в 1943 году они у нас не собрали.

Кроме того, по их собственному признанию, они были вынуждены вести непрерывное сражение на транспорте.

С. Б. И все же упомянутые нами документы обладали большой мобилизующей силой. Человек избавлялся от сомнений: "Партия зовет, значит, я действую верно". Я уже говорил, что жители собирали оружие и т. д.

В. Л. Конечно же, этого отрицать нельзя, это так. Но ведь к началу войны у нас не было даже более или менее сносных руководств по ведению партизанской борьбы. Попробуем понять, как это могло произойти. Ведь велась же в конце 20-х - начале 30-х годов подготовка к такой борьбе на случай нападения на нашу страну.

С. Б. Да, руководства в смысле организации партизанской войны - ни уставов, ни наставлений не было, ничего не было.

В. Л. В газетах публиковались общие призывы, рассуждения о том, что "огромная сила партизан - в связи с местным населением...", что "партизаны опираются на народ". А в

инструкциях командования говорилось другое. Например, в официальном руководстве - брошюре "Партизанские отряды и их тактика" (Воениздат НКО СССР, М., 1941) давались указания дислоцироваться в деревнях только в редких случаях, контакты бойцов с населением сводить к минимуму, изучать классовый состав населения, брать заложников "из среды враждебных элементов". (Подчеркнуто нами, - ред.).

Сколько же врагов нажили бы партизаны, если бы исполняли подобные инструкции!

А такие "наставления" преподавались в школах и на курсах, и их слушатели - командиры, уже имевшие опыт партизанской борьбы, - отвергали такие рекомендации. Об этом пишет в книге "Пылающий лес", например, партизанский комбриг Владимир Иванович Марго.

Н. М. Можно ли по этой брошюре делать обобщения?

В. Л. А почему нет? Ведь она служила официальным учебным пособием. Других-то, как сказал уже Сергей Саввич, не было.

И еще, как могло получиться, что к началу войны у нас вообще не было теории партизанской войны? Ведь имелись труды Маркса, Энгельса, Ленина, других теоретиков, в которых они обобщали опыт партизанской войны. В первые годы советской власти над этой проблемой работал Фрунзе. Это богатейшее наследие не изучалось.

В одной из своих статей П. К. Пономаренко пишет, что до середины 30-х годов в стране проводилась "кое-какая подготовка к партизанской войне", были созданы базы снаряжения, оружия и т. п., но затем ликвидированы. Другой известный практик партизанской войны И. Стаинов добавляет, что большая часть подготовленных кадров подверглась репрессиям.

О недостатках, ошибках и упущениях в организации партизанского движения и централизованного руководства Пономаренко говорит не только в упомянутой статье, но и в сборнике "Партия во главе народной борьбы в тылу врага". (М., 1976), и в посмертно изданной его книге "Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941-1944" (М., 1986). В этих публикациях он подробно рассказывает о совершенно неоправданном с его точки зрения промедлении с созданием Центрального Штаба партизанского движения.

"Определенным промахом,- пишет он,- явилось то, что... штабы партизанского движения были организованы с большим запозданием". Как на виновников этого он указывает на Берию и Мехлиса.

С. Б. Сомневаюсь насчет Мехлиса. Вряд ли он осмелился бы перечить Сталину.

В. Л. Тем не менее Пономаренко сообщает о решении создать комиссию по руководству партизанским движением уже в июле 1941 г. В нее должны были войти Пономаренко, Мехлис и другие. Но все осталось на бумаге. Вопрос о руководстве движением обсуждался в Ставке Верховного Главнокомандования и в августе 1941-го. И опять - ничего. Лишь в конце ноября 1941-го Сталин предложил Пономаренко срочно организовать ЦШПД. Но вскоре последовало указание эту работу прекратить. Как выяснилось, Берия подал записку о нецелесообразности создания штаба. Между тем, лишенное командования партизанское движение несло большие потери.

Н. М. Но ведь не было опыта, шел поиск! И другое: считаю, что нельзя согласиться с утверждением И. Сталинова, что культ личности И. В. Сталина имел "трагические последствия в деле организации партизанского движения и подполья в первый год Великой Отечественной войны", что партизаны и подпольщики по вине Сталина "гибли в тылу врага как мотыльки над кострами". Такое заявление невозможно согласовать с тем фактом, что борьба в тылу врага стала всенародной, что она превратилась в один из решающих факторов нашей победы над врагом.

В. Л. Согласен с вами. Но зимой 1941 - 42 гг. потери партизан все-таки были очень и очень велики.

С. Б. К сожалению, это так. Но нельзя не учитывать и того, что наряду с субъективными факторами, оттянувшими организацию ЦШПД, существовали и объективные. Создание штаба требовало технических средств связи. На первых порах мы посылали связников - пеших и конных, на самолетах и ползком. Многие погибали, а иногда не находили партизан в условленном месте, и неизвестно было, то ли они отошли, то ли погибли. А без связи нет штаба. Но промышленность не располагала возможностями для выпуска специализированных технических средств. Когда появились портативные радиостанции "Белка" и

"Север" ("Белочка" и "Северок" как их ласково называли партизаны) - это было событие.

А ведь надо было еще готовить радистов и шифровальщиков, передавать отрядам и группам задания, приказы, сообщения, ориентировки. Надо было получать сведения от них из-за линии фронта.

Штаб все-таки можно было бы и раньше создать. Кстати, и после создания ЦШПД бюрократические привычки, случалось, изрядно мешали.

Вы помните, 6 сентября 1942 г. был учрежден пост главнокомандующего партизанским движением, на который был назначен маршал Советского Союза Ворошилов. Благодаря авторитету Климента Ефремовича, его энергии, настойчивости, были решены многие важные вопросы в части боевого и материально-технического снабжения и авиационных перевозок для партизан. Однако, после глубокого анализа состояния дел было признано целесообразным "в целях большей гибкости руководства партизанским движением, во избежание излишней централизации" пост Главнокомандующего партизанским движением упразднить. Ворошилов несколько раз собирал руководящих работников фронтовых штабов, но мы ощущали, что теряется оперативность в решении вопросов, не терпящих отлагательства. Созданная структура - управления во главе с генералами - усложняла решение вопросов. Об этом говорили прямо.

До этого как было? Я получил радиogramму. Например, партизаны где-то попали в сложное положение, просят помощи. Я тут же даю ответ: такой-то из бригад, что поблизости от попавших в беду, приказываю выручить их; или даю команду забросить с самолета боеприпасы. Радиogramма сразу же шифровалась и уходила к партизанам. А тут всякие согласования, увязки...

В. Л. Ну, мы-то всего этого не знали. Как услышали, что у нас такой главнокомандующий, обрадовались: "Теперь во как будет!" И правда, мы-то ходили с винтовками мосинскими, образца 1891 - 1930 года, или с немецкими. А тут из нашего тыла сразу пошли ребята с новенькими ППШ!

С. Б. Да, на первых порах, он, пользуясь своим положением, "выбивал" для партизан оружие и боеприпасы. Но уже 19 ноября этот пост был упразднен.

В. Л. Я еще раз хочу вернуться к вопросу о руководящей роли партии. Как я уже говорил, судя по множеству исследований, партизанами руководили постоянно. Во многих из нас эти утверждения вызывали протест: "Да кто там, мол, руководил нами? Мы этих руководителей и в глаза не видели!" Особенно резок этот протест был у бойцов мелких диверсионных групп. В бригадах-то это руководство было заметнее, ощутимее для всех бойцов.

В чем же выражалось руководство партии партизанским движением? В директивах, постановлениях, приказах? Да. Только главное-то руководство олицетворялось в командирах, комиссарах и бойцах - членах ВКП(б). Они и проводили партийную линию прежде всего своим примером, и лишь потом - приказом. Лозунг (и приказ) "Коммунисты, вперед!" означал: первым встань в атаку, под пули, увлеку людей за собой. И этого заменить нельзя было ничем.

О чем бы ни брались говорить нынешние "идеологи", они каждый раз стараются лягнуть коммунистическую идею и коммунистов. И если повода для этого у них нет, то они стараются замалчивать то, о чем упоминать для них невыгодно. Так что первое, чему следовало бы им поучиться - это объективности, честности исследователя.

Живущий сейчас в Париже А. Зиновьев написал, что когда политрук на фронте кричал: "Коммунисты, вперед!", то коммунисты бросались в бой первыми. И это нельзя вычеркнуть. Тем, кто сегодня ополчился на коммунистов, надо помнить хотя бы об одном - об их величайшей роли в борьбе против фашизма, нацизма. Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить.

Н. М. А какой результат это дало, мы знаем. Нас, партизан, было больше миллиона. Не будем вспоминать о числе убитых с обеих сторон. Оно велико. А вот о страхе, который внушали партизаны оккупантам, сказать по-моему надо.

В. Л. Пусть лучше скажет об этом противник или послевоенные западные исследователи. Так, в августе 1942 г. Гитлер издал директиву, в которой признавалось, что партизанское движение угрожает стать серьезной опасностью для снабжения фронта. Тогда же он, "из идеологических соображений", распорядился вместо слова "партизаны" употреблять только

слова "бандиты" и "банды". А по словам немецкого писателя, бывшего солдата вермахта Бруно Винцера, многие его однополчане предпочли бы лежать на передовой в окопе под артиллерийским огнем и не поменялись бы местами с водителем, который должен был доставлять боеприпасы или продовольствие через партизанские районы.

Западные исследователи Диксон и Гейльбрунн пишут, что "ущерб", нанесенный немецкой армии партизанской войной, нельзя определять только числом убитых и раненых, количеством уничтоженных орудий и складов. К этому следует добавить потерю немецкой армией боеспособности и ударной мощи, значение которых трудно оценить в цифрах. Главное состоит в том, что ухудшилось моральное состояние солдат, которые воевали в стране, где "каждый гражданин мог оказаться партизаном..."

Г. 3. Здесь стоит вспомнить о партизанских краях, которых к апрелю 1942 г. на оккупированной территории было одиннадцать, в 1943-44 гг. - около двадцати, а также о партизанских зонах. В чем их различие? Партизанские зоны - это местности, где партизаны проводили постоянные боевые действия и в той или иной мере осуществляли свой контроль. А партизанские края - это значительные территории в тылу врага, на длительное время освобожденные партизанами. Они, как правило, простирались на территории нескольких административных районов. Так, в 1943 г. партизаны контролировали около 60 процентов территории Белоруссии.

Крупные партизанские края были на севере Украины, в Калининской и Ленинградской областях (по тогдашнему административному делению). Всего к осени 1943 г. эти края и зоны занимали более 200 тыс. кв. км., то есть территорию, равную Англии, Дании и Бельгии вместе взятым. Английский историк Джеральд Рейтлинджер констатировал, что действительные размеры территории, которую немцы когда-либо контролировали, были столь малы, а объем деятельности гражданских оккупационных властей был столь незначителен, что настоящую историю страны в период германской оккупации надо искать в анналах партизанской войны...

Н. М. И с партизанских краев они поживиться уже ничем не могли. Например, на базе совхозов и крупных колхозов гитлеровцы создали 965 так называемых "государственных

имений", а распоряжались только в ста семи; 312 "имений" были захвачены и удерживались партизанами, а 546 были ими разрушены.

В. Л. Говоря о разных сторонах деятельности партизан, следует, видимо, вспомнить еще и о спасении наших людей, предназначенных к угону в Германию, о вывозе в советский тыл детей и массовом выводе туда населения оккупированных прифронтовых районов, о защите населения, скрывавшегося от оккупантов в труднодоступных местностях.

С. Б. Это действительно очень важный аспект борьбы партизан. Боевые операции по спасению населения и военнопленных считались одними из важнейших. Но хочу рассказать о самом волнующем эпизоде этой эпопеи - о вывозе детей.

В. Л. На Нюрнбергском процессе американский обвинитель Стори, между прочим, представил трибуналу письмо из штаба одной из команд, входивших в эйнзатцгруппу "С", от 19 марта 1943 г., в котором в качестве средств борьбы с ростом партизанских сил предлагались такие меры, как расстрел детей и сожжение целых деревень.

С. Б. Так вот в Калининской области в июне 1944 г. оставались оккупированными лишь несколько западных районов. Гитлеровцы активно проводили в их прифронтовой полосе карательные экспедиции. Наши самолеты не успевали эвакуировать раненых партизан и сильно пострадавших местных жителей и детей. И тут партизанская разведка установила, что в лесах вокруг Себежа скрывается почти 9 тысяч человек, причем около 2 тысяч из них - дети.

Партизаны запросили помощь для спасения детей. Вскоре Калининскому штабу партизанского движения было выделено 35 самолетов и горючее. С 22 июня по 13 июля летчики 347 раз прилетали на партизанские аэродромы и вывезли 1570 детей, 93 кормящих матери и 105 раненых партизан.

Партизаны укрывали население в лесах и выводили его за линию фронта. Ленинградские партизаны сорвали отправку в Германию более 400 тысяч граждан. В Минской области они укрывали в лесах и спасли около 70 тысяч мирных граждан. А всего из Белоруссии было выведено с оккупированной территории республики 87480 человек.

Подобные операции проводили и калининские партизаны. 7 октября 1943 г. нашими войсками был освобожден город

Невель, они вплотную приблизились к восточной границе партизанского края. В ноябре-декабре того года калининские партизанские бригады вместе с армией вывели за линию фронта несколько десятков тысяч жителей и тем самым спасли их от карателей. Впрочем, Николай Иванович - непосредственный участник одной из таких операций.

Н. М. В начале ноября 1943 г. противнику удалось рассечь партизанский край надвое. Партизанские бригады, находившиеся в его восточной части, были прижаты к линии фронта. Вместе с партизанами там оказались и тысячи мирных жителей, покинувших свои села и деревни. Положение сложилось критическое. Было решено, прежде всего, вывести за линию фронта население. Колонны мирных жителей, прикрываемые партизанскими отрядами, двинулись к линии фронта. Части Красной Армии к моменту их подхода прорвали на небольшом участке немецкие укрепления и в образовавшуюся узкую брешь устремились тысячи женщин, детей, стариков. На их пути была река. Партизаны соорудили мост, по которому под обстрелом врага стали переправлять на восточный берег людей и повозки с их имуществом. Скот переправляли на противоположный берег вброд и вплавь. На рассвете враг усилил обстрел переправы, но тысячи мирных граждан и партизаны были уже в безопасности.

* * *

Удалось ли нам, участникам "круглого стола", показать партизан Великой Отечественной как боевых товарищей, граждан и защитников Родины? Как бы то ни было, но наш разговор, хочется думать, был не бесполезным. Ведь каждый из нас, участников минувшей войны, руководствовался желанием сказать свое решительное слово против тех, кто пытается сегодня пересмотреть, переоценить нашу историю.

Напомним признание Гимmlера на Нюрнбергском процессе о том, что целью похода на Россию было истребление около 30 миллионов "славянского населения". Нацизм давно осужден мировой общественностью за то, что целью своей политики ставил геноцид. Американский обвинитель на Нюрнбергском процессе Гаррис подчеркивал, что этот план убийства миллионов невинных людей должен был проводиться в таком огром-

ном масштабе, "что превосходит все границы человеческого представления..."

Не скрывали фашисты и того, что покоренные народы интересовали их только как рабы. "Что случится с русским или чехом, меня несколько не интересует... Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры..." ; - заявлял тот же Гиммлер.

А вот мечтания самого Адольфа Гитлера: "8-9. 09. 1941. ... Когда мы будем осваивать русское пространство, то "имперские крестьяне" должны будут жить в селениях выдающейся красоты... Вокруг каждого города в радиусе 30-40 км будут кольцом располагаться красивые деревни... Все, что лежит за пределами этого кольца, - иной мир, где мы разрешим русским жить как они хотят. Лишь бы мы господствовали над ними.

11. 04. 1942. ... Если русские, украинцы, киргизы и т. д. научатся читать и писать, то это нам может лишь повредить. Ибо подобные навыки дали бы возможность самым способным из них получить определенные знания из области истории и, следовательно, прийти к размышлениям политического свойства... ... И пусть никому не приходит в голову передавать покоренным народам по радио сведения из их прежней истории".

Вот такая, с позволения сказать, нацистская "утопия". Пусть вспомнят об этом "переоценщики" истории Великой Отечественной войны.

Думается, больше нет нужды приводить подобные примеры. Нужно лишь помнить о том, что было, и напоминать об этом молодым. По-прежнему актуальны слова Юлиуса Фучика: "Люди, будьте бдительны!".

И. С. Борисов - комиссар
Андреапольского партизанского
отряда. Почетный председатель
совета ветеранов калининских
партизан

С. С. Бельченко - председатель
Центрального штаба
партизанского движения, член
военного совета Калининского
фронта

В. Н. Лоренсон - командир
спецгруппы партизан-
подрывников

М. П. Павлов - политрук отряда
им. Суворова 1-й партизанской
бригады

**В. А. Проскуров - зам.
командира 1-й партизанской
бригады по разведке**

**А. А. Александров - командир
партизанского отряда
"Народный мститель"**

**К. И. Тяпина - разведчица
2-й партизанской бригады**

**А. В. Лапина - связная
2-й партизанской бригады**

В. П. Заболотнов - разведчик
3-й партизанской бригады

А. Ф. Анисимова - начальник
госпиталя 3-й партизанской
бригады

Ф. Т. Бойдин - командир
1-й, впоследствии -
4-й партизанской бригады

Н. Н. Ершов - боец
4-й партизанской бригады

В. Н. Вакарин - комиссар 4-й партизанской бригады (справа)
и **Н. Т. Кулагин** - военный летчик, обеспечивший эвакуацию детей
на Большую землю

З. А. Копылова (справа) - радистка 4-й партизанской бригады
и **Н. К. Бойдина** - разведчица 1-й партизанской бригады

Г. М. Зайцев - подрывник
6-й партизанской бригады.
С 1993 по 1994 гг. -
председатель совета ветеранов
калининских партизан

В. С. Карговский - командир
отряда, комиссар
21-й партизанской бригады.
Многие годы - заместитель
председателя совета ветеранов
калининских партизан

Д. А. Дергачева - разведчица
6-й партизанской бригады

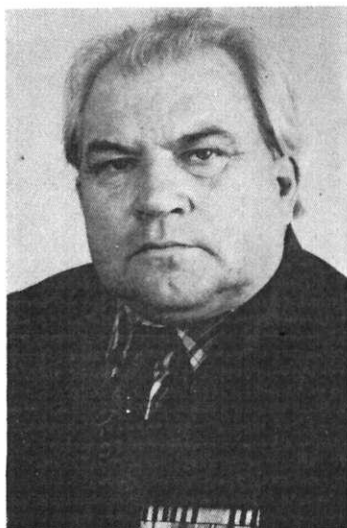
Д. А. Халтурин - командир
15-й партизанской бригады

Л. А. Таранова - политрук
комсомольско-молодежной
бригады им. Л. Чайкиной

Е. И. Малышева - разведчица
Погорельского партизанского
отряда

В. В. Хомяченков - разведчик
Погорельского партизанского
отряда

А. П. Голубев - политрук
партизанской бригады
им. Д. Давыдова

В. И. Терещатов - командир партизанского отряда "Земляки" (крайний справа), **В. П. Самсонс** - командир отдельного латышского партизанского отряда, Герой Советского Союза (в центре), **И. К. Захаров** - партизан из Белоруссии, Герой Советского Союза

Г.С. Самуйлов - командир взвода разведотряда спецназначения штаба калининских партизан

Н. И. Макаров - командир 6-й партизанской бригады

*А. И. Штрафов - уполномоченный штаба партизанского движения
при Военном совете Калининского фронта (в центре)
и В. И. Терещатов (справа)*

*И. К. Никоненко - командир
16-й партизанской бригады*

*Н. М. Вараксов - командир
10-й партизанской бригады*

И. Т. Васьюков - начальник штаба
4-й партизанской бригады

С. И. Громов - комиссар
12-й партизанской бригады

А. Р. Соловьев - зам. комбрига
по разведке 7-й партизанской
бригады

А. К. Филиппов - командир
Пеновского партизанского
отряда

**С. А. Климов - политрук
бригадной разведки
1-й партизанской бригады**

**А. В. Гусаков - политрук
6-й партизанской бригады**

**Н. К. Бойдина - разведчица
1-й партизанской бригады**

**М. А. Булинова - медсестра
12-й партизанской бригады**

С. М. Максименко - командир
партизанской бригады
им. Л. Чайкиной

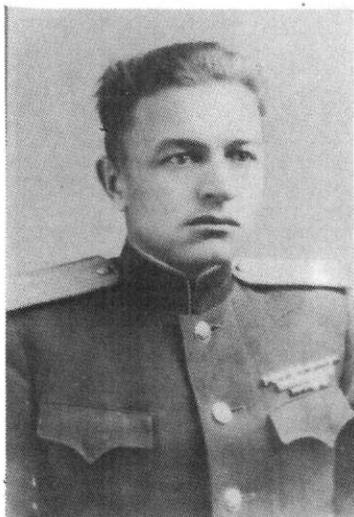
Ф. Х. Тяпин - командир
партизанского отряда
"За родную землю"
2-й партизанской бригады

Г. Ф. Бабаков - командир
13-й партизанской бригады

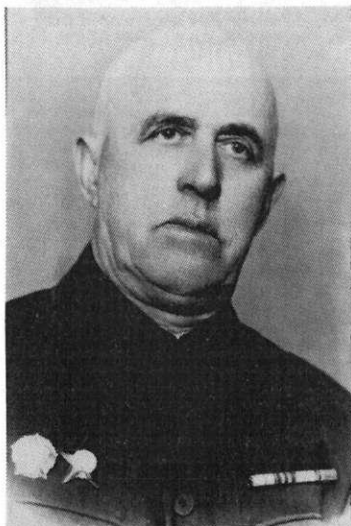
В. В. Бычков - командир
отделения разведки
1-й партизанской бригады

**П. В. Рындин - командир
2-й и 6-й партизанских бригад**

**В. В. Лебедева - разведчица
Андреапольского партизанского
отряда**

**Я. К. Кириллов - боец
Андреапольского
партизанского отряда**

**К. Е. Федюнина - медсестра
отряда "За родную землю"
2-й партизанской бригады**

*А. Г. Соловьева - партизанка,
секретарь подпольного
Идрицкого райкома ВЛКСМ*

*Т. М. Кондратьева - командир
отделения 2-й партизанской
бригады*

*Т. Н. Андреева - разведчица
2-й партизанской бригады*

*Н. В. Богучарова - боец
1-й партизанской бригады*

Бойцы партизанского отряда Кашинского района. Стоят слева направо: А. Кулаков, Е. Димеченков, Е. Чистяков, сидит - М. Субботин.

Встреча боевых партизанских подруг на Кургане дружбы. 1985 г. Сидят слева направо: В. П. Борисова, Ф. М. Макарова; во втором ряду: Н. К. Бойдина, А. Ф. Анисимова, К. И. Тяпина, З. А. Копылова; в третьем ряду: Е. И. Малышева, Л. А. Таранова, М. А. Булинова и Н. Г. Михайлова

До новой встречи на партизанском слете! Слева направо: Н. Т. Кулагин, И. С. Борисов, В. И. Терещатов, А. В. Назаров, А. Ф. Храмов, И. Г. Сушков, В. Ф. Рыбаков, О. А. Михайлова

На память о встрече. Слева направо: А. Г. Соловьева, К. И. Тяпина, В. С. Карговский, С. М. Щербаков, И. В. Жуков, С. И. Свирид, В. П. Заболотнов

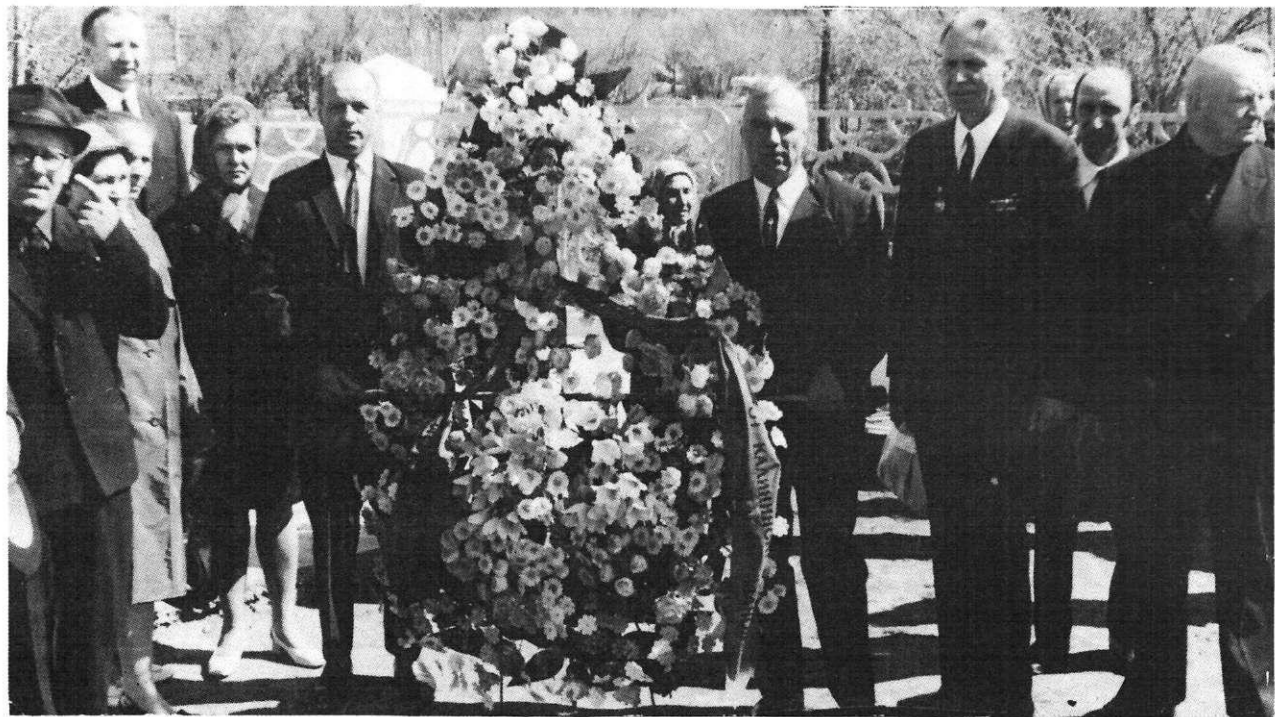
Группа калининских партизан вручает одному из лучших водителей автопарка В. Цветкову свидетельство о присвоении автобусу имени героя-партизана Н. Горячева

Курган Дружбы, 1975 год. Слева направо: И. Г. Сушков, И. К. Захаров, А. В. Романов, В. Ф. Рыбаков, А. И. Григорьев, В. П. Заболотнов

У братской могилы товарищей-партизан. 1985 г.
Слева направо: генерал-майор А. В. Назаров, полковник
А. Ф. Храмов, гвардии полковник В. И. Чуркин

Возложение венков к партизанским могилам на Смоленском кладбище . 1971 г.

Встреча калининских партизан с руководителями области. 1971 г. Слева направо: В. Ф. Рыбаков, К. И. Тяпина, И. В. Жуков, В. С. Карговский, Н. Г. Корытков - секретарь обкома КПСС, В. И. Терещатов, Н. К. Бойдина и И. П. Бойцов - бывший секретарь Калининского обкома партии, член военного совета Калининского фронта

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5

От Советского Информбюро

Из сводок Совинформбюро	9

Вспоминая былые походы

Эхо народного гнева. И. Борисов.	41
За Родину - не щадя жизни. С. Бельченко	49
Слово о комиссаре Штрахове. В. Лоренцсон.	61
Памятник в Долосцах. М. Павлов	73
Разведка доложила точно. В. Проскуров.	77
Напомнила карта. А. Александров	88
Последняя схватка. К. Тяпина	106
Страну заслонили собой. Б. Кулаков	118
Время испытаний. А. Лапина.	125
"Заколдованный" аэродром. В. Заболотнов	129
Партизанская клиника. А. Анисимова.	134
Операция "Савкинский мост". Ф. Бойдин.	138
558 дней в тылу врага. В. Вакарин.	143
День рождения. Н. Ершов.	153
Из дневника радистки. З. Копылова.	161
Дорогами пятой бригады. В. Иванов.	169
Сторона моя милая, боевая родня. Г. Зайцев	174
Идут по войне девчата. Д. Дергачева.	184
Мы - подрывники. В. Кирьянов	201
Невыдуманное. В. Милютин	204
Павловский бой. Д. Халтурин	208
Героем был каждый. В. Карговский	214
Бои и утраты. Л. Таранова.	222
У партизанской дружбы нет конца. Е. Малышева	230
Стихи. В. Хомяченков	235
Конец "Снежного зайца". В. Терещатов	236
Парни из Вышнего Волочка. А. Голубев.	241
Память сердца. Г. Самуйлов	249
"Латыши умеют драться!" В. Самсонс.	254
Себежское подполье. И. Квич	265

Истории немеркнущие строки

Партизаны: человеческое измерение. Материалы "круглого стола"	285

МЫ, КАЛИНИНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ...

**Хроника
Воспоминания
Документы**

Составитель А. Е. Смирнов

Редактор Е. И. Борисов

Технический редактор Л. А. Бадеева

Корректоры В. Б. Богачева, С. В. Крылова

Компьютерный набор Н. Б. Борисова, Л. Б. Иващенко

ЛР № 040666

Подписано в печать 15. 02. 95. Формат бумаги 84 x 108¹/₃₂.

Объем 10,35. Усл. п. л. 17,5. Тираж 3000 экз. Изд. №185.

Цена свободная

Тверское областное книжно-журнальное издательство,
г. Тверь, пр. Чайковского, 26

Областная типография,
г. Тверь, Студенческий пер., 28

Заказ 1813.